

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 **Парадигмы истории и общественного развития** [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В.С. Авдонин [и др.]. — Вып. 21-22. — Севастополь : СевГУ, 2021. — 114 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Вахонеев В. В.

Крейсер «Червона Украина» в контексте археологии кораблекрушений XX в. 7

Горбачева А. Ю., Дмитриева В. В.

Характеристика процесса становления и развития исторического школьного образования в Советской России в период с 1917 по 1945 годы 14

Козлов М. Н.

К вопросу о нетрадиционных языческих погребениях в Древней Руси 19

Рыбак И. В.

Религиозная политика в Крыму (1917 - 1920 гг.) 24

Савчинский В. Э.

Центральная Рада и Временное правительство: компромисс политических программ летом 1917 года 29

Политические науки

Бичаков С. А.

Регион Большого Средиземноморья в западноевропейской и американской историографии второй половины XX – начала XXI вв. 36

Бунецкий Л. Л.

Особенности массового политического менталитета граждан в условиях самоопределения Крыма и Севастополя: историко-политологический аспект 45

Гарас Л. Н., Лебедь Н. И.

Особенности реализации электронного правительства в Австрийской Республике 57

Демешко Н. Э., Ирхин А. А.

Российские технологии интеграции крымских татар 63

Опара А. Ю., Максимова Е. Н.

Сетевое участие как новая форма политического участия: теоретический аспект 68

Философские науки

Галяс И. А.

Востребованность лидера как субъекта власти в условиях первобытного общества 73

Жиртуева Н. С.

Феномен мистики в русской религиозной философии 79

Миронов А. В.	
Понятийный аппарат исследования проблемы социального одиночества	84
Ткаченко Р. В.	
Методологический анализ концепции научно-исследовательских программ Имре Лакатоса	89
Чемшиш А. А., Чемшиш Д. А.	
Ф. М. Достоевский: нравственное измерение войны	94
Чугунов С. В.	
Отечественная философия о взаимодействии государства и церкви	98
Ярмак О. В., Воронова Д. И., Евдокимова Д. М., Комар А. Г., Черкесс А. А.	
Вакцинный кейс: социальное медиааналитическое измерение (результата исследования интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя)	103

CONTENTS

Historical Studies

- Vakhoneev V. V.**
Cruiser «Chervona Ukraina» in the Context of the Shipwreck Archeology of the 20th Century 7
- Gorbacheva A. Yu., Dmitrieva V. V.**
Characteristics of the Process of Formation and Development of School History Education in Soviet Russia
in the Period from 1917 to 1945 14
- Kozlov M. N.**
On the Question of Non-Traditional Pagan Burials in Ancient Russia 19
- Rybak I. V.**
Religious Politics in Crimea (1917 - 1920) 24
- Savchinskiy V. E.**
The Central Rada and the Provisional Government: a Compromise of Political Programs in the Summer of
1917 29

Political Studies

- Bichakov S. A.**
Great Mediterranean Region in Western European and American Historiography of the Second Half of the
20th – Beginning of the 21st Centuries 36
- Bunetskiy L. L.**
Peculiarities of the Mass Political Mentality of Citizens in the Conditions of Self-Determination of Crimea
and Sevastopol: Historical and Political Aspect 45
- Garas L. N., Lebed N. I.**
Features of Implementation of Electronic Government in the Republic of Austria 57
- Demeshko N. E., Irkhin A. A.**
Russian Technologies for Integration of Crimean Tatars 63
- Opara A. Yu., Maksimova E. N.**
Digitally Networked Participation as a New Form of Political Participation: Theoretical Aspect 68

Philosophical Studies

- Galyas I. A.**
Demand for a Leader as a Subject of Power in a Primitive Society 73
- Zhirtueva N. S.**
The Phenomenon of Mysticism in Russian Religious Philosophy 79

Mironov A. V. The Conceptual Apparatus of the Study of the Social Loneliness Problem	84
Tkachenko R. V. Methodological Analysis of the Concept of Imre Lakatos`s Research Programmes	89
Chemshit A. A., Chemshit D. A. F. M. Dostoevsky: the Moral Dimension of War	94
Chugunov S. V. Russian Philosophy on the Interaction of State and Church	98
Yarmak, O. V., Voronova D. I., Evdokimova D. M., Komar A. G., Cherkess A. A. Vaccine Case: Social Media Analytic Dimension (Results of a Study of Internet Audiences in Moscow, St. Petersburg and Sevastopol)	103

УДК 902.034:623.822(47)''1941/1945''

Статья посвящена проблеме оценки затонувших кораблей XX в. в качестве объектов интереса морских археологов на примере крейсера «Червона Украина». Автор приводит анализ музейных предметов, связанных с одним из самых знаменитых крейсеров Черноморского флота и хранящихся в фондах музеев России, сквозь призму морской истории и археологии кораблекрушений, и его значения, как показательного корабля флота в 1930-х гг. Автор приходит к выводу о необходимости сохранения остатков крейсера, находящихся на глубине 5 м у Бакальской Косы и недопущении дальнейших их уничтожений в ходе раздела на металлолом.

Ключевые слова: крейсер, «Адмирал Нахимов», «Червона Украина», кораблекрушение, музейный предмет

В. В. Вахонеев, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vvvkerch@mail.ru

КРЕЙСЕР «ЧЕРВОНА УКРАИНА» В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИИ КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ XX В.¹

Кораблекрушения периода Великой Отечественной войны представляют собой самую многочисленную группу затонувших объектов на Черном море за всё историческое время. К этой группе можно добавить ещё и крушения самолётов, которых только на черноморском театре военных действий было потеряно больше тысячи. Все эти группы сформировали глобальный морской ландшафт войны, который только предстоит изучить с точки зрения морской археологии.

В последнее время с этих позиций началась отмечаться ценность археологического документирования для сохранения железных кораблекрушений в долгосрочной перспективе, которые уже через 20 лет станут объектами археологического наследия в российском правовом поле. Несмотря на то, что период Великой Отечественной войны известен намного лучше, чем исторические события более ранних периодов истории, современные специалисты могут применить тут археологическую методологию для поиска ответов на военно-исторические, социально-экономические, технические вопросы. Данные ответы могут подтвердить, дополнить или опровергнуть данные других групп исторических источников. Примером таких исследований могут стать переоценка местоположения заявленных в архивных данных потерь. Отдельное внимание, безусловно, может быть уделено изучению микроистории экипажа корабля на основе изучения предметов материальной культуры, собранных археологами под водой.

Однако такое отношение к военным объектам сформировалось совсем недавно, пройдя тернистый путь сквозь призму утилитарного подхода к затопленным кораблям.

В последней четверти XX в. в англоязычной историографии разгорелась активная дискуссия, связанная с появлением нового направления морской археологии – археологией железных и паровых судов.

В 1980 г. Кит Макелрой, автор кембриджского учебника по морской археологии, отмечал, что археологическое исследование поздних затонувших железных кораблей является бессмысленной тратой времени. Он аргументировал свои убеждения тем, что основная информация об этих объектах надёжно хранится в архивах и музейных собраниях. Эта информация гораздо полезнее для

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-49-920007\20 р_а Севастополь «Крейсер «Червона Украина»: историко-архивные и подводно-археологические исследования корабля-участника обороны Севастополя периода Великой Отечественной войны»

исследователя, чем та, которая может быть извлечена из артефактов, найденных под водой в месте кораблекрушения. По мнению К. Макелроя, археология, являясь академической дисциплиной, становится излишней в том месте, где архивы и устная история дают в разы больше информации, чем можно получить при подводных исследованиях самих железных кораблекрушений [11, р. 10].

Примерно такого же мнения придерживался и сотрудник Национального морского музея в Гринвиче Дэвид Лайон. Он предложил всю морскую историю разделить на два периода. Первый период длился до XVII в. и характеризовался, в основном, доминированием археологической информации, т.е. полученной от археологических полевых работ, когда историки зависят главным образом от археологов. Второй период – после XVII в. Именно в это время появились точные планы и модели судов. Только лишь в Национальном морском музее в Гринвиче находится на хранении более 500 тысяч планов и схем судов. Д. Лайон был убеждён, что в том случае, когда сохранились подробные исторические записи для конкретного корабля, то не имеет смысла тратить время и значительные финансы для организации экспедиций для исследования остатков на дне моря [7, р. 3-20].

Именно указанные позиции позволили поставить перед научным сообществом важный вопрос: насколько целесообразно проводить археологическую фиксацию разрушенного со временем кораблекрушения, если в архиве сохранился его чертёж. Более того, Дж. Хендерсон к указанному добавляет ещё один немаловажный факт: железные корабли, в отличие от деревянных, изготовленных ремесленниками, утратили свою индивидуальность [5, р. 11].

В разгар данной дискуссии в 1980-х гг. было сделано несколько важных открытий и проведён ряд серьёзных научных подводных исследований на местах железных кораблекрушений нового и новейшего периода. Это в первую очередь касается винтового парохода «Xantho», при обследовании которого были адаптированы традиционные методы археологической фиксации [10, р. 99-108; 11, р. VIII]. В дальнейшем последовали открытия мест гибели «Титаника» и «Бисмарка». Именно эти находки привлекли внимание общественности к исследованиям кораблекрушений нового и новейшего времени. Данный интерес не утих до сих пор. Результатом этого стало также и внимание морских археологов к железным кораблекрушениям [6; 10, р. 221-257].

К современности научный и общественный интерес также перешёл и на кораблекрушения периода Великой Отечественной войны. За последние годы в Черном море найдены десятки военных объектов.

Исследование кораблекрушений этого периода по своей природе имеет самое различное наполнение для разных социальных групп современного общества. Во-первых, они являются физическим напоминанием о событиях войны. Многие из них являются братскими могилами. Во-вторых, они являются объектами исследования военных историков. Однако, в данном случае, в нашей стране традиционно историки зачастую не берут во внимание результаты подводных работ, ограничиваясь архивными или мемуарными материалами. В экологическом плане кораблекрушения могут быть как полезны (искусственные рифы), так и иметь негативное влияние на природу (выбросы нефтепродуктов, хранилище взрывоопасных предметов).

Морские исследования объектов, затонувших в период войны, в современности в основном ограничены приборным поиском мест самих кораблекрушений с целью выяснения причин затопления, реже – проводится поверхностный подводный осмотр. При этом эти натурные исследования не затрагивают более широкие культурные, экономические и технологические вопросы, которые задают археологи, исследующие более ранние объекты. Фактически такая работа, по меткому выражению Р. Нейланда, связана с наполнением морской карты флажками точек гибели наиболее известных кораблей [12, р. 711]. Часто такие экспедиции сопровождаются созданием документальных фильмов. Однако имеются и более серьёзные исследовательские проекты. Наиболее ярким примером последнего времени стали поиски и обследование теплохода «Армения», проводимые под эгидой Министерства обороны РФ. Данный проект включал в себя не только подводные исследования объекта, но и историко-архивные изыскания, результатом которых стало создание портала teplohodarmenia.ru.

Наиболее распространённым примером исследований являются многочисленные волонтерские военно-исторические экспедиции подводных клубов и различных общественных организаций, работающие под эгидой Поискового движения России. Относительная низкая стоимость и доступность технологий методов дистанционного поиска часто приводит к новым открытиям кораблекрушений времён Великой Отечественной войны, особенно в достаточно мелководном Керченском проливе. К тому же, такие объекты, как металлические корабли, гораздо легче выявлять по сравнению с более древними кораблекрушениями.

При этом следует отдельно отметить, что оценка значимости затонувшего судна нового и новейшего периода чрезвычайно субъективна и зависит от ряда факторов. Николас Кларк отметил одну хорошо заметную особенность: кораблекрушениям, затонувшим с большим резонансом, с человеческими жертвами и материальными благами, сопутствует, как правило, больше документальных материалов и устойчивый интерес исследователей и общества в целом, чем судам, которые имели безопасную и успешную историю функционирования и были затоплены лишь тогда, когда пришли в негодность и были списаны [4, р. 13-18].



Рис. 1. Крейсер «Червона Украина». Фотоотрытка конца 1930-х гг. (из фондов ЦВММ)

К первому примеру можно отнести поиски уже упомянутых «Титаника», «Бисмарка», а также санитарного транспорта «Армения» на Черном море.

Морские археологи, по меткому выражению Н. Ричардса, как правило, смотрят на затопленные объекты именно через линзу крушения, при этом практически полностью игнорируя значения затопленных объектов, утраченных не катастрофически [13, р. 9]. Таким образом второй пример редко привлекает внимание морских археологов. К нему же относится и крейсер «Червона Украина», который, несмотря на свою славную и насыщенную историю, оказался списанным в качестве мишени, а около 10 лет назад и вовсе был реализован частным предпринимателям в качестве источника металлолома.

Крейсер был заложен на заводе «Русского судостроительного общества» в 1913 г. под названием «Адмирал Нахимов», а энергетические установки должны были собирать на заводе «Наваль». В условиях военного времени темпы строительства корабля значительно отставали, а в период гражданской войны и вовсе остановились. В первой половине 1920-х гг. достройка восстановилась, а сам корабль был переименован в 1922 г. на «Червону Украину».

После постройки «Червона Украина» стала первым крупным кораблём, завершённым советской властью (*рис. 1*). Вероятно, благодаря этому факту его неоднократно посещали советские государственные и партийные деятели, доказательством чему является достаточно многочисленный фонд фотографий во многих российских музеях. И. В. Сталин, посетивший крейсер в июле 1929 г., оставил свою запись в книге почётных гостей [1, с. 1]. Этому эпизоду истории крейсера посвящены картины художников В. Ф. Федорова и К. А. Вялова. Фотографии посещения Сталиным корабля неоднократно тиражировались. К примеру, 1933 г. были выпущены фотооткрытки, запечатлевшие вождя с командой, а в 1942 г., уже после гибели крейсера, в Москве был выпущен тираж открыток, содержащих фотографию И. В. Сталина на палубе корабля (к примеру, Центральный военно-морской музей Министерства обороны РФ (далее – ЦВММ) КП-18704). Это часть общей фотографии, выполненной совместно с Г. К. Орджоникидзе 25 июля 1929 г. (пример – Государственный центральный музей современной истории России (далее – ГЦМСИР) ГИК 33985/82).

Хорошо известны также фотографии посещения корабля Г. К. Орджоникидзе в 1929 и 1935 гг. Кстати, в 1930 г. он был утверждён в звании Почётного краснофлотца крейсера «Червона Украина». Выданное ему удостоверение хранится в фондах ГЦМСИР (ГИК 14676).

К этому следует прибавить также и то, что на нем проходили службу ставшие в последствии адмиралами Н. Е. Басистый, Л. А. Владимирский, Н. Г. Кузнецов, Ю. А. Пантелеев [3, с. 81]. В Государственном центральном музее современной истории России хранится запись К. Е. Ворошилова (ГЦМСИР 23081/28), сделанная во время посещения крейсера в 1929 г., в которой «Червона Украина» названа лучшим кораблём Черноморского флота.

В конце 1920 – начале 1930-х гг. крейсер неоднократно посещал средиземноморские страны. В ЦВММ хранятся фотографии, запечатлевшие заграничный поход крейсера в Мессину и Грецию в 1930 г., стоянку в Турции в 1928 г. и т.д. На протяжении 1930-х гг. крейсер являлся своеобразной витриной мощи Черноморского флота. Свидетельством этого являются неоднократные посещения корабля иностранцами. В фондах ЦВММ хранится коллекция фотографий этого периода, запечатлевшая посещение крейсера иностранными военными представителями Турции (ЦВММ КП ФГ О-43916) и Германии (ЦВММ КП ФГ О-43914/1-5). В 1928 г. в сопровождении командующего Черноморским флотом В.М. Орловым крейсер посетил король Афганистана Аманулла-хан (ЦВММ КП ФГ О-45513).

В Великую Отечественную войну крейсер, несмотря на свой достаточно короткий боевой путь, внёс важный вклад в эвакуацию Одессы и оборону Севастополя. 12 ноября 1941 г. во время авианалёта крейсер, стоящий у Графской пристани Севастополя, получил критические повреждения и на следующий день затонул на глубине 13–16 м. Над водой остались возвышаться прожекторная площадка на мачте, край дымовой трубы и фрагмент шкафута на правом борту. В ходе налёта противника и спасения судна погибло 70 человек.

В течение полугода после гибели крейсера на нём проводились водолазные работы, в ходе которых с него были сняты 12 130-мм орудий (рис. 2), которые установили на рубежах обороны города, 3 100-мм зенитные установки, 2 из которых были установлены на крейсер «Красный Кавказ», гребной винт, торпедный аппарат, другое вооружение, снаряды, обмундирование и продовольствие. Вопрос подъёма самого корабля в условиях осады города в то время не стоял.



Рис. 2. 130-мм орудие с крейсера «Червона Украина» на Малаховом кургане (из фондов ЦВММ)

Крейсер был поднят в ноябре 1947 г., причём данная операция на момент её проведения была самой крупной и продолжительной послевоенной судоподъёмной операцией аварийно-спасательной службы Черноморского флота, задействовавшей в сумме 55 понтонов, общей грузоподъёмностью 7600 т [2] (рис. 3).

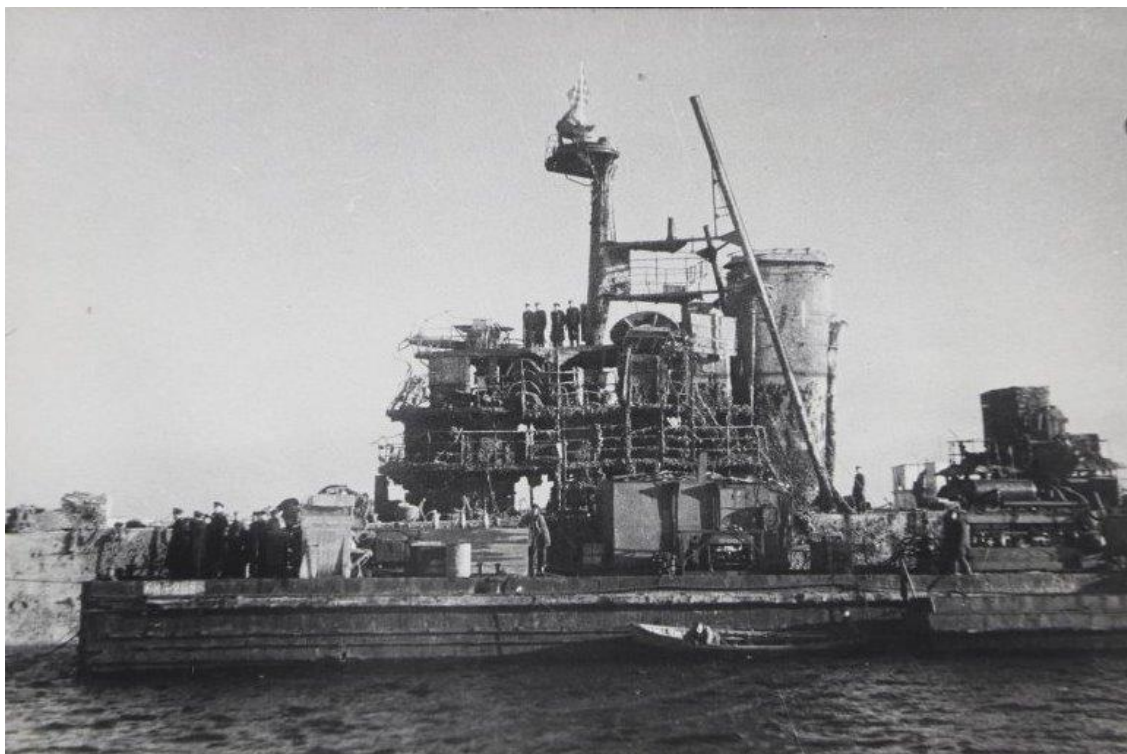


Рис. 3. Подъем крейсера «Червона Украина», 1947 г. (из фондов ЦВММ)

После восстановления корпуса в 1949 г. он был передан Учебному отряду Черноморского флота в качестве учебно-тренировочной станции для обучения новобранцев борьбе за живучесть кораблей. В 1950 г. он был переоборудован в корабль-цель, а в 1952 г. посажен на грунт в районе Бакальской косы в Каркинитском заливе в качестве учебной мишени для бомбометания морской авиации (рис. 4).

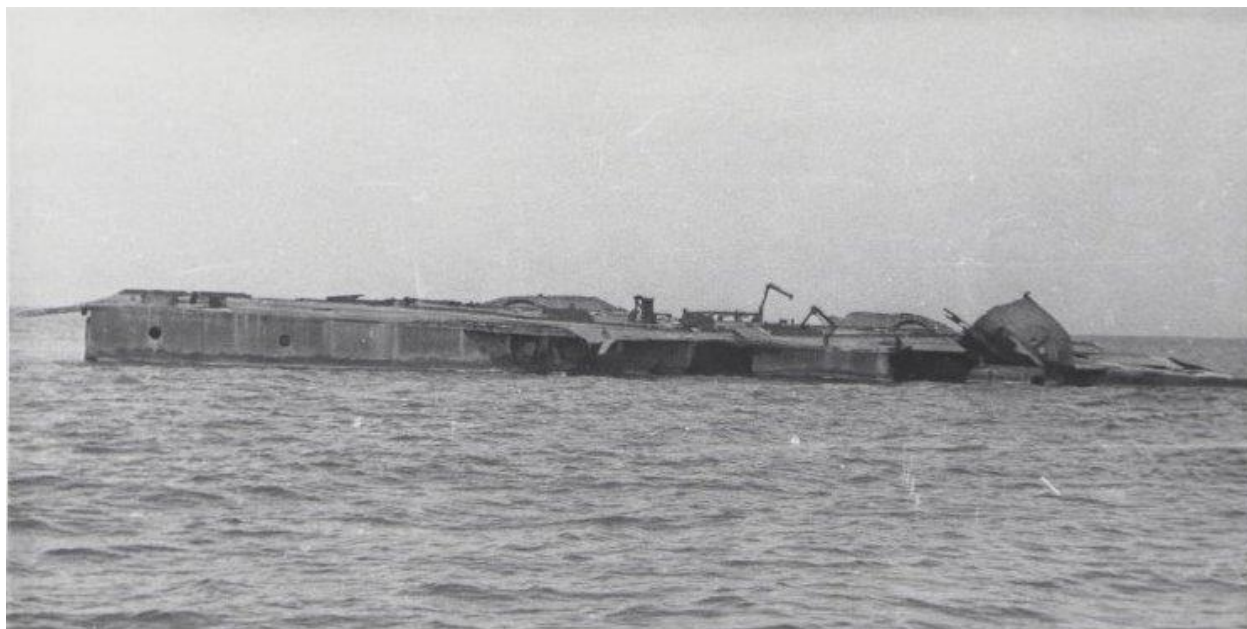


Рис. 4. Остов крейсера «Червона Украина», 1971 г. (из фондов ЦВММ)

В 2009 г. Государственной налоговой службой Украины в АР Крым корпус крейсера был продан с молотка частным предпринимателям для разделки на металлолом.

В 2013 г. к месту затопления крейсера была организована подводная поисковая экспедиция. Корпус крейсера лежит в точке с координатами 45°50.215'N 33°09.386'E на глубине около 5 м. В ходе подводного осмотра было засвидетельствовано, что корпус крейсера замывает на несколько метров в грунт, однако его борта практически полностью срезаны до него. К тому времени ещё сохранялось несколько котлов и часть переборок, которые были срезаны уже позднее.

По результатам экспедиции в фонды Музея подводной археологии Черноморского центра подводных исследований (далее – ЧЦПИ, с 2021 г. реорганизован в форме присоединения к Музею-заповеднику «Судакская крепости») поступило 12 предметов основного фонда и 10 предметов научно-вспомогательного фонда, собранных сотрудниками ЧЦПИ (М.В. Шевчук, В.В. Вахонеев) на месте затопления крейсера у Бакальской косы.

Ряд переданных предметов относятся к периоду постройки корабля. В первую очередь, это латунные информационные таблички (шильдiki) изготовителей отдельных элементов и агрегатов (рис. 5). К ним относятся таблички с надписью, «Matthew Paul & Co LTD / Engineers / Engine № 6011 / Levenford works, Dumbarton», «A.G. Mumford, LTD Colchester. Patent №16097-1903. Engineers» и «Русское общество/ всеобщая компания/ электричества».



Рис. 5. Английские информационные таблички с силовых агрегатов крейсера «Червона Украина» в фондах ЧЦПИ

Компания «Matthew Paul and Co» из шотландского города Дамбатрон на берегу р. Клайд была широко известным производителем паровых двигателей для морских судов в конце XIX – начале XX в. Примечательно, что аналогичная табличка двигателя под № 3203 сохранилась до сих пор на канадском пассажирском пароходе «SS Keewatin», построенном в 1907 г. и долгое время трудившемся на Великих Озёрах, а в данный момент являющимся кораблём-музеем.

Из истории проектирования «Червонной Украины» известно, что заводы «Руссуд» и «Наваль» обратились за помощью к английской фирме «Дж. Браун» для проектирования энергетической установки. Изготовление планировалось на заводе «Наваль» и, частично, на других российских предприятиях. В случае невозможности изготовить двигатель в России, заказ планировалось передать на предприятия фирмы «Дж. Браун» или (при её посредничестве) на другие иностранные предприятия [2, с. 79]. Обнаружение таблички завода изготовителя двигателя крейсера свидетельствует о втором варианте – он был изготовлен компанией «Matthew Paul and Co».

Основное оборудование состояло из 14 паровых котлов системы Ярроу (универсальных и жидкотопливных) общей производительностью по пару 350 т/ч, четырёх автономных комбинированных турбин системы Парсона с двумя активными колёсами Кэртиса каждая [3, с. 80].

Компания «A. G. Mumford, LTD» (существовала до 1933 г.) из Колчестера специализировалась на производстве небольших составных судовых двигателей, а также воздушных и топливных насосов. Таким образом, отдельные элементы двигателя крейсера, такие как насосы, были изготовлены на ещё одном английском предприятии – «A. G. Mumford, LTD».

Наконец, третья табличка содержит наименование Русского общества «Всеобщая компания электричества», существовавшего с 1901 г. вплоть до революции, и штаб-квартира которого находилась в Санкт-Петербурге. Очевидно, при строительстве крейсера Русское общество «Всеобщая компания электричества», судя по наличию её таблички, была ответственной за установку электротехнического оборудования на строящийся корабль.

Музейная ценность принятых на хранение предметов очевидна. Все они происходят с одного из самых знаменитых крейсеров Черноморского флота. Другой вопрос: каковы должны быть оценки остатков корпуса корабля в современности?

Учитывая факт, что корпус корабля с чисто утилитарной позиции военных специалистов в послевоенное время был списан и переоборудован в учебную мишень, в украинском правовом поле 2000-х гг. не было возможности придать ему статус объекта времён войны и в дальнейшем защитить его от утилизации. К сожалению, по формальным признакам, объект, посаженный на грунт в 1952 г.,

не попал под определение объектов культурного наследия и за последнее десятилетие был разделан на металл по линии заилренности. Однако ниже находится хорошо сохранившееся днище корабля. Учитывая перемены в отношении к железным кораблекрушениям XX в. в среде морских археологов, а также историко-культурное значение крейсера, его остатки, безусловно, требуют сохранения для будущих поколений.

Список литературы

1. Красный флот. – № 99. – 1939.
2. Подъем крейсера «Червона Украина» на понтонах // РГА ВМФ (Российский государственный архив военно-морского флота). Ф. Р-2243, Оп. 2, Ед. Хр. 42. 16 л.
3. Скворцов, А. В. Крейсер «Червона Украина» / А. В. Скворцов // Судостроение. – № 3. – 2007. – С. 79-83.
4. Clark, N. Shoal Waters in Underwater Cultural Resource Management—the Site Assessment Dilemma / N. Clark // Iron Ships and Steam Shipwrecks: Papers from the First Australian Seminar on the Management of Iron Vessels and Steam Shipwrecks. – Fremantle: Western Australian Maritime Museum, 1988. – P. 13-18.
5. Henderson, G. The Archaeological Value of Iron Vessels and Steamships / G. Henderson // Iron ships and steam shipwrecks. Papers from the First Australian Seminar on the Management of Iron Vessels and Steam Shipwrecks. – Perth: WA Museum, 1988. – P. 1-12.
6. Iron, Steel & Steamship Archaeology. Proceedings of 2nd Australian Seminar 2006. / ed. by McCarthy M. – Special Publication., Australian National Centre of Excellence for Maritime Archaeology, № 13; Special publication, Australasian Institute for Maritime Archaeology № 15. – 2009. – 173 p.;
7. Lyon, D. J. Documentary Sources for the Archaeological Diver. Ship Plans at the National Maritime Museum / D.J. Lyon // International Journal of Nautical Archaeology. 1974. Vol. 3. Issue 1. – P. 3-20
8. McCarthy, M. The Study of Iron Steamship Wrecks: is it Archaeology? / M. McCarthy // Bulletin of Australian Institute for Maritime Archaeology. Vol. 22. 1998. – P. 99-108;
9. McCarthy, M. Iron and Steamship Archaeology. Success and Failure on the SS Xantho / M. McCarthy. – Kluwer Academic Publishers, 2002. – 234 p.
10. McCarthy, M. Exploration of Iron, Steel and Steam Shipwrecks in Australia / M. McCarthy // Shipwrecks around the World: Revelations of the Past. Ed. By Tripathi S. New Delhi: Delta Book world, 2015. – P. 221-257.
11. Muckelroy, K. Archaeology Underwater: An Atlas of the World's Submerged Sites / K. Muckelroy. – London; New-York, 1980. – 192 p.
12. Neyland, R.S. Underwater Archaeology of the World Wars / R.S. Neyland // The Oxford Handbook of Maritime Archaeology. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 708-729.
13. Richards, N. Abandoned Ships and Ship Graveyards: Exploring Site Significance and Research Potential / N. Richards // The Archaeology of Watercraft Abandonment. – Springer, 2013. – P. 1-16.

Статья поступила в редакцию 15.03.2021

Vakhoneev, V. V. Cruiser "Chervona Ukraina" in the Context of the Shipwreck Archeology of the 20th Century.

The article is devoted to the problem of assessing the sunken ships of the 20th century as objects of interest to maritime archaeologists on the example of the cruiser "Chervona Ukraina". The author analyzes museum items related to one of the most famous cruisers of the Black Sea Fleet stored in the collections of Russian museums through the prism of maritime history and shipwreck archaeology and its significance as a demonstration ship of the fleet in the 1930s. The author comes to the conclusion that it is necessary to preserve the remains of the cruiser located at the depth of 5 m near the Bakalskaya Spit and prevent their further breaking for scrap metal.

Keywords: cruiser, "Admiral Nakhimov", "Chervona Ukraina", shipwreck, museum object.

УДК [37.091.3:93/94](47)''1947/1945''

В статье дается характеристика основных особенностей школьного исторического образования в советской России после Октябрьской революции 1917 года и до окончания Великой Отечественной войны. Рассматриваются основные этапы в развитии школьного исторического образования в послереволюционное время и анализируются новые подходы и формы преподавания истории в указанный хронологический период.

Ключевые слова: школьное историческое образование, декрет, единая трудовая школа, история, обществознание.

А. Ю. Горбачева, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: 83ae@mail.ru

В. В. Дмитриева, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: viktoriadmitrieva2010@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЕРИОД С 1917 ПО 1945 ГОДЫ

Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России сыграла роль рычага перевода стрелок на пути исторического развития страны. Все то, что казалось вечным и незыблемым в царской России упразднилось. Началась строительство нового государства, требующее достижения многих целей, среди них – борьба с безграмотностью, теперь уже, советских граждан. С 1917 г. и до начала Великой Отечественной войны советское руководство приложило немало усилий для воспитания нового поколения, мыслящего по принципам новой марксистской идеологии [1], которая была положена в основу школьного исторического образования и стала одной из его характерных черт.

Исследуя историю становления школьного исторического образования в России после установления советской власти, мы условно разделили ее на три этапа: 1917-1930 гг., 1930 – середина 1940 гг., середина 1940 - середина 1980 гг. В данной статье речь будет идти о первом и втором этапах.

Первым решительным шагом новой советской власти в сфере народного образования стал, принятый в феврале 1918 г., декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» [5], который устанавливал отделение школы от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях не допускалось.

В июле 1918 г. было принято положение «Об организации дела народного образования в РСФСР» [12], в котором определялись основные принципы организации системы образования. В соответствии с ним все образовательные учреждения становились государственными и передавались в ведение Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос): отменялись национальные, сословные, религиозные ограничения в образовании, уничтожались прежние структуры школьного управления, закрывались частные учебные заведения, было отменено преподавание древних языков.

16 октября 1918 г. были обнародованы декреты ВЦИК «Основные принципы единой трудовой школы» и «Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [4]. Среди педагогической общественности они стали известны под названием «Декларация о единой трудовой школе». Эти законодательные документы сформировали единую систему школьного обучения и утвердили новые методы и принципы учебно-воспитательной деятельности. Все средние учебные заведения были переименованы в единые трудовые школы, состоявшие из 1-й ступени (5 лет обучения) и 2-й ступени (4 года обучения).

Принятие в октябре 1918 г. декрета «О введении новой орфографии», который предусматривал введение упрощенного правописания, существенно облегчило обучение грамоте. Из алфавита исключались буквы Ъ (ять), Ы (фита), І («и десятеричное»); вместо них должны употребляться, соответственно, Е, Ф, И. Велась работа по созданию письменности для народов, прежде ее не имевших [3]. Среди населения также проводилась активная работа, направленная на ликвидацию безграмотности. В декрете СНК РСФСР от 26 декабря 1919 г. говорилось, что всякое невыполнение указаний по ликбезу будет рассматриваться как невыполнение боевых распоряжений центральной советской власти. Все граждане РСФСР от 8 до 50 лет были обязаны получить элементарные знания по чтению, грамматике, счету [4].

Сложный путь, проделанный за кратчайшие сроки советской властью, был лишь подготовкой, которая в дальнейшем оказалась фундаментом для построения всей новой системы образования в СССР. При этом наиболее интенсивные преобразования в области школьного исторического образования в советской России пришлось на отрезок времени с 1917 г. по 1930-е г.

В феврале 1919 г. на заседании отдела реформы школы Наркомата просвещения, Д. А. Кашинцев, поставил вопрос о замене в школе учебного предмета «История» учебным предметом «Обществоведение», включающим комплекс из разных дисциплин: истории культуры и техники, страноведения, экономики. Материал предлагалось преподносить в исторической ретроспективе: от современных явлений к их истокам. В конце курса должны были быть сделаны теоретические обобщения [4]. Иными словами, произошел отказ от старого содержания исторического образования, историю как учебный предмет заменили курсом обществоведения (остались лишь отдельные элементы курса истории с новым отбором фактов и марксистским их освещением). Согласно основным позициям советской трудовой школы, учитель не должен был пользоваться учебниками, в связи с тем, что они отражали взгляды дореволюционной буржуазии, а новых, соответствующих марксистской идеологии, еще не было. Вопрос о создании нового школьного учебника по истории и обществознанию был поставлен В. И. Лениным на XI съезде РПК (б).

Начало преподавания обществоведения в 1923-1924 учебном году производилось по трем направлениям: природа, труд, общество. Преподавание в школе I-ой ступени сближало детский интерес к новым знаниям с жизненным опытом. В целях усовершенствования учебной программы, ее гармоничности и органичного совмещения дисциплин между собой, 7 июля 1924 г. Коллегия Наркомпроса выносит решение «О реорганизации школы II ступени в связи с основами школьного строительства в РСФСР». С этого момента основополагающими в курсе обществоведения с 5 года обучения стали основы сельскохозяйственной промышленности, развитие капитализма после отмены крепостного права, связь деревни с городом; с 6 года обучения – обмен между деревней и городом, организацией основных отраслей нашей промышленности и их развитие, общественные классы и классовая борьба, советский строй и Конституция СССР, производственные и культурные задачи в деревне, а с 7 года обучения, развитие мирового хозяйства, империализм и борьба рабочего класса, советский строй как переходный от капитализма к коммунизму.

Следующим этапом более тесного связывания обществоведения с политикой Коммунистической партии и политикой советской власти, стала реорганизация школы II ступени, второй концентр, начавшийся в 1925 г. Было признано то, что учителю-обществоведущему следует вести общеобразовательную работу совместно с пионерскими и комсомольскими организациями по линии образовательной, воспитательной и общественно-практической деятельности. Таким образом, 8-й и 9-й годы обучения теперь включали в себя направление профессионализации. Основными материалами были: история труда, социологический обзор важнейших этапов развития человечества, международное положение, политика советской власти [10].

В связи с активно меняющейся политикой образовательных программ вполне нормальной была реакция историков-методистов, которые в свою очередь начали писать новые учебные пособия. В 1924-1925 гг. было издано капитальное пособие для учителей под названием «Обществоведение», состоящее из V томов. Вышло оно под редакцией Н. Г. Тарасова. Это была первая попытка изложения исторического развития России и зарубежных стран, начиная с древности и заканчивая XX веком.

В 1926 г. на расширенном совещании Государственного Ученого совета, Надеждой Крупской был выдвинут вопрос о выделении истории в отдельный раздел в учебном плане по обществоведению, но сторонники обществоведения в имеющемся формате выразили протест и опасения того, что могут вернуться «старые методы и старые учебники» [6,7].

Однако в школах преподавали обществоведение слишком схематично и акцентировали все внимание на новейшую историю (борьба с буржуазией, разгром капитализма, две революции и новый политический строй), ученики не приобретали умения разбирать и осмысливать факты. Чрезмерный упор на общественно-политическое воспитание поспособствовал потере исторической связи и понимания последовательности событий. Требовался пересмотр программы и 1 марта 1927 г. в целях улучшения преподавания общественно-исторических дисциплин в школах II ступени, фабрично-заводских училищах, школах крестьянской молодежи, была окончена разработка и пересмотр программ по этим дисциплинам [11].

Изданные в 1927 г. учебные планы и программы для школ I и II ступени впервые были не «примерными» и «обобщенными», а обязательными для местных органов народного образования и были согласованы с приемными испытаниями в вузах. На V, VI, VII-х годах обучения история преподавалась по 4 часа в неделю, на VIII и IX-м по 5 часов.

Однако новые программы имели ряд недостатков: социологический схематизм (преподаватель давал общую социологическую характеристику), лоскутность исторических сведений, перегрузка материалом, неприспособленность к возрасту учащихся. Все это объясняется сложностью размежевания программы, состоящей из трех частей на два концентрира:

- 1) исторический курс, содержащий главы по всеобщей и русской истории;
- 2) часть, освещающая проблемы современности и представляющая собой продолжение курса истории;
- 3) курс политической экономии (вводился на 8 году параллельно с историей) и мировое хозяйство в эпоху империализма на 9 году обучения.

В связи с введением обязательных программ началась интенсивная работа по созданию учебников для всех ступеней школы, были составлены рабочие книги для V-IX годов обучения в единой трудовой школе, их содержание и принципы соответствовали программам 1927 г. по обществоведению. Авторы интересовались историей лишь для сравнения или противопоставления современности прошлому, но не для раскрытия объективной закономерности развития общества. Исторический материал использовался для того чтобы показать глубину изменений в жизни трудящихся масс после Октябрьской социалистической революции. Из-за этого учащиеся получали одностороннее понимание истории.

С начала 1930-х гг. начинается постепенное установление стабильной системы и содержания школьного исторического образования, происходит восстановление истории как самостоятельного учебного предмета в общеобразовательной школе, создаются учебники по истории СССР для младших и старших классов, возникают принципы построения курсов Древней истории, истории Средних веков, Новой истории. Отмечаются коренные сдвиги в учебно-воспитательной работе по истории.

5 сентября 1931 г. ЦК ВКП (б) издал постановление «О начальной и средней школе», которое восстанавливало классно-урочную систему и предметное обучение в школе и подчеркивало необходимость изучения систематического курса истории [6].

Стоит отметить, что до 1931 г. была преувеличена роль самоорганизации детей, привлечение их к общественно-полезному труду и отвлечение от образовательного процесса в школе, отказ от предметного построения программ, разрушение классно-урочной системы и принижение роли учителя. Одним из шагов в сторону улучшения обстановки, становится замена комплексно-проектных программ на предметные программы. Что касается истории, как самостоятельного предмета, то она еще оставалась на второстепенной позиции так, как обществоведение считалось ключевым в учебно-воспитательной работе. В начальной школе история преподавалась кратким курсом. Основным источником знаний для учащихся было устное слово учителя, который сам отбирал материал для рассказа в классе. При этом основное внимание он сосредотачивал на фактах и хронологических датах. Их ученики закрепляли дома по своим записям, сделанным на уроках. В младших классах записи обычно ограничивались планом очередной темы. В старших классах ученики нередко записывали рассказ учителя. В этих условиях методика обучения в большинстве школ была однообразной [12].

25 августа 1932 г. постановлением «Об учебных программах в режиме начальной и средней школы» ЦК ВКП (б) выдвигает следующие требования: усилить элементы историзма, установить связь ряда предметов с историей (язык, литература, география, обществоведение) и ликвидировать учебные программы, не соответствующие данным требованиям. Далее начинается интенсивная работа над поставленными задачами. 12 февраля 1933 г. в постановлении «Об учебниках для начальной и средней школы» говорится о переходе на новые программы и методы преподавания, а также и необходимости создания стабильных учебников, которые будут соответствовать учебным планам и программам. Летом этого же года Народный комиссариат просвещения РСФСР создает новые программы по истории, к ним прилагаются соответствующие учебники. В основу новых программ и учебников было положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях.

По поручению И. В. Сталина, 15 мая 1934 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР было издано постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В перечень обязательных требований входили следующие пункты: соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Считалось, что только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего возможен точный разбор и правильное обобщение исторических событий, а также подлинно марксистское понимание истории [9].

9 июня 1934 г. Секретариат ЦК ВКП (б) принял постановление «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР». До этого история

в младших классах не преподавалась, ее отдельные компоненты входили в курс обществоведения; теперь же элементарная история СССР с отдельными сведениями из всеобщей истории включалась в учебную программу 3-х и 4-х классов. Был необходим учебник истории, в котором следовало поставить многие вопросы совершенно по-новому. И.В. Сталин написал: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР - это, во-первых, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской, и вообще, мировой истории, - это, во-вторых» [9].

Очевидно, что на данном этапе становления исторического образования в советской школе, происходит возвращение к исторической памяти, которая необходима для народа, для его сплочения, понимания последовательности и причинно-следственной связи фактов и явлений в истории Отечества.

Начиная с 1934 г., СНК СССР придает исключительное значение преподаванию в школе исторической науки и созданию марксистских учебников по истории, в связи с чем, решает объявить конкурс на составление лучшего учебника для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории.

В 1939 г. Наркомпрос РСФСР издает программу по истории, где содержание было разбито на разделы и темы, а не на уроки. Теперь учитель мог планировать работу по своему усмотрению и регулировать по мере усвоения учениками материала (повторение, лабораторные работы для закрепления). Программа, изданная в 1939 г. – это первая программа в которой использовался весь опыт, накопленный за предыдущие годы. Авторы также переработали утвержденные конспекты учебников, улучшили их формулировки с учетом всех замечаний. Таким образом, можно считать, что к 1939 г. закончился новый этап научно-программного строительства по истории. Также следует отметить, что данная программа действовала до 1955 г. лишь с незначительными поправками.

Поставленные перед учительством задачи ЦК ВКП (б) включали в себя организацию и проведение военно-патриотического воспитания. Обуславливалось это тем, что угроза Второй мировой войны нависла над Советским Союзом, также как и над другими странами мира. Подготовка гражданского населения к началу военного конфликта была вполне логичной со стороны правительства и в этот процесс были включены школьные учителя, именно им выпала ответственность в воспитании у молодого поколения правильного марксистского мышления, беззаветной любви к Родине, умения сменить учебник на автомат в любую минуту. Школа учила тому, что начавшаяся Вторая мировая война – это несправедливая война, школа разоблачала гитлеровский план и объясняла детям, что такое фашизм [8].

С началом Великой Отечественной войны продолжалось активное развитие советской системы образования. Руководство страны понимало, что нельзя закрывать школы и прекращать обучение. Педагогика была приспособлена к условиям военного времени. В годы Великой Отечественной войны в учебном процессе активно использовались исторические источники, получили распространение разного рода творческие работы учащихся. Таковыми были открывшиеся исторические кружки, в учебный план которых входили темы «Наши великие предки, защитники Родины». Кружки собирались один – два раза в неделю, ученики готовили доклады на такие темы, как «Мамаево побоище», «Защитники Родины 1812 года» и т.п. Все доклады тщательно проверялись и только тогда зачитывались учащимися. Учитель организовывал выступления учеников с подробным рассказом и чертежом на доске, например, схемы Бородинского сражения, чтением наизусть отрывков из произведений «Оптический глаз» С. Григорьева о Кутузове с его прозорливостью в военных операциях [2]. Таким образом, возрастала духовно-нравственная связь между учителем и учениками, докладчики приобретали авторитет в глазах сверстников. Роль исторического образования в период Великой Отечественной войны стала особенной. Использовались исторические явления и события как духовно-нравственный ориентир, учащиеся воодушевлялись подвигами своих предков, у них формировалось правильное понимание происходящего. На первый план выдвигалась любовь и преданность Родине, всеобщая угроза объединяла людей.

15 декабря 1941 г. в нашем городе Севастополе заработали подземные школы. Всего на территории Севастополя было организовано девять подземных школ. При тусклом свете «коптилки», сделанной из гильзы, почти 2,5 тысячи севастопольских детей учились писать, считать и читать. Вместе занимались ребята с первого по четвертый класс и с пятого по десятый.

9 мая 1944 г. Севастополь был освобожден от фашистов, но задачи развития народного образования осложнились разрухой, многие учителя погибли или умерли от голода в годы оккупации. На момент освобождения города школьная сеть была разрушена на 95%, то есть из 28 школ осталось только 3.

Считаем важным отметить, что суровые условия войны позволили проявиться множеству талантливых педагогов. Учителя трудились в тылу, героически сражались с фашистами и получали

заслуженные награды. Одним из выдающихся педагогов была Анна Михайловна Панкратова (1897-1957 гг.), она занималась историческим образованием – руководила составлением программ и написанием учебников по истории СССР.

В заключении нужно отметить, что учебный предмет «История» в школьном образовании на территории РСФСР и других республик СССР претерпевал кардинальные изменения в своем содержании с 1917 по 1945 года, постоянно менялись подходы, формы и методы его преподавания. Наиболее интенсивным процесс реформирования школьного образования был сразу после окончания Октябрьской революции, это было связано с внедрением новой марксистской идеологии во все сферы общественной жизни, произошел полный отказ от дореволюционной системы школьного образования, появился новый тип школы – единая трудовая школа. Мирное строительство социалистического строя нарушило начало Великой Отечественной войны. Действия советского руководства были продиктованы законами военного времени, в сфере народного образования произошел ряд изменений, связанных с усилением духовно-патриотического воспитания молодежи, образовательный процесс не прекращался даже в осажденных городах, педагогика перестроилась на военный лад. Школьное историческое образование взяло курс на раскрытие прогрессивной роли русского народа в мировой истории, усиление воспитания учащихся в духе советского патриотизма.

Список литературы

1. Адоратский, В. Маркс и Энгельс. Философские работы 1845-1847 / В. Адоратский. – URL: https://vk.com/doc-72028042_458690183 (дата обращения: 30.06.2021).
2. Андреевская, И. Воспитательная работа на уроках истории. История в средней школе / И. Андреевская // Исторический журнал. – № 12. – URL: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view/> (дата обращения: 30.06.2021).
3. Волошина, О. Создание алфавитов для бесписьменных народов / О. Волошина // Журнал «Русский язык». – URL: https://rus.1sept.ru/view_article.php?id=200901 (дата обращения: 30.06.2021).
4. Декрет ВЦИК РСФСР «О Единой трудовой школе» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. – URL: <https://istmat.info/node/31601> (дата обращения: 30.06.2021).
5. Декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» // Свод законов РСФСР. Т.1. – URL: <http://elibrary.ru/nodes/22972-t-1-1984> (дата обращения: 30.06.2021).
6. Историк марксист №1. 1926 год. Хроника. – URL: http://sergeyhry.narod.ru/im/im1926_01_22.htm (дата обращения: 30.06.2021).
7. Крупская, Н. К. Постановление ЦК ВКП (б) О начальной средней школе / Н. К. Крупская // Документальная литература. Публицистика. – URL: http://rulibs.com/ru_zar/nonf_publicism/kрупская/0/j161.html (дата обращения: 30.06.2021).
8. Назад в СССР // Школьная жизнь во время Великой Отечественной Войны. – URL: <https://back-in-ussr.com/2020/10/shkolnaya-zhizn-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny.html> (дата обращения: 30.06.2021).
9. На фронте исторической науки // Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР». – URL: https://istmat.info/files/uploads/57576/zamechaniya_po_povodu_konspekta_uchebnika_po_istorii_sssr._stalin_zhdanov_kirov._34_g.pdf (дата обращения: 30.06.2021).
10. Программы для I и II ступени семилетней единой трудовой школы. 1921 г. // Сайт НПБ имени К. Д. Ушинского. – URL: http://elibrary.gnpbu.ru/text/programmy-7-letney-edinoy-trudovoy-shkoly_1921/go,91;fs,0/ (дата обращения: 30.06.2021).
11. Программы школ I и II ступени. 1923 г. // Сайт НПБ имени К. Д. Ушинского. – URL: http://elibrary.gnpbu.ru/text/programmy-shkol-1-2-stupeni_1923/go,0;fs,0/ (дата обращения: 30.06.2021).
12. Чарнолуский, В.И. Школьное законодательство в РСФСР. 1917-1927 гг. / В.И. Чарнолуский // Сайт НПБ имени К. Д. Ушинского. – URL: http://elibrary.gnpbu.ru/text/charnolusky-shkolnoe-zakonodatelstvo_1927/go,0;fs (дата обращения: 30.06.2021).

Статья поступила в редакцию 5.07.2021

Gorbacheva, A. Yu., Dmitireva, V. V. Characteristics of the Process of Formation and Development of School History Education in Soviet Russia in the Period from 1917 to 1945

The article describes the main features of school history education in Soviet Russia after the October Revolution of 1917 and before the end of the Great Patriotic War. The authors consider the main stages in the development of school history education in the post-revolutionary period and analyze new approaches and forms of teaching history in the specified chronological period.

Keywords: school history education, decree, unified labor school, history, social science.

УДК 930.2:393(=16)

В данном исследовании был впервые проведен исторический анализ нетрадиционных форм захоронения умерших в древнерусскую эпоху. Опираясь на отечественные письменные источники XI-XVI вв., данные археологии, и этнографические материалы, автор последовательно провел реконструкцию погребальных обрядов, связанных с захоронениями заложенных мертвецов (иноземцев, утопленников и самоубийц), молодых людей, умерших до брака, детей, служителей языческого культа. В исследовании подчеркивается, что ввиду того, что особые обряды, связанные с погребением заложенных покойников в первые века после введения христианства, использовались в Древней Руси повсеместно, православная церковь была вынуждена также со своей стороны ввести некоторые ограничения при захоронении отдельных категорий мертвецов. Для решения исследовательских задач применялся историко-аналитический метод исследования.

Ключевые слова: заложенные покойники, кремация, ингумация, берегини, упыри.

М. Н. Козлов доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕТРАДИЦИОННЫХ ЯЗЫЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

По данным письменных источников и данным археологических исследований, в сознании восточных славян погребальный ритуал имел огромное значение. По мнению наших предков, на этих церемониях незримо присутствовал сам покойник. Он, якобы, следил за всеми ритуальными действиями и замечал малейшие нарушения. Даже небольшая ошибка, в каком-либо обряде якобы могла превратить потенциальных берегинь – заступников общины в упырей – вредоносных, враждебных живым людям демонических существ. Поэтому погребальный культ оставался наиболее консервативной частью славянского язычества. С его канонами должны были считаться не только представители восточнославянской элиты языческой эпохи, но и пришедшее на смену жречеству православное духовенство.

Без детальной реконструкции древнерусской погребальной обрядности невозможно полноценно изучить историю наших предков дохристианской эпохи.

Раскопки многочисленных древнерусских могильников, начавшиеся еще во второй половине XIX века и продолжающиеся вплоть до нашего времени, позволили отечественным исследователям реконструировать в общих чертах два основных ритуала древнерусских языческих погребений: кремацию тела умершего и ингумацию покойника.

Результаты данных исследований были опубликованы в обобщающих монографиях В. В. Седова [18] и А. П. Моци [14].

Однако многочисленные письменные и этнографические источники и данные археологии свидетельствуют о том, у наших предков, как в языческую эпоху, так и несколько веков после принятия христианства существовал и третий, особый ритуал погребения покойника, символизирующий его изгнание из сакральной общины и подразумевавший особые обряды обращения с телом умершего.

Впервые упомянул особый ритуал погребения для некоторых категорий покойников российский этнограф А. Н. Соболев в своей монографии «Загробный мир по древнерусским представлениям» (1913). Ученый связал особый ритуал погребения с представлениями наших предков о вредоносных духах – упырях [21, с.31].

Гипотезу А. Н. Соболева развил в своих трудах другой выдающийся этнограф Д. К. Зеленин. Используя богатейший этнографический материал, исследователь ввел в научный оборот такие понятия, как «свои» и «чужие» покойники – «упыри» и «берегини». Ключевыми произведениями историка стали монография «Очерки русской мифологии: Вып.1 Умершие неестественной смертью и русалки» (1916), а также статья «Славянский языческий культ заложенных покойников» (1917) [4], [5].

Современный украинский археолог А. П. Моця указал на очевидную связь между так называемыми «скорченными» захоронениями умерших в древнерусских захоронениях и представлениями о «заложенных покойниках» [15, с.101-105].

Таким образом, тема нестандартных языческих захоронений неоднократно упоминалась в произведениях отечественных исследователей XX-XXI вв., однако детальной реконструкции восточнославянской погребальной обрядности, связанной с «чужими» покойниками на данный момент не существует. Исторический анализ нетрадиционных обрядов захоронения умерших в древнерусскую эпоху – основная цель данной статьи.

Языческие погребальные обычаи в отечественных письменных источниках за редким исключением практически не упоминаются. В древнерусских летописях и других письменных документах XI-XVI вв. можно найти лишь несколько отрывочных описаний погребальных обрядов, которые практиковали в раннехристианскую эпоху немногочисленные язычники на окраинах Руси. Арабские же и византийские историки, оставившие в своих трудах довольно ценные сведения, описывали лишь обряды, связанные с захоронениями раннефеодальной воинской элиты.

Наиболее информативными в свете интересующей нас темы являются материалы археологических исследований восточнославянских могильников IX-XIII вв. Но опираясь на археологический материал можно проследить лишь основные черты восточнославянской погребальной обрядности, при этом многие ее детали остаются нам неизвестными.

На традиционные захоронения, как свидетельствуют дошедшие до нашего времени письменные источники и материалы археологических исследований могли рассчитывать лишь те члены общины, которые умерли в преклонном возрасте и своей смертью. По отношению к самоубийцам, иноземцам, молодым людям добрачного возраста, а также детям существовали свои особые погребальные обряды, существенно отличающиеся от традиционных.

Представителей некоторых из этих категорий покойников, по мнению наших предков, нельзя было хоронить в земле, поскольку считалось, что она их «не примет». Нарушение данного табу в сознании восточных славян-язычников грозило стихийными бедствиями, засухой и неурожаем. «Подозрительных» покойников, которых наши предки называли «упырями», хоронили не на общинных кладбищах и могильниках, а на перекрестках путей, в болотах, балках. Их тела бросали в воду или вешали на деревьях. Чаще всего таких покойников просто завозили в лес и закладывали ветвями, отсюда и возник термин «заложные покойники» [5, с. 62].

Согласно данным Ибн-Фадлана, подобным образом наши предки хоронили рабов: «Если один из них заболит и если он раб, то оставляют тело его в этом положении (в лесу – М. К.), пока его не съедят собаки или хищные птицы» [20, с. 96]. Тот же обряд, как свидетельствует «Повесть временных лет» под 1096 годом, использовал киевский князь Святополк при погребении тела своего тестя половецкого хана Тугоркана. Согласно источнику, кочевник был похоронен «межи путемъ грядущимъ на Берестомъ и другимъ идущимъ в монастырь» [16, с. 222].

К категории «заложных покойников» относили, в частности, утопленников, самоубийц, а после принятия христианства закоренелых язычников. Несмотря на сильное давление со стороны православной церкви, представители которой пропагандировали всеобщее равенство умерших христиан, независимо от вида смерти, восточные славяне и после религиозной реформы 988-989 гг. продолжали выкапывать «подозрительных» мертвецов из могил, сжигать их, вывозить в лес или бросать в воду. Жалобы на «сволочение» умерших из могил можно найти во многих письменных источниках XI-XVI в. Так, например, суровое наказание за выкапывание покойников из могил предусматривалось в «Уставе князя Владимира» и «Уставе князя Ярослава» [2, с. 23, 89]. О существовании подобной практики у сельского населения Киевской Руси XII в. свидетельствует и «Грамота новгородского князя Всеволода новгородскому владыке или Софийскому собору» [11, с. 382]. В «Слове митрополита Серапиона Владимирского о маловерии» – источнике XIII в. автор с большим возмущением пишет, что его паства «заповѣдасть хто буде удавленника или утопленника пограблѣ, не погубите люди вигребите...» [19, с. 13].

Подобная ситуация сохранялась и в последующие три века. Так, в одном из своих произведений Максим Грек жаловался на то, что «телеса утопленных или убиенныхъ и поверженных не сподобяще погребению, но на поле извлекше ихъ, отынянъ колиемъ, аще нѣкоего утопленного или убитого неиздавна погребени раскопаемъ окоянного и извертемъ его негдѣ и не погребена покинемъ» [12, с. 34].

О сложности борьбы христианской церкви против веры в «заложных мертвецов» свидетельствует тот факт, что она вынуждена была идти на некоторые уступки. Относительно нескольких категорий мертвецов вводились существенные ограничения в погребальных обрядах.

Так, например, в источнике конца XIV в.: «О разных случаях монастырской практики» в частности отмечается: «Ежели кто утонет или удавится или поколется... такого ино въ землю положити опричь Божія церкви и не пѣти по нихъ, ни провадити...» [10, с. 352].

Подобных правил представители православной церкви придерживались даже в отношении своих же случайно погибших священнослужителей. Так, например, в Новгородской первой летописи сообщается о том, что в 1145 г. во время наводнения недалеко от Новгорода утонули два священнослужителя, и новгородский епископ запретил в местных церквях отпевать погибших: «В лѣто 6653 [1145] утопоста два попи, и не да епископъ над ними пѣти» [17, с. 107].

В «Грамоте Московского митрополита Фотия псковскому духовенству» начала XV в. рассказывается о том, что самоубийц нельзя хоронить на общих кладбищах и «ни надъ ними пѣти, ни поминати, по в пусть мѣсти в яму вложивъ закопать...» [10, с. 352].

Несколько иной ритуал применялся у наших предков IX-X вв. в отношении молодых людей брачного возраста. С одной стороны, они не могли рассчитывать на традиционное погребение, пока не прошли через брачную инициацию и не стали полноправными членами общины, с другой стороны не было никаких причин для «изгнания» данной категории покойников из сакральной родовой общины. Они не были чужаками как умершие рабы и не нарушали языческих табу подобно самоубийцам.

Восточные славяне выходили из данной ситуации, сочетая во время захоронения брачные и похоронные обряды. Покойник, таким образом, одновременно проходил две степени инициации и становился полноценным членом «сакральной общины». После таких обрядов его душа должна была попасть в загробный мир, а через некоторое время возродиться в теле младенца.

Описание подобного обычая можно встретить даже в «Повести временных лет». Так, в данном источнике сообщается о том, что князь Владимир, собираясь убить Рогнеду, предложил ей одеться «как в день посяга» [16, с. 54].

Арабский путешественник X в. Аль-Масуди в своих «Золотых лугах» сообщил о том, что в случае, если у руссов кто умирает неженатым, то его «женят после смерти» [20, с. 129].

В ряде областей восточнославянского мира вплоть до начала XX в. в народных обычаях просматривается и обратная ассоциация, связанная с восприятием брака как ритуальной смерти невесты. В Полтавской губернии и Белоруссии еще в XIX в. во время брачных церемоний имитировалось удушения невесты. В ряде районов северной России жених сжигал прядь волос своей будущей жены, что символизировало кремацию ее тела [1, с. 46-47].

Сведения письменных источников хорошо согласуются с материалами археологических раскопок. Так, в нескольких женских захоронениях белых хорватов археологами были зафиксированы остатки брачных венков из цветов и колец [18, с.128].

Сочетание погребальных и брачных обрядов хорошо просматривается при анализе материалов, зафиксированных в одном из захоронений Тимиревского могильника второй половины X в. В могиле были найдены останки девочки 11-13 лет вместе с фрагментами отрубленной лапы медведя. На одном из пальцев девочки и фаланге медвежьей лапы археологи зафиксировали кольца, предположительно игравшие роль свадебных колец [3, с. 75].

В дошедших до нашего времени письменных источниках практически ничего не сообщается об обрядах, связанных с процедурой захоронения детей. О. М. Москаленко, проанализировав материалы раскопок погребальных памятников славян Борщевской культуры высказала предположение, согласно которому славяне-язычники трупы детей не кремировали [13, с.120].

Точку зрения исследовательницы подтверждают материалы других восточнославянских могильников дохристианской эпохи. Часто в тех из них, где фиксируются лишь захоронения по обряду кремации, находят некальцинированные детские останки. Так, в погребении 83, относящегося к археологическому слою второй половины X в., в обнаруженном Киевской археологической экспедиции АН УССР в усадьбе Художественной школы в 1937 г. в срубе в грунтовой яме, были обнаружены кальцинированные кости взрослой женщины, лежащие в деревянном, сколоченном гвоздями, высоком гробу. В этом же гробу справа от женского скелета лежал детский необожженный детский костяк [7, с. 151].

В расположенном рядом погребении 84 в грунтовой могиле, на глубине 2.10 м был обнаружен плохо сохранившийся детский костяк, лежащий в вытянутом положении, головой на юго-запад в деревянном, сколоченном железными гвоздями с круглыми шляпками. Около черепа найдено маленькое височное проволочное колечко из низкопробного серебра, с далеко заходящими друг на друга несомкнутыми концами. Возле погребения найдены фрагменты лепной посуды [7, с. 152]. Другие захоронения того же периода, обнаруженные экспедицией Киевской археологической экспедиции АН УССР, были осуществлены по обряду кремации.

Данная гипотеза находит подтверждение в сообщениях византийского хрониста X в. Льва Диакона, который утверждает, что воины киевского князя Святослава после похорон своих погибших воинов задушили несколько грудных детей и вместе с петухами утопили их в водах Истра [9, с. 78]. Как видно из источника, убитые дети не попали на погребальные костры подобно взрослым пленным.

Особые обряды по отношению к умершим младенцам сохранились на Украине, а также некоторых областях славянского мира вплоть до конца начала XX в. Так, еще в XIX в. в Западной Украине и Полесье под порогом дома хоронили мертворожденных или некрещеных младенцев [6, с. 231].

Таким образом, фаза перехода покойника в «антимир» считалась легитимной только после брачной инициации. Право на существование в «мире мертвых» теряли самоубийцы и утопленники.

Покойник должен был пройти через сложную многоуровневую систему погребальной инициации. Только при условии соблюдения всех этих факторов умерший должен был превратиться в доброжелательный дух – берегиню и найти себе место в «мире покойников».

К особой категории покойников, вероятно, относили древнерусских жрецов. С одной стороны, в языческую эпоху их хоронили с особым почетом и уважением, с другой – старались особыми обрядами воспрепятствовать в будущем умершему колдуну восстать из мертвых и вредить живым.

Так, в городище-святилище Звенигород недалеко от места, где археологи нашли идола какого-то божества, были обнаружены частично обожженные кости пожилого мужчины. Рядом с останками зафиксировали нож с волютообразным навершием, полуторооборотное височное кольцо, два клыка кабана. Между ребер было воткнуто в землю шило [22, с. 90].

Жреческий нож и два кабаньих клыка-оберега указывают на связь принесенного здесь в жертву человека с языческим культом. Однако, даже отправив останки жреца на кремационный костер, соотечественники все равно продолжали испытывать страх перед ним. На это указывает воткнутое меж ребер в грудину обожженного скелета жреца шило, которое должно было помешать захороненному колдуну встать из могилы и вредить живым людям. Останки покойников, чьи тела перед захоронением были проткнуты металлическими предметами, исследователи довольно часто фиксируют в археологических слоях дохристианской эпохи.

Так, еще В. В. Хвойка в усадьбе художника С. И. Светославского, обнаружил несколько странных погребений в грунтовых могилах. Здесь были найдены серебряные височные кольца, разнообразные бусы, серьги, реже – браслеты, железные ножи с костяными ручками, кресала, оселки (иногда в серебряной оправе), бронзовые пряжки, деревянные ведерца, от которых обычно сохраняются только железные обручи. Грудины скелетов были пробиты железными гвоздями, воткнутыми в землю на небольшом расстоянии один от другого (от 3 до 5 гвоздей) [7, с. 156-157].

Жреческие ножи с костяными наконечниками указывают на тот факт, что захороненные здесь люди были связаны с языческим культом. Обнаруженные исследователями железные гвозди, вероятно, должны были не допустить, чтобы умершие колдуны выходили из могилы.

С почтением относились к служителям языческого культа, вероятно лишь язычники, для христиан языческие жрецы представлялись еще при жизни злонамеренными колдунами и ведьмами, опасными как при жизни, так и после смерти. Ни о каком традиционном погребении языческого жреца на христианских кладбищах даже речь не могла идти. Тела их сжигали (иногда даже живьем), а пепел развеивали по ветру.

Так, в 1227 году, согласно Новгородской первой летописи в древнем Новгороде местные жители «Ижгоша вълхвы 4, творяху е потворы деюща, а бы вѣсть; и сожгоша их на Ярославли дворе» [17, с. 270].

На подобный обычай сжигать живьем волхвов христианами указывает и русский просветитель XIII в. Серапион Владимирский. В «Слове о маловерии» он обрушился с критикой на свою паству за страшный обычай сжигать волхвов живьем: «Аже еще поганьскаго обычая держитесь: волхвованию вѣруете и пожигаете огнем невинныя челоуѣкы. От которыхъ книгъ или от кихъ писаний се слышасте, яко волхвованиемъ глади бывають на земли и паки волхвованиемъ жита умножаются? То аже сему вѣруете, то чему пожигаете я? Молитесь и чтете я, дары и приносите имъ — ать строить миръ, дождь пуцають, тепло приводять, земли плодоти велять! Се нынѣ по три лѣта житу рода нѣсть не токмо в Русь, но в Латѣнѣ: се вълхвоуе ли створиша?» [19, с.14-15].

Большой интерес в свете интересующей нас темы вызывает описание казни и последующего нестандартного захоронения двух ярославских волхвов, устроивших антихристианский мятеж в 70-х годах XI в. в Северо-Восточной Руси. Согласно «Повести временных лет» киевский воевода Ян Вышатич: «Повеле вложить рубли в уста им и привязать их к мачте и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. И сказал Янь гребцам: «У кого из вас кто из родни убит ими?». Они же ответили: «У меня мать, у того сестра, у другого дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив, убили их и повесили на дубе. Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь взобрался и съел. И так погибли они по наущению бесовскому, другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя» [16, с.214].

Вплоть до начала XX в. восточные славяне использовали особые обряды при захоронении тех, кто, по их мнению, при жизни «знался с нечистой силой». Одним из самых действенных способов избавиться (обезопаситься) от «нечистых» покойников было сжечь останки умершего или вонзить в них или в могилу острые предметы – деревянные колья, железные зубья бороны, ножи, гвозди и т. п. Для этих целей предпочтительными считались металлические предметы, поскольку нечистая сила боится железа [23, с. 52].

Таким образом, можно сделать вывод о том, в языческую и раннехристианскую эпоху по отношению к некоторым категориям покойников существовали особые погребальные обряды. Тела чужеземцев, самоубийц и утопленников не подлежали традиционному захоронению. Их выкидывали за пределы поселка – в лес, реку, озеро или болото. Во время захоронения молодых людей, не успевших при жизни вступить в брак, практиковались не только погребальные, но и свадебные обряды, чтобы душа покойника могла попасть в загробный мир. При захоронении жрецов в языческую эпоху использовали специальные защитные обряды, чтобы они не могли после смерти

вставать из могил. В христианской Руси останки тех, кто, по мнению наших предков, обладал сверхъестественными возможностями вешали на деревьях в лесу, сжигали на кострах или пробивали металлическими предметами.

Список литературы

1. Бернштам, Т. А. Обряд «расставания с красотой». К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде / Т. А. Бернштам // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. – Ленинград: Наука, 1982. – С. 43-66.
2. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / Под ред. Я. Н. Щапова. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
3. Дубов, И. В. Новые источники по истории Древней Руси / И. В. Дубов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. – 197 с.
4. Зеленин Д.К. Древнерусский языческий культ “заложных” покойников / Д.К. Зеленин // Вестник АН СССР. – 1917. – Т.11. – №7. – С. 399-414.
5. Зеленин, Д. К. Очерки русской мифологии. Выпуск 1. Умершие неестественной смертью и русалки / Д. К. Зеленин. – Прага: 1916. – 312 с.
6. Земський, Ю. Народні уявлення про життя та смерть у дослідженнях подільських краєзнавців кін XIX-поч. XX ст. / Ю. Земський // Берегиня. – 1998. – № 3-4. – С. 116-127.
7. Каргер, М. К. Древний Киев / М. К. Каргер. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т.1. – 579 с.
8. Котляревский, А. А. Собрание сочинений в 3-х т.: Т.3.: Погребальные обычаи древних славян / А. А. Котляревский. – СПб. – 1893. – 493 с.
9. Лев Диакон. История / Лев Диакон. М.: Наука, 1988. – 239 с.
10. Левицкий, О. Старинные воззрения на самоубийство и отголосок их в народных обычаях / О. Левицкий // Киевская старина. – 1891. – №12. – С. 345-360.
11. Макарий (Архиепископ Харьковский). История русской церкви / Макарий (Архиепископ Харьковский). – СПб. – 1868. – Т.2. – 423 с.
12. Максим Грек. Сочинения / Максим Грек. – Казань. – 1862. – Т.3. – 271 с.
13. Москаленко, А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура) / А. Н. Москаленко. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. – 197 с.
14. Моця, А. П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. / А. П. Моця. – К.: Наукова думка, 1990. – 154 с.
15. Моця, А. П. Скорченные захоронения древнерусских некрополей / А. П. Моця // Древности среднего Поднепровья. – Київ: Наукова думка, 1981. – С. 101-105.
16. Повесть временных лет / Под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
17. ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 576 с.
18. Седов, В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. / В. В. Седов. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
19. Серапион Владимирский. Русский проповедник XIII века / под ред. Е. Петухова. – СПб.: Изд-во АН., 1888. – С.13.
20. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. / Собрание, перевод и объяснения А. Я. Гаркави. – СПб. – 1870. – С. 117-176.
21. Соболев, А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям / А. Н. Соболев. – Сергиев-Посад. – 1913. – 261 с.
22. Тимошук, Б. А. Языческие святилища древних славян / Б. А. Тимошук, И. П. Русанова. – М.: Ладога, 2007. – 303 с.
23. Чебаненко, С. Б. Практика посмертного повреждения тел «нечистых» покойников в южной Руси и в Прикарпатье и месть за ослепление Василька Тербовльського / С. Б. Чебаненко // Русин. – 2017. – №1 (47). – С.50-66.

Статья поступила в редакцию 5.03.2021

Kozlov, M. N. On the Question of Non-Traditional Pagan Burials in Ancient Russia

The study was the first to carry out a historical analysis of non-traditional forms of burial in Ancient Russia. Based on the Russian written sources of the 11th-16th centuries, archaeological data, and ethnographic materials, the author consistently reconstructed the funeral rites associated with the burial of foreigners, drowned people and suicides, young people who died before marriage, children, and pagan priests. The study emphasizes that due to the fact that special rites associated with the burial of this kind of the deceased were used everywhere in Ancient Russia even after the introduction of Christianity, the Orthodox Church was also forced to introduce some restrictions on the burial of certain categories of the dead. To solve research problems, the author used historical and analytical methods of research.

Keywords: dead, cremation, inhumation, Slavic deities, ghouls.

УДК 94(47):281.93"1917/1920"

Рассматривается религиозная политика Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как составная часть общегосударственной политики РСФСР. Акцентируется внимание на роли Крыма в геополитических конфликтах XX в. Средиземноморско-Черноморского региона.

Ключевые слова: революция, религиозные конфессии, православие, геополитические конфликты.

И. В. Рыбак, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: i32437@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В КРЫМУ (1917 - 1920 гг.)

Актуальность темы исследования обусловлена объективной необходимостью анализа исторического духовного опыта становления «безрелигиозного общества» в многоконфессиональном Крыму в послереволюционный период. Анализ особенностей указанного периода показывает, что, несмотря на наличие архивных документов о религиозной политике в Крыму, найти материал, объективно отражающий проблемы взаимоотношений религии, церкви и власти в послереволюционный период нелегко.

Цель статьи: проанализировать объективные исторические условия и факторы в постреволюционной России, повлиявшие на изменение религиозного положения Российской Православной церкви (РПЦ) в Крыму и радикальные изменения, произошедшие в духовной жизни региона к 1920 г.

Научная новизна исследования заключается в выявлении закономерностей, которые на протяжении исторического развития влияли на территорию Крыма, его этноконфессиональную структуру населения в составе Российской империи. Анализ архивных материалов доказал, что взаимодействие разных народов, их веротерпимости позволили в течение рассматриваемого периода не только пережить сложные геополитические события, но и сохранить своеобразие каждой нации, ее религии, языка и культуры.

Крымская земля с давних времен несет на себе «печать» духовной религиозной культуры. Об этом убедительно говорят исторические памятники в Херсонесе (Севастополь), Пантикапее (Керчь).

Обращает на себя внимание в Крыму и христианская православная традиция, сущность которой освещается в идее славить право Закона Божия. Согласно народным представлениям истоки православной религии тянутся от индоевропейской культуры; от Андрея Первозванного –апостола Иисуса Христа, который заложил основы христианства в Крыму и Киевской Руси.

Непосредственно вся православная христианская религия пришла в Крым, как и в Киевскую Русь, из Византии и на протяжении многих веков она в борьбе с исламом играла роль идеологии, которой руководствовалась политическая элита.

Усилились позиции православной церкви в Крыму после присоединения в 1873 г. Таврии и Крыма к Российской империи [1, с. 4]. В России того времени религиозные конфессии имели неравные права. Государственной религией было православие, верховным защитником и хранителем которой был император, что отражено в Своде законов Российской империи: «Император яко христианский государь Российской империи, есть Верховный защитник, хранитель догматов государственной веры и блюститель правоправия и всякого в церкви святого благочиния» [3, с. 3]. Царь в соответствии с законом не имел права исповедовать другую религию, кроме православной. В том числе высшие руководящие должности в государстве могли занимать только лица православной веры.

РПЦ пользовалась правом автономного управления. Другие религии подчинялись ведомству Министерства внутренних дел. Более того, православное духовенство было освобождено от налогов и других общественно-государственных обязанностей. На его содержание использовались доходы церкви: десятина, сборы при открытии храмов, венчальные сборы, сборы с людских пожертвований, штрафы и подати за церковный суд и т. д. Священнослужители, в зависимости от духовного сана, получали государственную зарплату. Православная церковь была и помещиком, и капиталистом. Синод РПЦ в 1906 г. имел на текущих счетах в банках не менее 60 млн. руб. золотом. Ему принадлежали заводы, сельскохозяйственные предприятия, прибыльные дома, гостиницы и тому подобное. На октябрь 1917 г., как свидетельствует церковная статистика, православная церковь имела в своих владениях 2611635 десятин земельных угодий, в том числе в собственности белого духовенства находилось более 2 млн. десятин [5, с. 38].

Следовательно, в результате сложившихся исторических условий православной веры РПЦ при царизме имела особые преференции, но при этом она находилась в определенной экономической и

политической зависимости от государства и была вынуждена служить российскому самодержавию, оправдывая его в глазах народов России. Функция духовенства не ограничивалась только освящением царской власти. Церковь осуждала враждовавших с царизмом революционеров, выступая против вольнодумства. Ею преследовались такие известные ученые, как К. Тимирязев, И. Сеченов, выдающийся писатель Л. Н. Толстой, который был подвергнут анафеме. Православная церковь выступала в роли цензуры, запрещая издание статей и книг материалистического характера. По этой причине произведения философов и ученых, например, Л. Фейербаха, П. Лафарга, Г. В. Гегеля, Ч. Дарвина и др. не публиковались полностью. Если же издавались, то со значительными пропусками. Церковь и государство старались не допустить идеи диалектико-материалистического мировоззрения в систему образования.

Особое влияние РПЦ имела на народное образование. Во всех государственных учебных заведениях обязательным предметом был «Закон Божий», а в начальных, церковноприходских школах он являлся основным. Главной задачей церкви было: «...воспитывать в детях страх божий, любовь к церкви и преданность царю и Отчизне». В инструкциях директорам высших учебных заведений, как правило, указывалось об их личной ответственности за религиозное воспитание. Например, директору Казанского университета в инструкции было записано «...чтобы воспитанникам университета внушалось уважение и любовь к святому евангелическому учению» [2, с. 40].

Таким образом, деятельность РПЦ, на первый взгляд, была полностью направлена на духовное воспитание граждан, но при этом церковь использовала как принудительность и насаждение страха среди прихожан, так и поборы с населения, штрафы и другие методы воздействия. Все это противоречило практике духовного воспитания, которая регламентировалась библейскими заповедями. Когда царизм был охвачен общенациональным кризисом, то значительная часть прихожан РПЦ, в том числе и в Крыму, поддержала не только революционные лозунги против царизма и буржуазии, но и лозунг «Свобода совести!».

Лозунг «Свобода совести!» в революционной России выдвинули большевики. На II съезде РСДРП (1903) положения «свобода совести» и «отделение церкви от государства и школы от церкви» были закреплены в Программы РСДРП. Теоретические обоснования относительно лозунга «Свобода совести!» сделали К. Маркс и Ф. Энгельс. Основные идеи лозунга сводятся к тому, что религия есть опиум для народа и от нее необходимо отказаться.

С учетом религиозной ситуации в России данную проблему проанализировал В. И. Ленин в трудах «Социализм и религия», «Об отношении рабочей партии к религии», «Классы и партии в их отношениях к религии и церкви» и др. Он писал: «Религия есть опиум народа. Религия - род духовной сивухи, в которой ради капитала топят свой человеческий образ... Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободно исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии... Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству» [4, с.143-144].

Что касается взаимоотношений религии и школы, то весьма характерными по этому поводу являются слова Н. К. Крупской, которая считала, что государство всегда пользовалось церковью для духовного порабощения масс, и церковь охотно играла эту роль орудия порабощения... Из отделения церкви от государства логически вытекает отделение школы от церкви... Священник проповедует не осуждение, а прощение своим классовым врагам; он проповедует отречение от земных благ, воздержание; обещает справедливость на небесах. Зачем будут учить этому своих детей рабочие и крестьяне, которые добиваются справедливости здесь, на земле... Надо предохранить ребенка от внушения ему истин, противоречащих науке.

Таким образом, исходя из вышесказанного необходимость воплощения в жизнь народа революционной России и Крыма требований о свободе совести, отделении церкви от государства, школы от церкви диктовалось историческими условиями.

Во-первых, духовная деятельность РПЦ была дискредитирована эксплуататорской политикой царизма. Так как православная церковь (по причинам своей зависимости от государства) была вынуждена «оправдывать» самодержавную политику. В результате чего люди, терявшие доверие к царизму, также отходили и от веры в церковь.

Во-вторых, теоретической подоплекой большевистской партии, которая в октябре 1917 г. пришла к власти в России, Крыму, была материалистическая идеология. По своей природе большевистская идеология находилась в антагонистическом противоречии с государственной идеей православной церкви. Поэтому отделение же церкви от государства и школы от церкви открывало свободу единоличного господства в коммунистической (материалистической) идеологии.

В-третьих, РПЦ не исчерпала своих возможностей в духовной жизни. Она имела и своих защитников. Поэтому большевистское руководство не могло запретить религию в целом, но отделить ее от государства оно было в состоянии, что и было сделано. Тем самым данным действием были продекларированы меры по избавлению церкви от государственной зависимости.

В-четвертых, к началу XX в. был накоплен определенный опыт по отделению церкви от государства.

В 1871 г. впервые в Сити в США состоялось отделение церкви от государства. Правда, деятельность государственных органов США и по сей день освящается церковью и связана с исполнением религиозной обрядности. В 1871 г. Парижская коммуна приняла исторический декрет об отделении церкви от государства, который за 72 дня существования коммуны не был выполнен. Мировой опыт об отделении церкви от государства показывал определенный пример большевистскому руководству относительно действий в сфере религиозной политики, хотя нигде в мире данный опыт еще не существовал в завершённом виде.

Исторические условия обусловили необходимость принять Советом Народных Комиссаров (СНК) Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 23 января 1918 г. [6, с. 96-98]. Декрет стал программным документом религиозной политики в России и в Крыму, где закреплялись правовые основы решения основных проблем: закрепление свободы совести граждан; предоставление равных прав всем религиям; отделение церкви от государства; отделение школы от религиозных общин и т.д. Внешне статьи Декрета имели демократический характер, направленный на освобождение церкви от влияния государства и обеспечение свободы совести граждан.

С целью воплощения в жизнь требований декрета в мае 1918 г. при наркомате юстиции был создан специальный 8 отдел – отдел проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства...». Такие отделы были созданы и в губернских комиссариатах юстиции. Порядок проведения декрета в жизнь детализован в специальной инструкции, которая была принята постановлением Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г.

Так, в инструкции говорилось, что имущество православного ведомства переходит к местным Советам рабочих и крестьянских депутатов, которые в свою очередь передают его в пользование местным жителям и постоянно контролируют качество его сохранения. То есть речь в данном положении ведется не о конфискации и ликвидации церковного имущества, а об общественном пользовании им, об общественном контроле за его сохранностью. Что касается храмов и молитвенных домов, которые имели историческую и художественную ценность, надзор за их сохранением возлагался на Народный комиссариат образования.

Все же другое имущество – земли, фабрики, заводы, капиталы, которые не связаны с церковной службой, должны были конфисковаться. Это, с одной стороны, освобождало церковь от материальных оков и направляло на развитие духовных идеалов. С другой же, если учитывать не высокую духовную зрелость людей, то лишение церкви материального имущества угрожало ее ликвидацией, так как имущество в значительной степени служило источником материального обеспечения церковной жизни.

Дальше в инструкции требовалось, чтобы в государственных и публично-правовых общественных помещениях не допускалось:

- проведение религиозных обрядов и церемоний (молебнов, панихид и т. д.);
- размещение каких бы то ни было религиозных произведений (образов, картин, статуй религиозного характера и т. д.)

Однако известно, что религиозные произведения как музыкальные, так и изобразительные в своем содержании воспроизводят историю, культуру народа. Отказ же от них означает духовное обворовывание церкви и ее паствы. Относительно отделения школы от церкви в инструкции отмечалось, что преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений ни в коем случае не может быть допущено в государственных, общественных и частных учебных заведениях. Крайность данного решения в современных условиях уже исправлена жизнью. Так, сегодня в учебных заведениях введено изучение курса религиоведения.

Реформирование взаимоотношений между церковью и государством наносило особенно сильный удар по преподавательскому составу богословских предметов. Педагоги увольнялись с работы и оставались без всякого государственного жалованья. Приостанавливалась государственная оплата также и священнослужителям. В инструкции говорилось, что ни одно государственное, а ни публично-правовое учреждение не вправе выдавать преподавателям религии каких бы то ни было денежных сумм. В результате созданной правовой базы относительно взаимоотношений между церковью и государством в России и Крыму возникла ситуация, когда государственная плата для церковников приостанавливалась, они оставались материальных средств к существованию. Из декрета следовало, что государство больше не является заинтересованным в религиозном обеспечении.

Поэтому духовенству в данной ситуации более ничего не оставалось делать, как сопротивляться попыткам воплотить в жизнь требования декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»; как идти служить тем, кто в них нуждался. А такую потребность имели контрреволюционные силы. Учитывая данную ситуацию, Священный Синод в ответ на советский декрет заявил, что «Доселе Русь была святой, а теперь хотят сделать ее поганой».

С большими страданиями, переживаниями относился к декрету и действиям, которые были им вызваны Патриарх Русской Православной церкви Тихон летом 1918 г. призывал всех верующих и верных чад Церкви стать на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей. В ответ на декрет верующие выступили многотысячными Крестными ходами. С хоругвями и чудодейственными образами, с молитвами и церковными песнями шли мужчины и женщины к кафедральным храмам своих городов. Среди людей распространялись листовки, в которых проклиналась Советская власть, вызывался на головы «безбожников и насильников гнев божий», призывались большевики к вере в Бога. На предприятиях собирались подписи рабочих в защиту от ареста Патриарха Тихона. Священнослужители выступали на организованных белогвардейцами митингах с призывами о пожертвованиях для борьбы против красного террора. Так, летом 1920 г. после проведения серии таких митингов в Севастополе доход от благотворительных пожертвований составил 5 729 410 руб. В то же время, преодолевая отчаянное сопротивление духовенства, Советской властью на конец 1920 г. Крыму было ликвидировано 673 монастыря, передано крестьянам 827 540 десятин монастырских земель; национализирована собственность религиозного ведомства: заводов – 84, молочных ферм – 436, животных дворов – 602, доходных домов – 1112, отелей – 704, пасек – 311, больниц и приютов – 277 и т. др. [5, с. 39].

Данные мероприятия наглядно свидетельствуют о том, что в сложных условиях гражданской войны декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» притворялся в жизнь. Выполнялся он и в Крыму. Это видно из отчета Архиепископа Таврического и Симферопольского Димитрия Патриарху Московскому и Всея Руси Тихону. Однако на религиозную политику советской власти в Крыму существенно влияли и дополнительные существенные факторы:

– Крым был многонациональным регионом. На крымских землях проживали русские и украинцы, татары и греки, немцы и караимы и многие другие народы. Необходимо было учитывать все разнообразие национальных культур. На религиозную политику в Крыму продолжали влиять и межконфессиональные противоречия. Так как на 1917 г. в Крыму насчитывалось 729 мечетей, 197 христианских церквей, 24 синагоги, 6 караимских кенас [2, с. 13]. Однако гражданская война этого не позволила и обострила все больше межнациональные и межрелигиозные противоречия:

– Крым по территориальному признаку был ближе к Украине. Поэтому не беспричинно Украина пыталась его присоединить к себе; относительно владения Крымом строили свои планы и интервенты Германии, страны Антанты. В итоге острая борьба за Крым приводила к частой смене в нем оккупационных режимов.

Все эти факторы требовали особых подходов к осуществлению религиозной политики в Крыму, которая должна была учитывать и национальный состав населения, и территориальные признаки, и межконфессиональные особенности региона. Однако в условиях нестабильности — это делать было невозможно, так как с 1917 г. Крым стал местом, где столкнулись геополитические интересы различных национальных течений и политических групп, которые спровоцировали на его территории социально-политические, а затем и этноконфессиональные конфликты. Политические события, которые носили драматические последствия, происходили на Крымском полуострове с большим ускорением. Коснулись они и православной церкви. Так, 19 декабря 1917 г. в Севастополе матросами был застрелен священнослужитель военно-морской Митрофановской церкви Г. Чефранов. Причиной убийства священника послужило то, что он благословлял осужденных на смерть матросов. 14 января 1918 г. был убит священник Покровской церкви с. Саблы Симферопольского уезда. Позже, зимой 1918 года стали жертвами террора Крымские священнослужители И. Попов и А. Русаневич.

Бурные и трагические события, которые развивались в Крыму в 1917 – первой половине 1918 г. не сумели втянуть православную церковь в политическую, межконфессиональную борьбу. Глава Таврической епархии архиепископ Дмитрий мудро наставлял духовенство. Он говорил: «Молю вас возлюбленные, поступайте достойно звания, в которое вас призвали. Отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уставших. Облекитесь, как избранныки божие, святые и возлюбленные, в милосердие, благочестие, смиренномудрие, кротость и долготерпимость. «Летом 1918 г. в органы епархии журнале «Таврические епархиальные ведомости была напечатана «Молитва о спасении церкви Православной».

Данная молитва читалась во время церковных служб и призывала местное население к прекращению братоубийственной борьбы, призывала их к миру и согласию. В результате, РПЦ сумела перенести трагедию террористических актов, противоречивых ситуаций, невзгоды, социальное насилие, которые имели место в 1917 – первой половине 1918 г.

В то же время ситуация в Крыму все более и более усложнялась. В 1918 – 1920 гг. на земли полуострова в течение каждых трех – четырех месяцев происходила смена правительств и политических режимов, которые пытались внести радикальные изменения социально-политической, экономической, духовной жизни крымчан. Эти изменения непосредственно относились и к православной церкви. Так, в марте 1918 г. на Крымском полуострове была создана Таврическая ССР, политика которой была направлена в отношении РПЦ на исполнение положений декрета СНК

РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [2, Д.2, Л.3-7]. Однако, решения, которые были приняты Таврической ССР не были выполнены из-за короткого существования.

В апреле-мае 1918 г. властью в Крыму овладевают интервенты. На территории полуострова отменяются большевистские законы, в том числе те, которые имели отношение и к деятельности религиозных организаций. Так, на место введенной большевиками свобода совести была закреплена свобода вероисповедания. Это положение утверждалось декларацией правительства генерала М. Сулькевича. В то же время правительство М. Сулькевича просуществовало недолго.

В ноябре-декабре 1918 г. Крым был оккупирован войсками Антанты и белогвардейскими частями генерала А. Деникина. Временным белогвардейским правительством в феврале 1919 г., возглавлявшим Крым, православной церкви был подтвержден государственный статус.

Однако весной 1919 г. стратегическое положение на юге радикально изменилось. Армия генерала А. Деникина и войска Антанты под ударами Красной Армии вынуждены были покинуть Крым. В мае 1919 г. на полуострове была создана Крымская Советская Социалистическая Республика. Своей декларацией от 6 мая 1919 г. она опять же вводила в силу положения декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». На этот раз советская власть в Крыму продержалась 75 дней.

В июне 1919 г. Крымом повторно овладели белогвардейские части армии генерала А. Деникина. В данный период активизировала свою деятельность Таврическая епархия. Она открыто встала на путь борьбы с советской властью. Об этом убедительно свидетельствуют следующие факты: духовные наставники Таврической епархии принимали непосредственное участие в работе духовного управления армии генерала А. Деникина; отдельные священники служили в Добровольческой армии, их обязанности определялись в памятке. Севастопольский епископ Вениамин принимал непосредственное участие в организации интриги с целью передачи командования Добровольческой армией от Деникина Врангелю; центром духовной контрреволюции в годы Гражданской войны был Херсонесский Владимирский монастырь, в котором находилась резиденция Севастопольского епископа Вениамина; священники получали в 1919-1920 гг. награды от белогвардейской армии. За это время им было выдано 279 наград.

Однако и Добровольческая армия не задержалась долго в Крыму. В ноябре 1920 г. она под ударами Красной Армии была вынуждена покинуть Крымский полуостров. Из Крыма было эвакуировано 145693 человека. Покинуло полуостров и немало духовенства, в том числе епископ Вениамин. Вместе с тем много солдат, офицеров не сумело эвакуироваться. В плен в Красную армию попало в это время более 52 военнослужащих белогвардейской армии. Немало и священников, служивших белому движению, осталось в Крыму. Архиепископ Таврический и Симферопольский Дмитрий остался также на родине со своей епархией.

В результате освобождения полуострова от армии Врангеля для крымчан Гражданская война закончилась. Перед православной церковью встали те же самые проблемы, которые определял декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». С воплощением его в жизнь произошла задержка, которая была связана с гражданской войной, которая в Крыму имела особую остроту. Выполнение требований декрета СНК в Крыму осуществлялось в 20-30-е годы XX в.

Вместе с тем историко-теоретические основы относительно религиозной политики в Крыму оставались теми, что и в России. Они базировались на почве материалистической марксистско-ленинской идеологии, которая претендовала в перспективе на замену собой религии.

Список литературы

1. Боги Тавриды: история религий народов Крыма / Под ред. А. С. Глушак и П. И. Артюх. – Симферополь: «Таврия», 1997. – 252 с.
2. ГАРК, Ф.2237, ОП.1, 2, Д.2, Л.3-7.
3. Куроедов, В. А. Религия и церковь в советском государстве / В. А. Куроедов. – М.: Политиздат, 1982. – 263 с.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т.12. – М.: Политиздат, 1968. – 604 с.
5. Лисавцев, Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР / Э. И. Лисавцев. – М.: Мысль, 1971. – 316 с.
6. О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. – М.: Политиздат, 1981. – 181 с.

Статья поступила в редакцию 5.06.2021

Rybak, I. V. Religious Politics in Crimea (1917 - 1920)

The article considers the religious politics of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic as an integral part of the national policy of the RSFSR. Attention is focused on the role of Crimea in the geopolitical conflicts of the 20th century in the Mediterranean-Black Sea region.

Keywords: revolution, religious confessions, Orthodoxy, geopolitical conflicts..

УДК 94:328(470:477)''1917''

В статье предложен анализ кризисной ситуации, сложившейся на Украине после выхода I Универсала Центральной рады и создания Генерального секретариата Украины в июне 1917 г. Основное внимание уделяется подготовке и ходу переговоров между Центральной радой и Временным правительством накануне выхода II Универсала, а также политических оценок последствий компромисса, достигнутого в ходе переговоров.

Ключевые слова: Временное правительство, Украинская Центральная рада, Генеральный секретариат, Универсал, компромисс, национальные отношения.

В. Э. Савчинский, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: savchinskiy61@mail.ru

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: КОМПРОМИСС ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ ЛЕТОМ 1917 ГОДА

Возможно, центральную проблему в автономистских устремлениях Центральной рады и соответствующую реакцию политических сил в Петрограде, представляет вопрос о легитимации Центральной рады не только с точки зрения юридической и политической практики, которые в революционной ситуации претерпевают трансформации далекие от сложившихся представлений, но и вопрос легитимации Центральной Рады в общеукраинском измерении. По части представительства и способов формирования Центральной рады, пополнения ее состава могут быть различные оценки, опять же привязанные к мировой практике формирования представительных органов власти. Кооптирование в состав Рады исполнительных комитетов съездов советов, представляющих различные социальные, политические, экономические интересы различных слоев общества ненамного отличались от подобных механизмов в Петрограде. В этом отношении принципиальное и даже радикальное отличие от центра состояло в формировании войсковых структур в Киеве. Вполне существующей и обсуждаемой в Киеве являлась проблема «внутренней» легитимации Центральной Рады как общеукраинского представительного органа, имея сложные коммуникации в первую очередь с общероссийскими партиями и общественно-политическими организациями, такими как Совет объединенных общественных организаций, но чаще обозначаемыми как «демократии других национальностей». Данное обстоятельство отмечал в своих воспоминаниях лидер Центральной рады М. Грушевский, когда писал, что слабой стороной являлось то, что Центральная рада оставалась только украинским национальным представительством, пусть и пополненным крестьянскими и военными депутатами [3, с. 127]. Вопрос о сотрудничестве с неукраинскими организациями в той или иной форме всегда оставался в повестке деятельности Центральной Рады. Имеется ввиду не столько национальный состав, который невозможно точно верифицировать, сколько представительные структуры, которые имели особый взгляд в отношении национального характера революции на Украине.

Наиболее актуализированным конкурентными политическими силами в Киеве, данный вопрос стал в июне – июле 1917 г. и он напрямую связан с целым клубком противоречий и взаимных обвинений, возникших после выхода I Универсала и создания Генерального секретариата. Накануне приезда в Киев делегации Временного правительства, на заседаниях Центральной Рады высказывались различные мнения по поводу сотрудничества с «демократиями других национальностей». При этом, принципиальных разногласий в отношении необходимости такого сотрудничества, на заседаниях Центральной Рады не замечалось. Создание Генерального секретариата Украины как исполнительного органа власти, инициированного самой Центральной Радой, требовало не только уточнений статуса и полномочий указанного органа, но опять же его легитимацию в глазах населения Украины. В отличие от Центральной Рады, решения которой не носили обязательный характер в части исполнения, исполнительный орган власти, не имеющий механизмов проводить в жизнь свои решения, теряет всякий смысл. Первый развернутый анализ, складывающейся ситуации представил на заседании Центральной рады 23 июня А. Шульгин [племянник В. Шульгина – В. С.], будущий секретарь по межнациональным делам, организатор Съезда народов России в Киеве (сентябрь 1917 г.), один из авторов Статута Высшего управления Украиной. Должности и функции, которые исполнял этот политик, весьма показательны в рамках рассматриваемой темы исследования. Шульгин заявил, что без согласия с национальными меньшинствами, создание Генерального секретариата выглядело бы как насилие над последними [10,

с. 117]. Он также рационально осмысливает возможные противоречия с Временным правительством, считая, что I Универсал не решает данную проблему, а главное – Генеральный секретариат не имеет механизма реализации собственных решений. Исходя из сказанного, А. Шульгин снова возвращается к вопросу сотрудничества с представителями неукраинских организаций [10, с. 117].

Далее последовало оживленное обсуждение статуса Генерального секретариата в ходе которого предлагалось два варианта его формального названия, каждое из которых значило бы многое и для практики будущей политики Центральной рады и для населения. То есть речь, фактически шла не о дефинициях, а о реальном наполнении полномочий Генерального секретариата. Итак, первое предложение определяло Генеральный секретариат как «правительство», другое как «высший революционный орган украинского народа» [10, с. 117-120]. В конечном счете, в тексте Декларации Генерального секретариата, которая вышла 27 июня 1917 г., этот новый орган «спрятали» в статусе Центральной рады. Рада объявлялась не только высшим исполнительным, но и законодательным органом власти «всего организованного украинского народа», а Генеральный секретариат исполнительным органом Центральной рады [10, с. 157-158]. Можно предположить, что отказ использовать термин «правительство» был связан не только семантическими соображениями: «не пугать этим словом ни Временное правительство, ни население», но и тактическими соображениями ввиду предстоящих переговоров в Киеве с представителями Временного правительства. Совсем «приземленной» выглядит необходимость создания Генерального секретариата в глазах П. Христюка, одного из лидеров украинских эсеров и Крестьянского союза, генерального писаря [канцлера – В. С.] в первом составе Генерального секретариата. Он пишет, что Комитет Центральной рады не справлялся с той нагрузкой, которая легла на Комитет и требовался новый технично-исполнительный орган [11, с. 77]. В части распределения полномочий между Комитетом Центральной рады и вновь образованным Генеральным секретариатом возникла некоторая дискуссия, похожая на определенную конкуренцию между двумя органами: Комитетом, чьи полномочия были достаточно четко прописаны и Генеральным секретариатом, чьи полномочия находились в стадии обсуждения [10, с. 116-117].

На заседании Центральной рады 24 июня возобновилась дискуссия о сотрудничестве Центральной рады с неукраинскими демократическими организациями в свете дальнейших полномочий Генерального секретариата. В конечном счете, была принята формула перехода, которая, фактически носила императивный характер. Она предусматривала, что сотрудничество с неукраинскими демократическими организациями возможно только при признании последними Украинской Центральной рады высшим правомочным органом украинского народа [10, с. 124]. Указанная формула перехода, утвержденная Центральной радой, была дополнена и развита в ходе подготовки к выборам специальной комиссии по выработке статута автономии Украины. Необходимость появления статута также иллюстрирует последовательность действий Центральной рады и в части закрепления положений, содержащихся в I Универсале, и в части усиления своей позиции в случае конфликтной ситуации с Временным правительством, что для всех являлось очевидной перспективой. При этом, Центральная рада формировала две комиссии, первая из которых разрабатывала положения о создании специальной комиссии, которой и надлежало выработать текст статута автономии Украины [10, с. 120].

В рамках работы первой комиссии, начавшейся 20 июня, появилась норма национально-пропорционального представительства для неукраинских национальностей. Из предполагаемых ста членов комиссии, в ее состав должны были войти представители неукраинских национальностей, которые составляют не менее 1% населения Украины [10, с. 120]. В целом, представители неукраинских наций получили 29 мест в комиссии, украинские представители – 71 [10, с. 120]. Процедура выборов членов, фактически, конституционной комиссии выглядела как справедливая и вполне демократичная. Центральная рада взяла на себя и функции, условно говоря, мандатной комиссии, поручила президиуму комиссии проверить статистические данные [10, с. 125]. Остается загадкой, о каких статистических данных шла речь. На территории губерний, которые в 1917 г. рассматривались Центральной радой как украинские, последняя перепись населения проводилась в 1897 г. К тому же вопросный лист не содержал информации о национальности, но содержал вопрос о родном языке, что, понятно, является иным демографическим инструментом. Но и данные переписи 1897 г. не дают ответов о национальном составе жителей Украины, а вопрос о родном языке даже может интерпретироваться в самых различных вариантах [7]. Более верифицированной по способу пополнения состава Центральной рады представителями неукраинских национальностей выглядела резолюция, принятая 28 июня 1917 г. Новых членов Центральной рады от неукраинских национальностей должны были преимущественным образом делегировать советы рабочих и солдатских депутатов и социалистические партии. Всего таких новых мест предполагалось 177 [10, с. 139-140].

Указанная резолюция Центральной рады была принята в день приезда в Киев правительственной делегации из Петрограда и, в конечном счете, была воспринята как компромисс со стороны руководства Центральной рады в ходе переговоров. Параллельно решалась задача найти компромисс на переговорах с представителями неукраинских организаций Киева. В ходе совещания с руководством социалистических партий различных национальностей и исполкома совета рабочих и солдатских депутатов выяснилось, что указанные политические силы, в целом, признают деятельность Центральной рады успешной, и главное, признают национально-территориальную автономию Украины [10, с. 140]. Отдельно прозвучала информация об отношении киевских членов кадетской партии к словам их лидера П. Милюкова о том, что украинское движение финансируется за счет Германии. На что был получен ответ о несогласии местных кадетов с мнением Милюкова [10, с. 140]. В связи с подобной позицией с большой долей уверенности можно предположить, что включение в состав правительственной делегации Н. Некрасова, давнего и главного оппонента Милюкова в кадетской партии был не случаен. Именно Некрасов вел переговоры в Киеве с руководством Совета объединенных общественных организаций, которые предшествовали официальным переговорам с руководством Центральной рады.

27 июня 1917 г. была опубликована Декларация Генерального секретариата Украины, в которой на секретариат по межнациональным делам возлагалась задача «объединить работу всех национальностей России для борьбы за автономно-федеративное устройство Российской Республики» [10, с. 159]. В рамках выполнения поставленной задачи секретариату поручалось созвать съезд представителей народов и областей России и подготовить материалы к открытию указанного съезда [10, с. 159]. Не подлежит сомнению факт, что Центральная рада становится модератором постановки и решения вопросов национально-государственного устройства России. Это обстоятельство подтверждает решительный и настойчивый характер решений, принятых Центральной Радой в июне 1917 г. В совокупности с той последовательностью, с которой в Киеве проводилась и реализовывалась идея формирования украинизированных воинских частей, нельзя не отметить системный характер деятельности Центральной рады и Украинского генерального войскового комитета.

Можно выдвинуть предположение, что продвижение и защита идеи самостоятельности, как в государственных, так и в военных делах с учетом продолжающейся мировой войны, преследовали цель действовать на опережении, поставить Временное правительство перед фактами, игнорировать которые было невозможно. Косвенным подтверждением таких мотивов в деятельности Центральной рады в провозглашении автономии Украины служат воспоминания М. Грушевского. Лидер Рады оценил выход I Универсала и формирование Генерального секретариата как результат активности и *самоуверенности* [Курс. – В. С.], как «шах королю», который поставил Временное правительство перед угрозой конфликта и заставил его пойти на уступки.

Далее Грушевский пишет, что все попытки объехать украинское движение «на кривой» потерпели крах и убедили сомневающихся в серьезности ситуации и необходимости в полной мере с ней считаться [3, с. 129]. Другое предположение строится на традиционной политике ставить перед визави заведомо неприемлемые для него вопросы, которые могли стать предметом для обсуждения в рамках достижения компромисса. Если подобная «дипломатическая кухня» на Украине действительно рассматривала и такое развитие событий, то в этом случае, принятие компромиссного по содержанию II Универсала достигло поставленных целей. Решение о пополнении состава Центральной Рады и Генерального секретариата представителями неукраинских национальностей также являлось сильным ходом, отсекающим, ставшими повсеместными обвинения в непредставительном, не общедемократическом характере революционного движения на Украине. Одной из фундаментальных проблем революции в России являлось решение земельного вопроса. И в этом отношении Центральная рада действовала в общем контексте национально-государственной политики. Не поднимая вопрос о реальном наполнении содержания будущего земельного закона, Центральная рада обозначила правовые и политико-технологические механизмы своей деятельности в разрешении вопроса о земле. В Декларации Генерального секретариата перед секретариатом по земельным делам ставилась задача подготовки проекта земельного закона на основе постановлений Всеукраинского крестьянского съезда. Особое внимание обращалось на включение в проект закона той части, которая касалась компетенции Всероссийского парламента и Украинского сейма в земельных вопросах [10, с. 159]. Постановления самого Всеукраинского крестьянского съезда не оставляли никаких сомнений в проведении политики социализации земли, начиная с ликвидации частной собственности на землю [8, с. 150-153]. А пока вопрос о созыве Украинского сейма был только обозначен, в Декларации Генерального секретариата, пусть и в предположительном наклонении, функции всеукраинского парламента возлагались на Центральную раду [10, с. 158].

Следует заметить, что Петрограде различные политические силы серьезно подходили к оценке перспектив переговоров в Киеве. Оценки, которые появились после окончания переговоров в Киеве и выхода II Универсала, иллюстрируют серьезные разногласия не только между соперничающими политическими силами, но и различное понимание этих событий в среде, казалось бы, близких по идеологии партий и политических деятелей в Петрограде. 2 июля, еще до публикации II Универсала в Киеве, в Петрограде состоялось частное совещание членов Государственной Думы. Широко и обстоятельно обсуждался вопрос об итогах переговоров между делегацией Временного правительства и руководством Центральной Рады в Киеве 29 июня 1917 г. Первым впечатлением от прозвучавших на совещании оценок текущих событий, является то обстоятельство, что участники совещания не очень осведомлены о конкретных обстоятельствах, произошедших в Киеве и на Украине событий с начала революции. В частности, это касается Всеукраинского национального конгресса, состоявшегося в Киеве 6-8 апреля [2, с. 155]. Из обмена мнениями между М. Родзянко и В. Шульгиным становится понятным, что информация поступает либо из конфиденциальных источников, которые существенно отличаются от официальных сообщений, либо участники совещания высказывают произвольно трактуемые оценки событий. Так, объективно излагая требования Украинской Центральной рады по вопросу автономии Украины, М. Родзянко и В. Шульгин приводят пример в части высказываний неких представителей Центральной Рады о том, что главным мотивом требований Центральной рады является то, что для нее является неприемлемым князь Г. Львов и безвластие Временного правительства, что не находит подтверждения ни в одном документе [2, с. 156].

В декларации Генерального секретариата от 27 июня отношение к Временному правительству выражено не столь категорично, использовано выражение «полного безразличия» к правительству с учетом того, что «украинская демократия имеет собственную власть [10, с. 157]. Но в развитие возможного развития ситуации в документе предполагается и враждебная политика по отношению к Украине со стороны Временного правительства. Также к вопросу о реальном понимании положении дел на Украине после формирования автономного украинского правительства – Генерального секретариата, относится замечание М. Родзянко о наличии в составе Генерального секретариата министра (секретаря) иностранных дел [2, с. 158]. Безусловно, провозглашение автономии Украины I Универсалом Центральной рады и формирование Генерального секретариата, являлись радикальными шагами, но вопрос о полном отделении от России не являлся доминирующим среди политических сил на Украине летом 1917 г. Появление же должности министра иностранных дел на Украине и юридически, и политически означало бы установление принципиально новых отношений между Киевом и Петроградом. Согласно Декларации Генерального секретариата полномочия и задачи сформированного секретариата по межнациональным делам заключались в объединении всех национальностей России за создание автономно-федеративного устройства Российской Республики и созыв съезда представителей народов и областей России [10, с. 159]. Мнение Родзянко по поводу событий на Украине похоже, действительно, связано со слабой включенностью бывшего председателя Государственной думы в украинские дела. Чего не скажешь о В. Шульгине, издатель и главным редакторе влиятельной среди консервативных кругов газеты «Киевлянин». На совещании обсуждался вопрос о формировании и полномочиях правительственной делегации на переговорах в Киеве. По словам П. Милюкова, в случае если делегация предпримет какие-либо шаги, не согласовав свои действия с правительством, то министры-кадеты подадут в отставку [2, с. 158], что позже и случилось, положив начало июльскому кризису. Информация Милюкова, остававшегося лидером кадетов, иллюстрирует еще один сюжет, связанный с разногласиями по «украинскому вопросу» между членами правительства, часть которых являлась также видными деятелями левых партий. Отправляясь на переговоры в Киев, правительственная делегация, с одной стороны имела мандат на детальное обсуждение вопросов, возникших после провозглашения автономии Украины и формирования Генерального секретариата, с другой, как это следует из документов, фактически была ограничена в праве принимать решения от имени правительства самостоятельно.

На переговорах в Киеве от имени правительства и от себя лично наиболее активно выступал один из лидеров меньшевиков и Петросовета И. Церетели. В составе делегации правительства особого внимания заслуживает фигура Н. Некрасова. Его имя часто даже не указывается в литературе и документах в качестве участника переговоров. Будучи левым кадетом и основным оппонентом П. Милюкова внутри партии, Некрасов был неким «серым кардиналом» в решении «украинского вопроса». Речь не идет о неких масонских связях с М. Терещенко и А. Керенским [1, с. 21, 23]. Но в книге А. Авреха, не вникая в масонскую историю, приводятся факты давних связей Некрасова с киевской группой кадетов, как и история неприязни между Некрасовым и Милюковым и другими лидерами кадетской партии [1, с. 192-193.] Кроме того, есть еще два обстоятельства, которые

заставляют задуматься над ролью Некрасова в описываемых событиях. Во-первых, его должность на тот момент министра транспорта явно выбивалась из среды других переговорщиков из Петрограда. Военный министр А. Керенский, министр иностранных дел и крупный украинский фабрикант М. Терещенко, И. Церетели как представитель левых партий и Петросовета составляли вполне органичную и в то же время «разнопрофильную группу», и присутствие Н. Некрасова должно быть объяснялось какими-то другими соображениями. Второе обстоятельство связано с тем, что в период июльского кризиса Некрасов уже вышел из состава кадетской партии и занял должности заместителя министра-председателя и министра финансов. Мало известно и о конкретной роли Некрасова во время его пребывания в Киеве. Сохранились отрывочные сведения о предполагаемых встречах Некрасова с местными кадетскими лидерами, что вполне объяснимо. Но с учетом степени влияния этой группы на политическую ситуацию, продуктивность такой встречи для повестки будущих переговоров не может быть значимой. Но все-таки, можно предположить, что Некрасов выполнял в Киеве какую-то подготовительную функцию, готовил почву для переговоров. По возвращению в Петроград, Некрасов высказал свои соображения по украинской проблеме. Он подчеркнул, что украинское движение нашло сочувствие по всей Украине и заслуживает серьезного внимания, а правительству следует заняться децентрализацией законодательства и привлечь творческие силы национальных течений в государственное русло [5]. Что же до Церетели, то его позиция по вопросу автономии Украины наиболее точно выражает стремление соблюсти баланс между левыми силами и противниками предоставления Украине в любой форме до Учредительного собрания. При этом, на переговорах в Киеве 29 июня 1917 г. Церетели предложил следующую форму признания автономии Украины: программа, содержащаяся в I Универсале приемлема, за исключением «самочинного провозглашения краевой власти» на Украине [10, с. 160].

Ключевым положением для будущего компромисса стали слова Церетели о том, что на Украине нужно фактически создавать автономный строй, но провозглашать этот принцип не следует, так как тогда и другие народы захотят того же [10, с. 160]. В основе компромисса, как он представлялся участниками переговоров в Киеве лежали два постулата, которые вполне являлись взаимными уступками. Центральная рада отказывается от немедленного провозглашения автономии Украины, тем самым дезавуируя содержание I Универсала. Подобный радикальный отход от прежней позиции потенциально нес угрозу потери авторитета Центральной Рады в глазах наиболее радикально настроенных украинских национальных сил, что, частично, и произошло вслед за указанными событиями. Со своей стороны, Временное правительство признавало Генеральный секретариат исполнительным органом власти на Украине, что собственно стала поводом и одной из причин выхода кадетов из состава правительства и последующего июльского кризиса в Петрограде.

Еще одно решение, принятое в ходе переговоров в Киеве, выглядело как «компенсаторное и смягчающее» обстоятельство для обеих сторон. Руководство Центральной Рады согласилось пополнить свой состав представителями неукраинских национальностей, проживающих на Украине. При этом, нормы представительства национальностей были разработаны Центральной Радой еще до начала переговоров, а делегация Временного правительства принципиально отказалась участвовать в обсуждении данного вопроса, считая это прерогативой Центральной рады [10, с. 161]. Формирование Генерального секретариата выявила еще одну конфликтную ситуацию. Речь идет о статусе этого органа, его полномочиях и перспективах взаимоотношения с Временным правительством. Именно появление Генерального секретариата как исполнительного органа власти на Украине заставило Временное правительство предпринять шаги для прояснения ситуации и поиска компромиссов. В этом смысле выход I Универсала вызвал больше эмоции и негодование в Петрограде, чем попытку вникнуть в реальную ситуацию и оценить реальные угрозы развития событий на Украине. Лидер Центральной рады М. Грушевский рассматривал создание Генерального секретариата как логическое завершение требований I Универсала и как основу для фактической организации власти для всей Украины [3, с. 129]. То есть на момент заключения соглашения с Временным правительством лидеры Центральной рады чувствовали уверенность в своих действиях и надежду на дальнейшее сотрудничество с Временным правительством.

Совсем иначе ситуация на Украине воспринималась в Петрограде, особенно в среде либерально-буржуазных деятелей. В номере газеты «Речь» от 7 июля размещена статья известного российского юриста и политика Б. Нольде. Он являлся непосредственным участником важнейших исторических событий начального этапа революции. Будучи крупнейшим специалистом в области государственного права, принимал участие в составлении манифеста об отречении великого князя Михаила Александровича, в котором обозначена роль Всероссийского Учредительного собрания в определении будущего России. Б. Нольде занимал должность заместителя министра иностранных дел в бытность руководства министерством П. Милюкова. Статья начинается с исторического экскурса,

посвященного политике России в отношении Украины, проводимой царями Алексеем Михайловичем и Петром I [9]. Данный экскурс «грешит» целым рядом неточностей, включая текущие события. Автором всех Универсалов являлся В. Винниченко, а не М. Грушевский [9]. Анализ «статей», которые появились в царский период истории России показывает, с одной стороны, двусмысленность многих положений, что далее приводило к одностороннему толкованию их содержания, как это случилось с «Мартовскими статьями» 1654 г., или вообще не предусматривало никакого обсуждения с украинской стороны, как это имело место в документах периода правления Петра I. При этом, форма документов, изданных Центральной радой, действительно напоминала гетманские универсалы XVII-начала XVIII вв. Историческая ретроспектива постепенно вплеталась в украинское национальное сознание. Не случайно, первые украинизированные воинские части, формирование которых началось в марте 1917 г., носили имена гетманов Б. Хмельницкого, П. Дорошенко, П. Полуботко. Автор определяет как фиктивную утвержденную формулу отношений в части возможного контроля со стороны Временного Правительства за деятельностью Генерального секретариата. Высказывается сомнения в возможности обеспечения прав неукраинского населения [9].

Действительно, какого-либо функционального разделения полномочий между Временным правительством и Генеральным секретариатом в тексте II Универсала проведено не было. Можно предположить, что обе стороны, в первую очередь устраивала компромиссная договоренность, исключающая дальнейшее обострение отношений между Петроградом и Киевом. В заключительной части статьи автор предполагает и предостерегает от возможных иллюзий в части надежд на Всероссийское Учредительное собрание, которое сможет сохранить единство государства. При этом, вина полностью возлагается на Временное правительство, которое идет на поводу инициатив, исходящих от Центральной Радой [9]. Следует заметить, что такая перспектива развития ситуации не рассматривалась ведущими политическими силами как реальная. Примечательно, что анализ и оценку текущей политической ситуации, привязанной к правовым полномочиям и политическим возможностям Всероссийского Учредительного собрания, дал видный российский юрист, член Юридического совещания Временного правительства и Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительные собрания.

Позже Б. Нольде обосновал свое отрицательное отношение к федеративному устройству России ссылкой на опыт передовых мировых государств, а также разрушительными для России «раздела России на национальные лоскутки», ссылаясь также на свой опыт переговоров с украинской делегацией [6, с. 23-25]. В выступлении Нольде обозначена связь проблемы национально-государственного устройства России с вариантами и попытками решения земельного вопроса, который, в значительной мере, превалировал в рамках интересов и требования, и самого крестьянства и политических сил в России. Следует заметить, что такая постановка проблемы о связи государственного устройства России и земельного вопроса может стать предметом серьезного научного исследования. Нольде делает акцент на земельной программе партии социалистов-революционеров, которая предусматривала социализацию земли. «Земля божья и ее надо без конца поровну делить между трудящимися» - такими словами Нольде приводит квинтэссенцию программы социализации земли [6, с. 25]. Далее Нольде увязывает актуализацию решения земельного вопроса в вышеуказанном направлении с появлением Украинской Центральной рады с ее стремлением к самостоятельности [6, с. 25]. В целом, такая постановка и увязка двух важнейших вопросов, вполне обоснована, но понятно и другое: фактически решение всех важнейших вопросов на Украине, так или иначе, рассматривались Центральной Радой через призму необходимости обладать реальной властью на местах. Нольде предлагает свою формулу конфигурации будущей российской власти, что тоже несколько выделяется на фоне других предложений и предположений. А именно, юрист-конституционалист категорически отвергает восстановление монархии, что в 1917 г. являлось общим местом для подавляющей части населения и политических сил, и предлагает образование ответственного министерства во главе с президентом [6, с. 26]. Отрицая федеральное устройство государства, Нольде, возможно, с учетом места своего выступления, пропустил реально существующую проблему взаимоотношений центра и регионов, вполне в духе сложившейся парадигмы, оставляет последнее слово за Учредительным собранием. Его работу оратор связывает с надеждой на победу здравого смысла и здравого расчета [6, с. 32]. Насколько такие надежды могли быть реализованы говорить, в конечном счете не приходится. Но опасения того, что Учредительное собрание может быть поставлено перед фактом императивных решений, принятых в регионах, проявлялись вполне отчетливо. В передовой статье газеты «Речь» от 13 июля такие опасения связываются с идеей проведения в Киеве съезда национальностей [9]. Вопрос о подготовке такого съезда, его повестке, возможностях и перспективах требует отдельного рассмотрения. Таким

образом, в течение июня 1917 г., Центральная Рада, пользуясь широкой поддержкой Всеукраинских крестьянского и войскового съездов, создала широкую платформу для реализации своих планов.

В то же время, явно компромиссный характер киевских договоренностей, ставит вопрос о степени «приобретений» одной и другой стороны, а также их последствиях. Вполне очевидно, что результаты переговоров устроили обе стороны. Генеральный секретариат приобрел не только юридический статус фактического правительства Украины, но и легитимность в глазах украинской общественности, и даже той ее части, которая скептически относилась к идее самостоятельности Украины, не санкционированной Всероссийским Учредительным собранием. Исключение составляли консервативные круги, исключаящие саму постановку вопроса о децентрализации России. В. Шульгин опубликовал в «Киевлянине» статью под названием «Против насильственной украинизации южной Руси». Собственно, В. Шульгин констатирует юридический факт признания Генерального секретариата краевым органом власти на Украине, считая данное решение правительства незаконным, опасным и разрушительным [4]. Делегация Временного правительства сохранило лицо как представителей общероссийской власти, признаваемой в регионах и одновременно продемонстрировала свое понимание важности урегулирования конфликтов между центром и национальными окраинами. Анализ опубликованного текста переговоров показывает активную и наступательную позицию представителей украинской стороны в начальной фазе переговоров. Церетели, как главный переговорщик от Временного правительства ищет такую модель поведения, которая бы по возможности исключила обвинения в потакании украинскому сепаратизму.

Сложившаяся накануне переговоров с Временным правительством ситуация позволяет резюмировать, что на этом этапе именно Центральная Рада занимала ведущую позицию, в то время как позиция правительства оказалась ведомой, аморфной, малоинициативной и непредсказуемой, что и показали события правительственного кризиса в начале июля 1917 г.

Список литературы

1. Аврех, А. Масоны и революция / А. Я. Аврех. – М: политиздат, 1990. – 350 с.
2. Буржуазия и помещики в 1917 году : частные совещания членов Государственной Думы / под ред. А. К. Дрезена; предисл. З. Б. Лозинского ; подгот. в печ. М. И. Ахун, Д. М. Зиневич и С. Б. Окунь ; Ленингр. Отд-ние Центр. ист. архива РСФСР. – М. ; Л. : Парт. изд-во, 1932. – 328 с.
3. Грушевский, М. Воспоминания / М. Грушевский // Киев. – 1989. – № 10. – С. 122-158.
4. Киевлянин. 1917. 18 июля
5. Новая жизнь. 1917. 2 июля
6. Нольде, Б. Учредительное собрание и его задачи : [речь в собрании граждан города Ранненбурга, Рязанской губернии 14 августа 1917 года] / Б. Э. Нольде. – Пг. : Огни, 1917. – 31 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел ; Под ред. Н. А. Тройницкого. – [СПб.], 1897 – 1905. Вып. 7 : Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. – 1905. – 38 с.
8. Революция и национальный вопрос: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. 3: 1917. Февраль-октябрь / сост. И. Левин и Е. Драбкина. – Москва: Изд-во Коммунистической акад., 1930. – 467 с.
9. Речь. 1917. 7 июля.
10. Українська Центральна Рада : документи і матеріали: У 2 т. Т. 1 : 4 березня- 9 грудня 1917 р. / упоряд. В. Ф. Верстюк [та ін.] ; відп. ред. В. А. Смолій / Нац. акад. наук України, Ін-т історії України. – К. : Наук. думка, 1996. – 589 с.
11. Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції. 1917-1920 рр. У чотирьох томах. Т 1, / Павло Христюк. – Нью-Йорк: Видавництво Чарторіських, 1921. – 152 с.

Статья поступила в редакцию 14.06.2021

Savchinskiy, V.E. The Central Rada and the Provisional Government: a Compromise of Political Programs in the Summer of 1917

The article offers an analysis of the crisis situation in Ukraine after the release of the First Universal of the Central Rada and the creation of the General Secretariat of Ukraine in June 1917. The main attention is paid to the preparation and progress of negotiations between the Central Rada and the Provisional Government on the eve of the release of the Second Universal, as well as political assessments of the consequences of the compromise reached during the negotiations.

Keywords: Provisional Government, Ukrainian Central Rada, General Secretariat, Universal, compromise, national relations.

УДК [4-015+5-15+6-17]:930(4-15+73)''19/20''

В статье рассматривается значение региона Большого Средиземноморья в историографии западноевропейских и американских исследователей второй половины XX – начала XXI вв. Анализируются основные этапы изучения региона, происходящие в нем геополитические процессы, связанные с ключевыми акторами, вовлеченными в соперничество за контроль над Большим Средиземноморьем и его субрегионами. Особое внимание в статье уделено политике США и НАТО в отношении Черноморского субрегиона в начале XXI в.

Ключевые слова: Большое Средиземноморье, НАТО, Кавказ, Северная Африка, Ближний Восток, Евро-Средиземноморье.

С. А. Бичаков, аспирант

Севастопольский государственный университет

E-mail: bichakov@mail.ru

РЕГИОН БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

В настоящее время регион Большого Средиземноморья представляет особый интерес в области международных отношений и военно-политического противостояния великих государств. Исторически, являясь ареной борьбы лидирующих государств в разные исторические эпохи, и сегодня не потерял актуальности, а даже, наоборот – с каждым годом регион становится «перекрестком» национальных интересов, как государств Большого Средиземноморья, так и государств, выходящих за его пределы.

Концептуализировать значимость данного региона со второй половины XX в. стремились в своих трудах западноевропейские и американские исследователи. Причем, в их работах Большое Средиземноморье, как геополитическое пространство, переживало определенные трансформации. В англоязычной историографии регион был подвергнут расширению, выходящему за границы Средиземного моря, вбирающего в себя Черное море с Кавказом, являющимся мостиком в Каспийский регион, Балканы, Ближневосточный регион (до Персидского залива).

Первые попытки осмысления роли «Большого Средиземноморья»

После двух Мировых войн, в условиях Биполярной системы международных отношений регион Большого Средиземноморья стал ареной противостояния двух политических блоков во главе с СССР и США, не упускавших из виду, столь выгодный стратегический плацдарм в условиях нараставшей Холодной войны.

Первым в послевоенной историографии, кто попытался дать характеристику геополитическому значению Средиземноморья, был яркий представитель школы «Анналов», Фернан Бродель, являвшийся одним из основоположников «новой исторической науки». Он предложил рассматривать историю не только в политическом измерении, но и в экономическом, культурном и географическом, используя междисциплинарный подход. С использованием такого подхода, был написан знаменитый трехтомник «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» [2] (1947 г.), в котором Бродель попытался охарактеризовать свое геостратегическое видение средиземноморского региона. Именно он первым из исследователей вышел за географические и цивилизационные рамки средиземноморского бассейна.

Стержневым тезисом в исследовании являлось убеждение ученого в том, что историческое Средиземноморье является примером целостного образования, для которого характерно экономическое единство. Бродель применил комплексный подход к изучению всего региона, и предпринял попытку написать обобщающий или «глобальный» труд по истории

Средиземноморского региона в большом хронологическом охвате. Преамбулой работы, являются слова: «До сегодняшнего дня в Новом свете не обнаружено никакого Средиземного моря, в отличие от Европы, Азии и Африки». На примере Средиземноморья, автор описывает «неразрывную связь истории и пространства», и подчеркивает, что Средиземное море – это не просто море, это комплекс морей.

Ф. Броделя не интересовал сам ход исторических событий, в отличии от структуры (своего рода измерения), внутри которых происходила экономическая, социальная, политическая история человечества. Однако, несмотря на энциклопедический охват предмета исследования, автор констатировал: «Итак, нам затруднительно в точности определить, что за исторический персонаж Средиземноморье, – для этого необходимы терпение, не одна попытка и неизбежные ошибки» [2, с. 15-16].

В условиях глобальной конфронтации двух военно-политических блоков, регион Большого Средиземноморья оказался одним из ключевых стратегических плацдармов холодной войны. Выгодное геополитическое положение, при полном контроле которого одно из государств имело возможность оказывать влияние и контролировать Северную Африку, Переднюю Азию (Ближний Восток), и что было наиболее важным в условиях Холодной войны – Европу. По словам французского исследователя Ш. Зоргбиба: «После появления межконтинентальных баллистических ракет бассейн Средиземного моря оставался предметом пристального внимания со стороны великих держав» [4]. Автор также выделяет две сферы влияния в регионе. Первую Ш. Зоргбиб называет «северным поясом», который включает в себя Грецию, Турцию и Иран с учетом контроля над средиземноморскими проливами, наличие турецко-советской границы (протяженностью в 3000 км) и военных баз, расположенных на территории Турции – члена НАТО. Данный пояс находился под контролем стран Запада. А Юг средиземноморского бассейна с дальнейшей возможностью установления контроля над Суэцким каналом и богатыми запасами нефти находился в сфере интересов СССР – в первую очередь, а уж потом Запада [4, с. 32-33].

Кроме этого исследователь считал, что одна из главных причин холодной войны возникла в Средиземноморье – 12 марта 1947 г., когда военные части во главе с генералом Маркосом выступили против «советизации» Греции, а президент США Г. Трумэн заявил о необходимости оказания военной и экономической помощи греческому правительству. Закончилась Холодная война, по мнению Зоргбиба, тоже в регионе Средиземноморья, 2-3 декабря 1989 г. во время встречи Буша-Горбачева на Мальте, «символизирующей прекращение холодной войны», конфликта Восток-Запад, ликвидации возможности возникновения третьей мировой войны и завершения «регионального» соперничества в Средиземноморье» [4, с. 174].

Однако в условиях конфронтации между США и СССР ряд ведущих европейских государств пытался трансформировать Европу (Западную Европу) из объекта, на которого воздействуют две сверхдержавы, в субъект региональной политики. Так, по мнению Зоргбиба, в начале 1960-х гг. возникла концепция исключения сверхдержав из системы обеспечения безопасности средиземноморских государств. Инициатором данной концепции стала Итальянская коммунистическая партия, которую активно поддерживала Франция в данном вопросе. Исходя из концепции, ведущим европейским государствам (того периода) можно было бы вернуться к системе военно-политического контроля в регионе в рамках новой концепции на подобие «доктрины Монро». В данном случае «Средиземноморье было бы избавлено от присутствия здесь американского и советского флотов и в то же время государства региона смогли бы почувствовать свою аутентичность в мирном сосуществовании» [4, с. 48].

С 1970-х гг. количество инициатив по созданию взаимоотношений кооперации между двумя берегами Средиземного моря приумножилось, но основное противостояние продолжало происходить между СССР и США. Европейским государствам так и не удалось продвинуть концепцию «доктрины Монро» для Средиземноморья.

Новое видение региона Большого Средиземноморья после распада биполярной системы. Появление концепции «Евро-Средиземноморье».

С распадом Советского Союза и вместе с крушением биполярной системы международных отношений в Средиземноморье начинают происходить процессы уже без влияния советского (российского) фактора. Теперь борьба за Средиземноморье происходит между США и набирающим экономический и политический вес Европейским Союзом, активизирующим свою внешнюю политику в Средиземноморском регионе, с целью создания Евро-Средиземноморского пространства.

ЕС в начале 1990-х гг. начал проводить внешнюю политику по двум направлениям: Восточное (привлечение стран социалистического лагеря в «европейский дом») и Южное (с целью объединить два берега Средиземного моря). Значительная часть англоязычной литературы преследует цель теоретического обоснования внешней политики ЕС (европеизации Средиземноморья) и воздействия на архитектуру системы международных отношений, в том числе и в Средиземноморском регионе. Одной из таких работ является исследование специалистов Института исследований европейской интеграции – П. Мюллера и Н. А. Флерс, содержащей анализ измерений, механизмов и результатов процесса европеизации во внешней политике ЕС [23]. Кроме этого, ряд исследований посвящен международной роли ЕС в Средиземноморье. Как отмечает Ф. Бисчи: «Средиземноморье является особенно трудным для регионального строительства. ЕС преследовал региональный проект путем формализации ряда институциональных связей между ЕС и его южными партнерами. Но трудно обосновать идею «Средиземноморского региона» на «объективных» основаниях» [9]. Также автор указывает на использование европейцами курса на популяризацию европейской модели интеграции и основании на уверенности в том, что неолиберальная модель экономики, демократические ценности и законодательные нормы ЕС, способны стимулировать развитие большинства стран и регионов мира.

При рассмотрении европейской историографии новейшего периода, относящейся к политике Средиземноморья, можно констатировать, что наиболее яркой чертой европеизации, в регионе являлся процесс демократизации, т. е. реализации проекта по универсализации Средиземноморья во главе с единой Европой. Особенно отчетливо данный процесс был выражен в европейской политике соседства. Несмотря на то, что данная инициатива предназначалась для государств, не имеющих перспектив присоединения к ЕС в обозримом будущем, и основана на дифференцированном подходе по отношению к третьим странам, в ее основе содержится базовый принцип международной деятельности Евросоюза, а именно – принцип политической обусловленности (обусловленности в правоте европеизации и демократизации остального «неевропейского» Средиземноморья) [17; 34].

Европейские специалисты в области внешней политики ЕС, отмечали: «Стратегическое значение Средиземноморского бассейна требует перебалансировки внешних отношений ЕС» [22]. Поэтому период 1990-х гг. связан с усилением позиций Европейского Союза в регионе Большого Средиземноморья, а также попытки потеснить позиции США. Новые концепции, выдвинутые администрациями европейских государств, требовали более глубоко исследования средиземноморских процессов и скорейшего активного действия в заполнении «внешнеполитического вакуума», оставленного после отступления Советского Союза из региона.

В начале 1990-х гг. начали выдвигаться различные концепции по созданию Евро-Средиземноморского пространства. Так, 27 – 28 ноября 1995 г. состоялась барселонская конференция, ставшая отправной точкой «европеизации» Средиземноморья. Европейский Союз благодаря продвижению концепции Евро-Средиземноморья стремился затронуть все сферы международных отношений: от политической и экономической сферы, до культурно-цивилизационной. По завершению работы конференции была принята Барселонская декларация, в которой излагались основные принципы и цели партнерства Европейских государств с «третьими государствами» Средиземноморья. По мнению исследователей Ш. Пардо и Л. Земера: «Речь шла о создании «зоны мира, стабильности и процветания» в Средиземноморье, достижении взаимопонимания между различными культурами; развитии партнерства между гражданскими обществами; необходимости уважения демократии и соблюдения прав человека и основных свобод; политическом диалоге и экономической либерализации; финансовой и технической помощи партнерам...» [27].

Военную составляющую в Средиземноморье программные установки ЕС не затрагивали. Политолог А. Юнеманн, подчеркивает, что из данного диалога 1995-го года, военные аспекты были исключены с самого начала. По его мнению, это было связано с толкованием самого понятия «безопасность», согласно которому причины нестабильности в регионе имели прямое отношение с социально-экономическими вопросами межрегионального разделения (Северная Африка, Ближний Восток), что позволяло не включать столь важные вопросы в повестку дня в начальный период партнерства [20]. Причиной отсутствия военных аспектов может также крыться, в военных возможностях США, контролирующей Средиземноморье посредством НАТО.

Однако, Барселонский процесс, не дал должного результата, которого ожидали европейские эксперты. Ряд исследователей Барселонского процесса уверен в том, что довольно неудачные итоги

процесса связаны в первую очередь с слишком амбициозными целями, поставленными перед Евро-Средиземноморским сообществом, а также отсутствием ясного и отчетливого плана по реализации задуманных предприятий [15; 32; 21]. Кроме этого к концу 1990-х гг., появились новые факторы, мешающие осуществлению образования Евро-Средиземноморского пространства. Так, ЕС определил первостепенной задачей расширение сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы (и дальнейшей интеграции в ЕС), а Средиземноморскую политику отодвинул на «второй план». «Падение Берлинской стены в 1989 г. привело объединенную Европу к особому восприятию роли Балтийского, Центрального и Восточного регионов, вследствие чего интерес Евросоюза (ЕС) к Южному региону был снижен в течение нескольких десятков лет» – считает французский исследователь П. Алльес [6, с. 266].

К тому же ожидать от европеизации Средиземноморья, похожего эффекта как от демократизации Восточной Европы не приходилось в результате того, что последние просили о «возвращении в Европу» на основе своей европейской идентичности. А главная ошибка ЕС в политике Средиземноморья, по мнению Р. Холлиса, «заключается в абстрагировании ЕС от политической культуры и местного уклада жизни, обычаев и условий арабских государств» [18]. Это связано в первую очередь с тем, что общие ценности Европейского Союза не учитываются традиционные ценности стран Северной Африки и Ближнего Востока.

Помимо этого, кроме концепции ЕС в отношении Средиземноморья, на него также начали претендовать отдельно государства Европы – Франция и Италия, имеющие исторически отдельные видения региона. Еще в 1950-х гг., когда в Западной Европе начинал набирать силу интеграционный процесс, Франция и Италия рассматривали Средиземноморье как плацдарм, на котором как утверждает американский политолог А. Броги: «они могли бы побороться за власть и статус», тем самым получив «козыри» на континенте» [10]. Американский политолог З. Бжезинский в 1997 г. отмечал: «Франция не только стремится к центральной политической роли в единой Европе, но и рассматривает себя как ядро блока государств Средиземноморья – Северной Африки, которые разделяют общие интересы» [3, с. 42].

Новый процесс консолидации Евро-Средиземноморского пространства был начат Францией, преследовавшей свои геостратегические цели в регионе. По мнению Парижа, создание Средиземноморского союза (2007 г.), подразумевало объединить в союзе только те государства, которые имеют непосредственный выход к Средиземному морю. Особенно это касалось государств Северной Африки, потому что арабский Магриб всегда был зоной интересов Франции [31]. Стоит отметить, что в начале XXI века многие европейские политики и исследователи начали говорить о необходимости оживления Барселонского процесса. Как считает заведующий отделом Европы в Международном центре Ливерпульского университета Р. Гиллесли, в целом Евро-Средиземноморское партнерство к 2000-му году, находилось в стагнации по всем направлениям деятельности [16].

Появление новой межрегиональной организации с теми же целями, что и у предыдущих стратегий ЕС в Южном Средиземноморье, но с меньшим числом участников, ряд европейских исследователей рассматривал, как попытку свести на нет все достижения прошлых лет или признания их неэффективности [15, с. 2]. Данный Средиземноморский проект формировался в условиях регионализации системы международных отношений. В связи с этим создатели новой стратегии преследовали определенные цели:

- 1) усилить позиции Франции, Италии, Испании (стран-инициаторов) как внутри Европейского Союза, так и в Средиземноморье отдельно от ЕС, преследуя свои государственные планы, в соответствии со своими национальными интересами;
- 2) желание сдерживать растущее американское вовлечение в регион, долгое время остававшийся зоной естественного влияния западноевропейских государств;
- 3) создание в Средиземноморье рынка свободного товарообмена [6, с. 267].

Однако из-за ошибок французской дипломатии, а также соперничества между государствами внутри ЕС, не удалось регионализировать Средиземноморье, как под руководством ЕС, так и отдельных западноевропейских стран. «Обзор политики Евро-Средиземноморья показывает институциональную слабость, в которую Союз Средиземноморья не внес ничего нового. Вероятно, Франция переоценила свою роль в политической деятельности, что сильно повлияло на неспособность ЕС утвердиться в регионе, в котором сталкиваются интересы сверхдержав» – отмечает П. Алльес. Между тем, финансирование средиземноморских проектов фактически возлагалось на

европейские фонды. Заявления инициатора Союза Средиземноморья Н. Саркози вынуждали Германию, традиционно ориентированную в своей внешней политике на Восток, становиться в оппозицию к его замыслу. Наибольшее недовольство у А. Меркель вызвали действия французского президента по подрыву франко-германского союза, долгие годы служившего опорой для любой крупной политической инициативы ЕС [28].

Роль НАТО и США в регионе Большого Средиземноморья в западной историографии.

Таким образом, в настоящее время политика европеизации Средиземноморья зашла в тупик. Кроме внутренних факторов внутри ЕС, существуют и внешние факторы, препятствующие установлению контроля западноевропейских государств над Средиземноморским бассейном. Внешние факторы кроются в таких субрегионах как Северная Африка и Ближний Восток. В последние годы вопрос о безопасности Средиземноморья становится наиболее важным в системе международных отношений, чем межгосударственная политика или экономика. После 11 сентября 2001 г., вовлечение США в регионе сильно возросло. Было положено начало созданию концепций «больших пространств» напрямую связанных со Средиземноморьем, включающим Ближний Восток и Черноморский регион.

В данных условиях ЕС приходится конкурировать с США за влияние в Средиземноморье. Как считают ряд французских исследователей: «На сегодняшний день Ближний Восток и Северная Африка находятся на стадии разделения на сферы влияния между Европейским Союзом и Соединенными Штатами. В сущности, деление осуществляется между франко-немецкими и англо-американскими интересами. Так, Ирак входит в орбиту англо-американских интересов, а Восточное Средиземноморье и газовые ресурсы Африки попали во франко-немецкую орбиту» [13].

В итоге, когда ЕС начинает уступать влиянию США в регионе, европейцы пытаются найти новую модель взаимодействия Европейского Союза с «третьими странами Средиземноморья». Обновлённый подход ЕС не являлся новым и продолжал основываться на приоритете безопасности государств-членов союза и институционализации политического пространства Средиземноморья. Характерной чертой нового подхода, по мнению экспертов, являлось усиление дифференциации не только между восточными и южными соседями, но и внутри них, что негативно отражалось на многостороннем формате евро-арабского взаимодействия в макрорегионе Северной Африки и Ближнего Востока [33]. Как раз ряд экспертов ЕС указывает на самый существенный недостаток развития евро-арабского взаимодействия – на отсутствие специально разработанной стратегии развития отношений между ЕС и арабскими государствами Средиземноморья, которая так и не появилась ни в формате союза для Средиземноморья, ни в обновленной Европейской политике соседства [7].

По мнению ряда американских исследователей, «...на фоне того, что у ЕС и США отсутствует стратегически скоординированная позиция в отношении государств макрорегиона Северной Африки и Ближнего Востока, многие арабские государства переживают период исламской радикализации» [8].

Как было написано выше, после развала Советского Союза и тем самым его ухода из региона Большого Средиземноморья, США остались единственной сверхдержавой, отстаивающей свое влияние в Большом Средиземноморье. Отчасти Америка осуществляла надзор за регионом посредством своих европейских союзников, являвшихся странами-участницами НАТО.

Традиционно США рассматривали Средиземноморье как «южный фланг» НАТО, необходимый для борьбы с СССР. Американцы преследовали три основные цели: установление контроля над черноморскими проливами, оказание помощи Израилю и обеспечение стабильности в зонах нефтедобычи. Однако во второй половине 1990-х годов отношение США к региону изменилось, появилось новое геостратегическое видение Средиземноморья, а также два основных приоритета государственной политики: борьба с терроризмом и обеспечение энергетической безопасности [25].

В докладе 1998 г., подготовленном научными сотрудниками НАТО по теме «Средиземноморской инициативы» Североатлантического альянса указывалось: «С 1989 года, НАТО сосредоточилось главным образом на Восточной Европе, уделяя Средиземноморью лишь ограниченное и спорадическое внимание. Однако в ближайшие десятилетия, средиземноморский регион, вероятно, станет более важным. Если успех НАТО и Европейского союза будет успешным, Восточная Европа станет все более стабильной и интегрированной в евроатлантические политические, экономические и охранные организации, что уменьшит потребность в безопасности в

Восточной Европе. Проблемы безопасности переместятся на южную периферию Североатлантического альянса – на Балканы, Средиземное и Кавказское» [25].

Кроме этого необходимо отметить регионализацию системы международных отношений, которая отразилась на взаимоотношении отдельных ведущих государств Западной Европы и США по вопросам о влиянии в Средиземноморье, что также отразилось на оформлении Средиземноморской политики НАТО. Известный американский политолог Дж. Фридман отмечает: «Северное Средиземноморье вошло в дисбаланс с Восточным и Южным. Это привело к тому, что каждая из стран Средиземноморья в своей внешней политике исходит в первую очередь из собственных интересов, а не интересов своего субрегиона, что отражается и на отношениях с НАТО. У действующих и потенциальных партнеров альянса в Средиземноморье отсутствует четко артикулируемая общезначимая цель объединения и сотрудничества, нет единого подхода к вызовам безопасности, в том числе конъюнктурным» [5, с. 327].

Еще в 1994 г. Североатлантический альянс начал программу сотрудничества для региона Северной Африки и Ближнего Востока, получившую название «Средиземноморский диалог». По мнению исследователя М. Орфи, целью данной программы было повышение открытости альянса для стран Средиземноморья укрепления региональной безопасности и стабильности, поиск новых партнеров. Также, утверждает автор, была еще одна не афишируемая цель – сдерживание террористической угрозы, исходящей из Ближневосточного региона и Северной Африки [26, с. 154-155].

Но «Средиземноморский диалог» имел ряд проблем и противоречий. Так, например, ряд исследователей отмечает проблему утилитарности программы, которая с самого начала не была ясна участникам. «Изначально идея заключалась в том, что от сотрудничества выиграют обе стороны: средиземноморские партнеры внесут существенный вклад в укрепление альянса, а он поможет им в обеспечении их внешней безопасности, сделав акцент на сдерживании конфликтов. При этом многосторонний формат сотрудничества и консультаций был не интересен арабским странам – участникам программы. Они были заинтересованы в углублении сотрудничества НАТО исключительно на двусторонней основе, поскольку только так перед их лидерами открывались реальные возможности обеспечения их личной безопасности и политической выживаемости» [29].

В результате исчерпания различных партнерских программ, к 2010 г. НАТО начало проводить реформу средиземноморской политики. Суть реформы заключалась в новом функциональном, прагматичном принципе партнерских отношений – выстраивание сотрудничества исходя из эффективности роли страны в практических операциях альянса.

По мнению ряда европейских и американских исследователей, стратегическая логика новой политики партнерства НАТО заключалась в том, чтобы сделать альянс ориентиром для сотрудничества с многочисленными партнерами, которые необходимы для США, чтобы реализовать собственную стратегию национальной безопасности и гарантировать собственные глобальные интересы. Однако сработала она только частично, главным образом в силу высокой инерционности системы: НАТО просто не хватает политической воли для инициирования и налаживания диалога со странами, которые могут не разделять те же ценности, что и старые члены альянса [19].

Таким образом, в целях обеспечения собственной национальной безопасности США считали одной из своих главных целей достижения стабильности региона, обеспечение жесткой безопасности, причем преимущественно в Восточном Средиземноморье, где им открывался доступ ко всему региону Ближнего Востока. А страны Европы, испуганные той же угрозой терроризма, оказались все более вовлеченными в дела Южного Средиземноморья. Так, в отчете группы-экспертов НАТО (во главе с М. Олбрайт) 2010 г. утверждается, что регион Средиземноморья и, в частности его средиземноморско-ближневосточный сегмент, негативно влияет на безопасность Запада в сфере ядерного нераспространения, борьбы с терроризмом, энергетической безопасности и «мирного развития» [24].

Также отдельно необходимо отметить геополитическую роль Черноморского региона в политике США и НАТО. В 1998 г. Зб. Бжезинский вывел концепцию «Мировых Балкан», исходя из которой необходимо рассматривать часть Черноморского субрегиона и Кавказ в геополитическом единстве с государствами Персидского залива и Ближнего Востока, с Центральной и, отчасти, Южной Азией. Также американский геополитик, считал, что для данного региона характерно состояние «силового вакуума» [3, с. 149].

К началу XXI века, США начинают все больше проявлять активность в Черноморском регионе. Главные причины этого – недопущение России в регион Большого Средиземноморья, и борьба с мировым терроризмом, исходящим из Ближнего Востока и Каспийского региона. Тем самым США включает Черноморский субрегион в зону своих политических интересов. Так, например, администрация президента Дж. Буша свела воедино все акции, ранее предпринимавшиеся в рамках «Большой программы» установления «регионального единства» по схеме США – Турция – Большой Кавказ. Программа исходила из общей установки «присутствия США в стратегически важных районах мира» и предполагала «продвижение американских национальных интересов» [12].

Одним из важнейших для США геостратегических факторов Черноморского субрегиона, является ее близость к Каспию. Американский политолог Б. Шаффер указывает на геополитические и экономические возможности Америки, в случае ее выхода к Каспийскому региону: «Нефтегазовые месторождения Каспия расположены в странах, ориентированных, преимущественно на западные ценности; кроме того, эти страны в настоящий момент не входят в ОПЕК. Ресурсы каспийской нефти могли бы ослабить монополию ОПЕК, обеспечив большое влияние на политику ценообразования Саудовской Аравии и других стран Организации, и, в конечном счете, способствовать стабилизации нефтяных цен в мире» [30].

Начиная с 2006 г., в зарубежной историографии начинаются поиски обоснования противостоянию российской угрозы в регионе Большого Причерноморья. В результате этого появляется новый геополитический проект «Большого Черноморского региона». Как утверждал исполнительный директор американского фонда Маршалла Р. Асмус: «Сегодня идея «большого Черноморского региона» находит все больше сторонников, как и осознание того, что необходима более последовательная и всеобъемлющая стратегия» [1]. Рональд Асмус отмечал необходимость НАТО, занять доминирующую позицию в регионе, в связи с тем, что именно Североатлантический альянс обладает ресурсами для сдерживания России в регионе, а также сетовал на нежелание европейской администрации рассматривать Турцию – ключевого игрока в регионе, как равного партнера, что в свою очередь усложняло налаживанию западных коммуникаций в «Большом Черноморье». Того же мнения придерживается американский аналитик, ведущий исследователь Международного центра энергетической безопасности при фонде «Наследие» по проблемам России и Евразии А. Коэн: «Упорное нежелание руководства ЕС принять в свои ряды Турцию порождает у той чувство обиды и раздражение против вмешательства Запада в дела региона... Она стремится укреплять связи с другими, незападными странами, в том числе с Россией, убежденными, что Запад никогда не допустит мусульман в свои элитные «клубы» [11].

В настоящее время именно Черноморский субрегион является ключевым в проникновении России в Большое Средиземноморье. Поэтому в наши дни все больше внимания получают исследования американских и европейских исследователей на проблему появления России в Средиземноморье, как в период биполярной системы международных отношений.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что регион Большого Средиземноморья, начиная со второй половины XX в. являлся актуальным для западных исследователей. После Второй мировой войны Ф. Бродель первым попытался акцентировать внимание на Средиземноморье. Доказывая с геостратегической, экономической и культурной (цивилизационной) позиций, автор пытался показать регион под единым управлением. Однако в тоже время, определяя сильную раздробленность субрегионов Средиземноморья.

В условиях биполярной системы, Средиземноморье находилось в поле зрения США и СССР. Однако с распадом Советского Союза в регионе из великих держав остались только США. В свою очередь, в 1990-х гг., на мировой арене происходит усиление позиций Европейского Союза, который в свою очередь обладает своим геополитическим видением Средиземноморского региона. Создание Евро-Средиземноморского союза предусматривало охватить все сферы государственной жизни. Однако из-за отсутствия единой политики, позиции отдельных европейских государств, а также незаинтересованности «третьих стран» Средиземноморья, в 2010 г., политика ЕС в отношении региона зашла в тупик.

Европейский Союз начиная с 90-х гг., конкурировал с США за влияние в «Большом Средиземноморье». Несмотря на то, что в НАТО входят европейские государства, главным инициатором всех стратегий и действий организации является США. После непродолжительной паузы в 1990-х гг. Америка вновь возвращается в «Большое Средиземноморье». В первую очередь

это связано с разработкой различных стратегий «Больших пространств» и борьбой с мировым терроризмом после 2001 г.

Кроме этого создаются отдельные стратегии для субрегионов Большого Средиземноморья, особенно для Черноморского региона. Это связано с усилением позиций неевропейских (западных) сил в регионе, особенно России.

Поэтому в Большом Средиземноморье нашего времени место Испании XVI в. (по Ф. Броделю) занимают страны, вынужденные «прислушиваться» к потрясающим регион политическим толчкам, во многом приспособиваясь к особенностям и динамике субрегионов, находящихся на распыте трех континентов и соединенных «Срединным морем».

Список литературы

1. Асмус, Р. Евро-Атлантическое Причерноморье / Р. Асмус // Россия в глобальной политике – URL: http://globalaffairs.ru/number/n_8817 (дата обращения: 20.06.2021).
2. Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3-х частях / Ф. Бродель – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 806 с.
3. Бжезинский, Зб. Великая Шахматная доска / Зб. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.
4. Зоргбиб, Ш. Средиземноморье без великих держав? / Zorgbibe Ch. La Mediterranee sans les Grands? – P. Quadnge, PUF, 1997 – 210 p. (Обзор книги произвел В. Н. Бабенко).
5. Фридман, Дж. Горячие точки. Геополитика, кризис и будущее / Дж. Фридман – М.: Питер, 2016. – 400 с.
6. Allies, P. Union for the Mediterranean: state and regional policy / P. Allies // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2016. – № 2. – С. 266 – 273.
7. Aliboni, R. The ENP in the Mediterranean: Evaluating the Political and Strategic Dimension in ed. Michele Comelli, Atila Eralp, Çiğdem Üstün; The European Neighbourhood Policy and the Southern Mediterranean: Drawing the Lesson of Enlargement / R. Alibony // METU Press. – URL: http://www.ces.metu.edu.tr/docs/European_neighborhood_policy (дата обращения: 20.06.2021).
8. Balfour, R. US and EU: Lack of Strategic Vision, Frustrated Efforts Towards the Arab Transitions / R. Balfour, D. Greenfield, A. Hawthorne // Atlantic Council, September, 2013. – 47 p.
9. Bicch, F. Our size fits all: Normative Power Europe and the Mediterranean / F. Bicch // Journal of European Public Policy. – № 13 (2). – 2006. – P. 286–303.
10. Brogi, A. “Competing missions”: France, Italy, and the rise of American hegemony in the Mediterranean / A. Brogi // Diplomatic history. – Vol. 30. – № 4. – 2006. – P. 47 – 68.
11. Cohen, A. U.S. Strategy in the Black Sea Region / A. Cohen, A. Conway // Executive summary Backgrounder. – № 1990. – 2006. – P. 37 – 54.
12. The Caucasus and Caspian region: understanding U.S. interests and policy: hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on International Relations, House of Representatives, One Hundred Seventh Congress, first session, October 10, 2001. – URL: <https://archive.org/details/caucasuscaspianr0000unit> (дата обращения: 20.06.2021).
13. Darkwah, S. Attitude of European Union towards Middle East and Northern Africa since 1990s. / S. Darkwah, E. Taterova // 12th International Scientific Conference «Economic Policy in the European Union Member Countries». September 16 – 18. 2014. – URL: https://www.researchgate.net/publication/308415467_Attitude_of_European_Union_towards_Middle_East_and_Northern_Africa_since_1990s (дата обращения: 20.08.2021).
14. Emerson, M. Making Sense of Sarkozy’s Union for the Mediterranean / M. Emerson // CEPS Policy Brief. – № 155. – 2008. – 16 p.
15. Emerson, M. From Barcelona Process to Neighbourhood Policy: Accessments and Open Issues / M. Emerson, G. Noutcheva // CEPS Working Document. – № 220. – 2005. – 23 p.
16. Gillespie, R. The Valencia conference: Reinvigorating the Barcelone process? / R. Gillespie // Mediterranean politics. – 2002. – Vol. 7. – № 2. – P. 105–114.
17. Gawrich, A. Neighbourhood Europeanization through ENP: the Case of Ukraine / A. Gawrich, I. Melnykovska, R. Schweikert // Journal of Common Market Studies. – № 48(5). – 2010. – P. 1209–1235.
18. Hollis, R. The UfM and the Middle East Peace Process: An Unhappy Symbiosis / R. Hollis // Mediterranean Politics. – Vol. 16. – № 1. – 2011. – P. 99–116.

19. Isaac, S. NATO and Middle East and North Africa (MENA) Security: Prospects for Burden Sharing / S. Isaac // NATO Defense College Forum Paper. – № 16. – 2011. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/128708/fp_16.pdf (дата обращения: 20.06.2021).
20. Jünemann, A. Repercussions of the European security and defense policy on the civil charter of the Euro-Mediterranean partnership / A. Jünemann // Ibid. – Vol. 8 – № 2/3. – P. 37–53.
21. Kausch, K. The End of the Euro-Mediterranean Vision / K. Kausch, R. Youngs // International Affairs. – № 85 (5). – 2009. – P. 963 – 975.
22. Maresceau, M. The EU's Enlargement and Mediterranean Strategies: A Comparative Analysis / M. Maresceau, E. Lannon. – М., 2001. – 425 p.
23. Muller, P. Applying the Concept of Europeanization to the Study of Foreign Policy: Dimensions and Mechanisms / P. Muller, N. De-Flers // Social Sciences Research Centre Institute for European Integration Research. 2009. – URL: <https://ideas.repec.org/p/erp/eifxxx/p0008.html> (дата обращения: 20.06.2021).
24. NATO 2020 Assured Security; Dynamic Engagement. Analyses and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 2010. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2010_05/20100517_100517_expertsreport.pdf (дата обращения: 20.06.2021).
25. Green, G. NATO's Mediterranean Initiative: Policy Issues and Dilemmas / G. Green, F. Stephen Larrabee // Prepared for the Italian Ministry of Defense by RAND's National Security Research Division. – 1998. – 132 p.
26. Orfy, M. NATO and the Middle East: The Geopolitical Context Post-9/11 / M. Orfy – М.: Routledge Studies in Middle Eastern Politics. – 2011. – 256 p.
27. Pardo, Sh. Towards a new Euro-Mediterranean neighbourhood space / Sh. Pardo, L. Zemer // Europ. foreign affairs rev. – The Hague. – 2005. – Vol. 10. – № 1. – P. 39–77.
28. Aliboni, R. Putting the Mediterranean Union in Perspective / R. Aliboni, A. Driss, T. Schumacher and others. EuroMesco. – 2008. – 34 p.
29. Sedge, M. Arc of Instability: NATO's New Focus along the Southern Flank – M. Sedge // Armed Forces Journal International October. – 1996. – P. 70 – 75.
30. Shaffer, B. U.S. Policy toward the Caspian Region: Recommendations for the Bush Administrations / B. Shaffer // Caspian Studies Program Policy Brief. – № 5. – 2001. – P. 1 – 9.
31. Schumacher, T. Germany: A Player in the Mediterranean / T. Schumacher // Mediterranean Politics. – 2009. – P. 182 – 186.
32. Soler, E. Barcelona Process: Union for the Mediterranean / E. Soler // Falternativas. – URL: <http://www.falternativas.org/en> (дата обращения: 20.06.2021).
33. Tocci, N. One Year On: A Balance Sheet of the EU's Response to the Arab Spring / N. Tocci // Opinions on the Mediterranean May 2012. – URL: http://www.gmfus.org/wpcontent/blogs.dir/1/files_mf/1337864735Tocci_BalanceSheet_May12 (дата обращения: 20.08.2021).
34. Youngs, R. The European Union and the Promotion of Democracy: Europe's Mediterranean and Asian Policies / R. Youngs – М.: Oxford University Press. – 2001. – 267 p.

Статья поступила в редакцию 30.06.2021

Bichakov, S.A. *Great Mediterranean Region in Western European and American Historiography of the Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Centuries.*

The article discusses the importance of the Great Mediterranean region in the historiography of Western European and American scholars of the second half of the 20th - beginning of the 21st centuries. The author analyzes the main stages of exploring the region, as well as the geopolitical processes associated with the key actors involved in the rivalry for the control of the Great Mediterranean and its subregions. Particular attention is paid to the US and NATO policy towards the Black Sea subregion at the beginning of the 21st century.

Keywords: Great Mediterranean, NATO, the Caucasus, North Africa, the Middle East, the Euro-Mediterranean region.

УДК 316.65:321.013(470.75)+94"2013/2014"

Исследуются особенности политического менталитета граждан Крымского полуострова в историческом контексте политической трансформации украинского общества в условиях самоопределения Крыма и Севастополя. На основе результатов проведенного конкретно-социологического исследования анализируются некоторые риски и противоречия процесса политической самоидентификации на самоопределение (на данный исторический период времени) Республики Крым и Севастополя, вхождение их в состав РФ.

Ключевые слова: политический менталитет, политическая идентичность, демократическая транзитивность, синергетическая парадигма.

Л. Л. Бунецкий, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: bunetskiy@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Для объективного понимания особенностей исторически сложившихся политических процессов на Крымском полуострове, существующих (на исследуемый период времени) противоречий, рисков и возможных перспектив дальнейшего развития необходим научный анализ массового, социально-группового и индивидуального политического менталитета граждан. Напомним, что массовый политический менталитет в свою структуру включает единство статических (ценностей) и динамических (массовых настроений) компонентов: уровень ожиданий людей и оценка ими своих возможностей влиять на политическую реальность в целях реализации своих интересов и намерений; социально-политические идеалы и ценности, которые находятся в основе их идеологического выбора (свобода, равенство, демократия, справедливость, стабильность, порядок и т.д.); мысли и настроения, связанные с оценками текущего политического состояния, легитимности власти, лидеров, конкретных политических действий.

В этом контексте, массовый политический менталитет – это определенная матрица массового сознания граждан, связанного с их жизненным опытом, повседневной жизнью, включающая в свою систему, прежде всего, представления о политической реальности, ценностные политические ориентации, которые носят как осознанный, так и неосознанный характер, политические установки, стихийные намерения особым образом реагировать на политическую ситуацию. Следовательно, он возникает и развивается в процессе политизации общественной жизни, унификации ее норм и принципов на основе исторического, личного опыта, традиций культуры, морали, религиозных воззрений.

Важно отметить, что массовый политический менталитет различается по степени своей однородности. Наиболее однороден он в обществах со стабильными политическими системами, развитой общегражданской идеологией и культурой. В транзитивных обществах с поляризованной политической, социально-стратификационной системой, авторитарными или реакционными способами осуществления власти формируется иной, соответствующий тип массового политического менталитета. В этом контексте, исследуя процесс эволюции политического менталитета граждан Крымского полуострова, за время его самоопределения (2013 / 2014 гг.), как свидетельствуют итоги социологического исследования², значительно изменяются его структурные элементы: ценности, ориентации, установки, взгляды, формы политического поведения[1]. Это означает, что в этот

² Социологическое исследование было проведено в марте-апреле 2014 года Центром социологических исследований г. Севастополя совместно с СЭГИ ТНУ имени В. И. Вернадского в соответствии с отработанными методиками классических социологических технологий и свойства «поллстеров» - технологий изучения совокупности индивидуальных оценочных суждений, позиций и установок различных категорий респондентов, выраженных через удельный вес (в процентах) в исследуемом регионе. Выборка многоступенчатая. Количественные параметры выборки были определены в объеме 1500 респондентов, постоянно проживающих в Крымском полуострове, которые по своим социально-демографическим и социально-профессиональным характеристикам (пол, возраст, уровень образования и социально-профессиональный статус) представляют большую часть взрослого населения Крыма и Севастополя. Погрешность полученных результатов [двойное стандартное отклонение по Э. Нозль-Нойманн] составляет 1,87 % при уровне значимости - 95,45%.

исторический период времени формируется новый тип массового политического менталитета, имеющий открыто гетерогенный (или фрагментарно-плюралистический) характер, так как в его структуре, как показало исследование, функционируют образования, основанные на различных, порой противоречивых ценностях, ориентациях, мнениях, тем самым, продуцирующие разноректорный уровень политической культуры, что характерно для периода политической транзитивности.

Отметим то, что социологическое исследование проводилось в знаменательное для Крыма и Севастополя историческое время, а именно, в период до начала и после проведения референдумов в Симферополе и Севастополе 16-18 марта 2014 г., то есть в момент процесса политической самоидентификации на самоопределение с вероятной возможностью (на данный период времени) вхождения Республики Крым и Севастополя в состав РФ.

С 2014 г. Крым, как и Севастополь, сформировались как субъекты РФ с ярко выраженными региональными особенностями. Они существенным образом отличаются от других регионов РФ по многим показателям: по социально-территориальной структуре, этнонациональному составу, культурно-языковым особенностям, конфессиональной принадлежности населения, геополитическому статусу и др. Отличия в социально-экономическом развитии регионов, в их культурно-исторических традициях отражаются на политическом менталитете граждан, предопределяя приоритет тех или иных политических ценностей, ориентаций и установок. Следует учесть, что в сложившихся исторических условиях, особенность политического сознания граждан Крымского полуострова определялась ее особой геополитической идентичностью, значительно обусловленной политической нестабильностью и гражданской конфронтацией в Украине. Вооруженный конфликт, который происходил и далее продолжается на Юго-Востоке Украины, в полной мере вводил политическую ментальность крымчан в состояние динамического политического хаоса, тем самым, продолжал формировать воинствующе мобилизационный тип политического менталитета граждан, ориентирующихся на достижение трансформационных изменений и протестных форм поведения. В сочетании со слабо развитыми демократическими институтами и традициями, такие тенденции стали преобладающими и склонными не к популярности идеи компромиссов, консенсусов, переговоров, которые в данный период времени были необходимы, а именно к силовым, воинствующим методам решения вопросов социально-политического развития Крыма, как и Украины в целом.

Крым и Севастополь как субъекты РФ – следствие социально-политического кризиса Украины

О Крыме всегда говорили много. Крымский полуостров, расположенный в самом сердце Черноморского региона, который в последнее десятилетие, а особенно в исторический период 2013-2014 гг. стал бифуркационной точкой столкновения геополитических интересов Украины-России, в стратегической степени западноевропейских политических блоков, и заокеанских государств, в частности НАТО, ЕС, а в особенности, США. При чем ситуация складывалась таким образом, что разумной (демократической) формулы компромисса просто не было. Каждая из политических сил, в особенности внешние (США, НАТО и др.), активно пытались использовать обострившийся конфликт в собственных геополитических интересах и целях.

Научный анализ социально-политической ситуации, сложившейся в Украине в структуре политической власти, приводит к мысли о том, что общество практически живет не просто в условиях политического транзита вне определенного собственного вектора развития и, как следствие, несет в себе признаки глубинных социально-политических антиномий, а общество, которое практически раздирается острейшими внутренними и внешними противоречиями, раскалывающими общественное сознание на всех уровнях и, таким образом, провоцирующими возникновение особого характера социально-политического менталитета граждан.

В тех условиях, как следствие данных процессов в Крыму и Севастополе на волне общественного подъема, была осуществлена смена системы органов власти, которые отказались признать легитимность новой (технической) украинской власти и обратились за содействием и помощью к политическому руководству РФ. Практически в течении нескольких недель была провозглашена независимость Крыма и Севастополя, 18 и 16 марта 2014 г., были проведены общекрымский и севастопольский референдумы, по итогам которых руководства суверенной независимой Республики Крым и Севастополя выступили с предложением о вхождении в состав РФ.

Что же касается научной оценки и мониторинга исторически сложившихся реальных социально-политических процессов в Украине, Крыму и Севастополе, то в этом вопросе необходимо учитывать такие существующие факторы влияния, как: резкое обострение политического кризиса; крайне

низкий уровень кредита доверия граждан к институтам и «лидерам» государственной власти; радикально-лоббистские настроения и ориентации различных групп населения; конфронтацию внутри институциональной системы политической власти; модернизационные процессы политических и элитных взаимоотношений Севастополя и Крыма с РФ; этнонациональный (в частности, крымско-татарский) фактор; внешние инвестиции в Крым и Севастополь, по линии бизнеса, образования, медицины и др. Наличие данных, а также других важных факторов – геополитический, электоральный и др. ресурсы, еще задолго до присоединения к РФ заставляли объективно говорить о Крыме и Севастополе как о реальных субъектах региональной политики.



Рис. 1. Отношение крымчан к происходящим вооруженным событиям в Украине (на исследуемый период времени)

По результатам соцопроса, как видим на рис. 1 свыше у 85% крымчан вооруженные события в Украине вызвали резкое неприятие и осуждение. Из них – 47, 8% категорически не приемлют, а – 38,3% опрошенных безоговорочно осуждают происходящие вооруженные события в Украине. По сути, это массовый протест против тех событий и решений государственной власти Украины, которая явно и грубо нарушают их интересы, права и свободы. При чем – 9,6% крымчан, все же признают и поддерживают данные события и только – 4,3% опрошенных остались равнодушными к вооруженным событиям и процессам, происходящим в Украине.

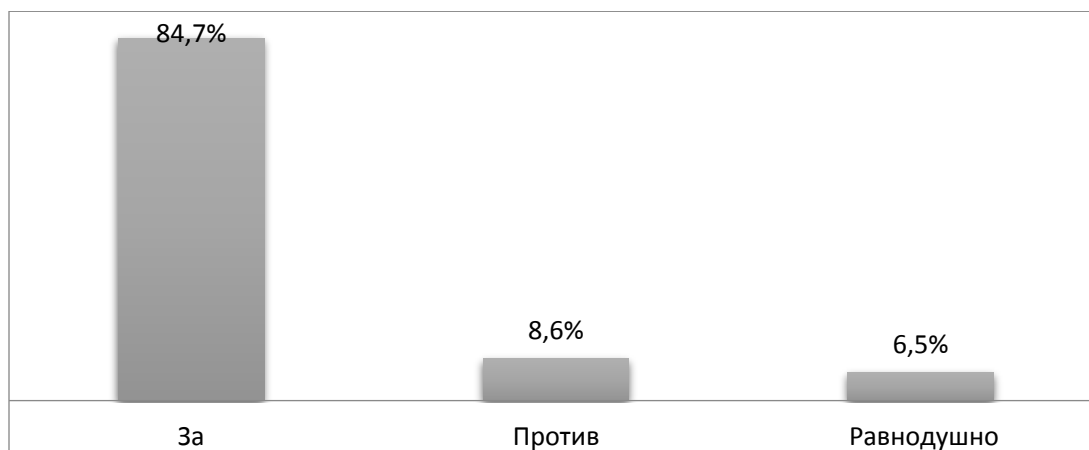


Рис. 2 Отношение крымчан о проведении референдума по автономности АР Крым и Севастополя Украине (на исследуемый период времени)

Как свидетельствуют итоги исследования (Рис. 2), нет сомнений в легитимности референдумов по автономности АР Крым и Севастополя. Их легитимность вполне очевидна. Подтверждением этого факта является то, что абсолютное большинство опрошенных крымчан (в т. ч. севастопольцев) – 84,7% положительно отнеслись и одобрили проведение референдумов. Только – 8,6% респондентов не поддержали их проведение, и лишь – 6,5% крымчан, были абсолютно равнодушны в отношении

их проведения. Это обстоятельство нашло свое подтверждение в том, что за присоединение к РФ проголосовало подавляющее большинство жителей Крыма и Севастополя.

Практика данного исторического события характеризует особенности политического менталитета крымчан и севастопольцев, который в данный переходный период был обусловлен стремлением не только вхождением в состав РФ, но и возможностью прекращения коррупционного беспредела существующей власти в Украине, а также осуществлением мирных и положительных изменений, возможностью направить развитие региона в позитивную сторону. Таким образом, сегодня уже стало очевидным, что проведенные референдумы в Крыму и Севастополе, участие в них граждан – это их собственный выбор на самоопределение и выбор дальнейший вектора политического развития.

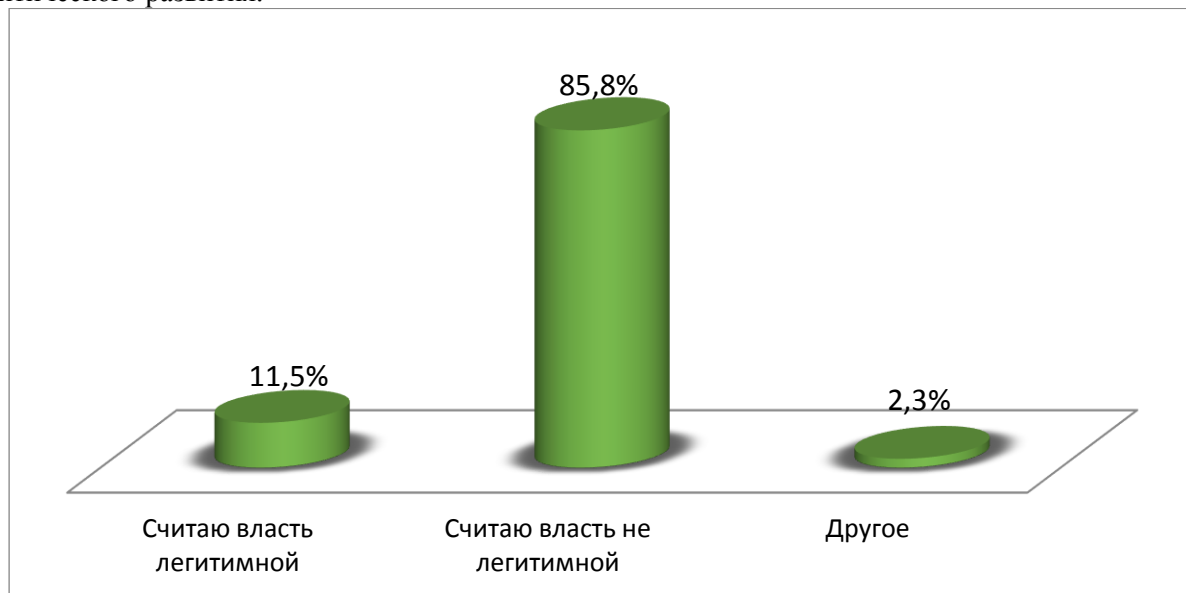


Рис. 3 Крымчане и уровень кредита доверия к новоизбранной (технической) власти в Украине (на исследуемый период времени)

Согласно итогам соцопроса (Рис. 3) – 85,8% крымчан, в т. ч. севастопольцев считают, существующую на то время государственную власть в Киеве нелегитимной и, соответственно, не поддержали ее. Только –11,5% крымчан считали власть в Украине (Киеве) легитимной, и только – 2,3% опрошенных крымчан затруднились с ответом на этот вопрос.

Таким образом, на момент проведения соцопроса, мы наблюдали, что государственная власть в Киеве не имеет достаточного признания и поддержки у большей части населения и, соответственно, являлась нелегитимной, что и засвидетельствовал данный соцопрос. В данном случае, можно говорить практически (на данный период времени) об отсутствии системы государственной власти на Украине.

В этом контексте, как подтверждение вышеизложенного факта, показательны результаты социологического исследования, которые подтвердили нелегитимность национальных и местных политических и социальных институтов, их лидеров. Об этом свидетельствуют данные опросов, касающихся доверия основным государственным и общественным институтам, а также их политическим лидерам (Рис. 4).

Как видим, граждане, доверяющие политическим институтам и лидерам (за исключением А. М. Чалого, у которого на данный момент времени самый высокий кредит доверия – 25,9%) являются довольно редким исключением. В целом, политическая ситуация в Украине выглядела на тот период времени удручающе. Однако, иной в данных условиях она и быть не могла, если учесть состояние институциональной системы, когда институты власти уже утратили свою регулятивно-контролирующую функцию, к тому же новые, особенно гражданские институты еще не сформировались. Об этом свидетельствуют данные, о недоверии как прежним, так и новым институтам (например, общественным формированиям – 5,6%, политическим партиям и блокам – 2%) .

Согласно данным соцопроса (Рис. 5), отношение крымчан и севастопольцев к местной власти, сложилось следующим образом (опрошенным предлагалось 1-2 варианта): безоговорочно доверяют и поддерживают городскую государственную администрацию только – 14,8% опрошенных граждан;

11,5% опрошенных доверяют городскому совету; 6,7% опрошенных граждан поддерживают и доверяют прокуратуре и органам МВД. В свою очередь 34,5% опрошенных граждан не доверяют городской / районным государственным администрациям; 42,3% не доверяют городским советам; 36,5% граждан не доверяют прокуратуре и органам МВД, и соответственно, большая часть опрошенных граждан (59,7%) не доверяют никому, и лишь 6,8% опрошенных эта проблема не волнует. Таким образом, кредит доверия граждан Крыма и Севастополя к институтам региональной государственной власти за последнее время практически не только не увеличился, а по ряду позиций существенно уменьшился.

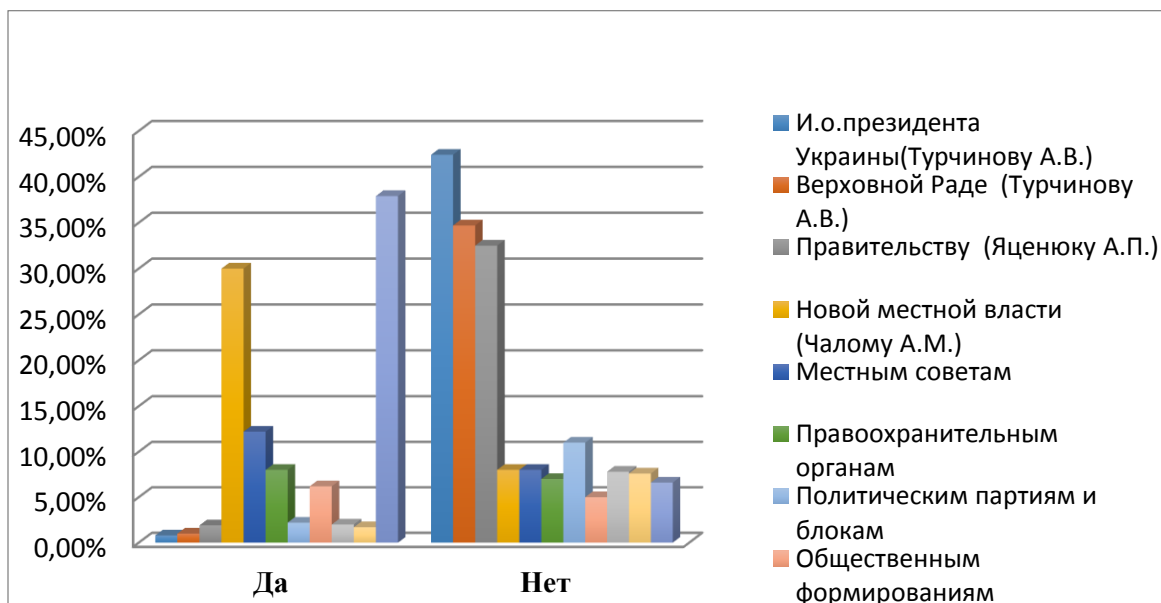


Рис.4. Кредит доверия крымчан к новоизбранной (транзитивной) власти в Украине (на исследуемый период времени)

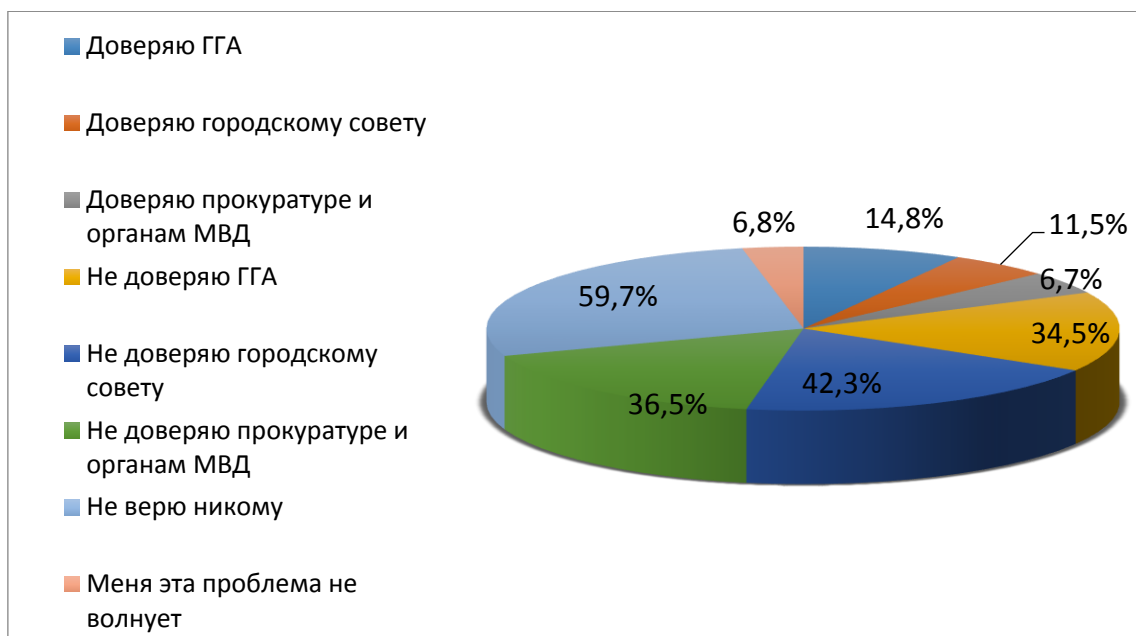


Рис. 5. Кредит доверия крымчан к местной власти (на исследуемый период времени)

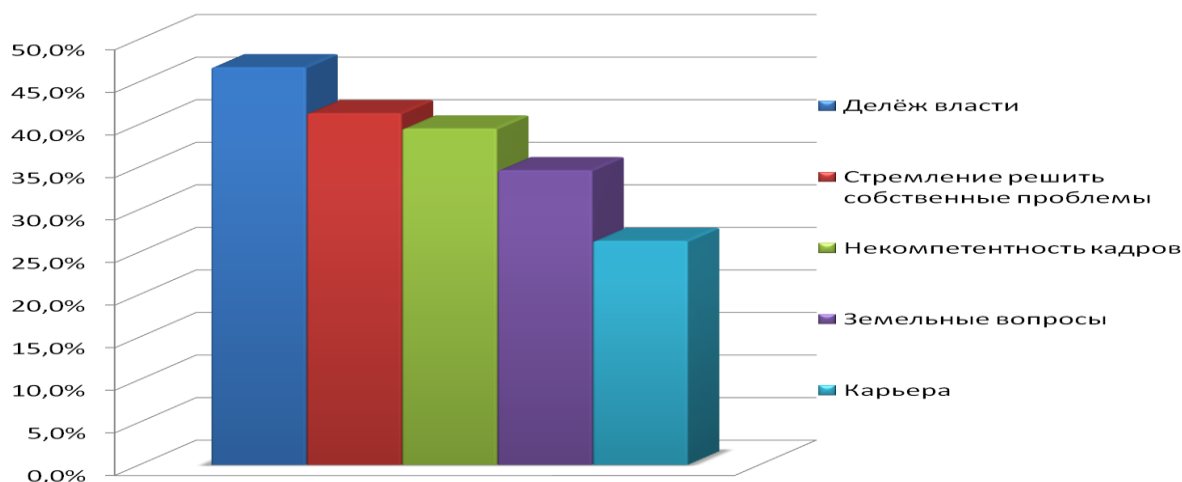


Рис. 6. Какие, по мнению крымчан, причины нестабильности власти (предлагалось выбрать 1-2 варианта ответа)

Как свидетельствовали данные социологического исследования (Рис. 6) значительная часть опрошенных граждан (45,3%) считали, что основными причинами нестабильности государственной власти являются дележ «портфелей» власти, 39,9% граждан отметили стремление чиновников с помощью властных ресурсов решать проблемы собственного характера, 37,8% респондентов указали на некомпетентность кадров госуправления, также не малый процент (33,6% и 25,7%) опрошенных граждане указали на: интерес чиновников к решению земельных вопросов и, соответственно, рост их собственной карьеры.

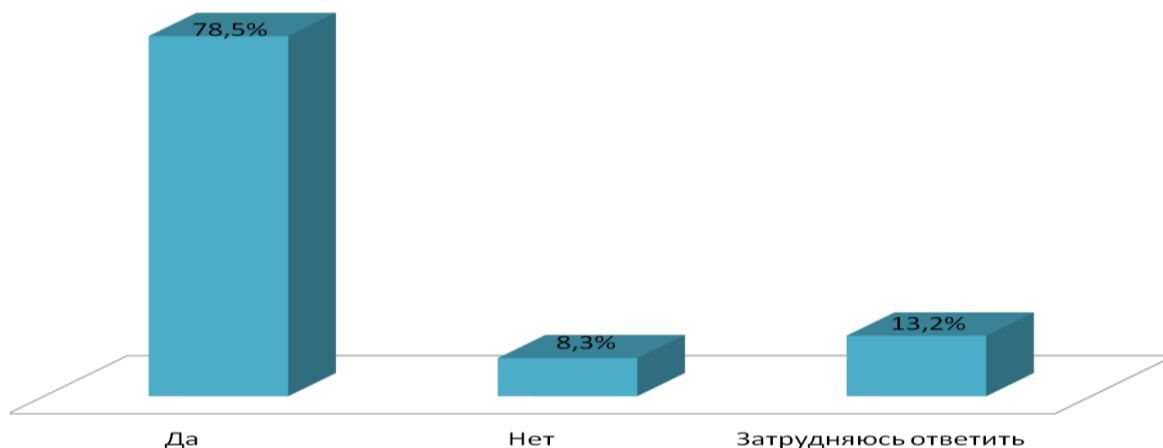


Рис. 7. Власть и коррупция: публичное мнение крымчан (на исследуемый период времени)

Как видим, одной из наиболее значительных негативных проблем в системе институтов государственной власти Украины, как и показали результаты соцопросов была на тот период времени, так и остаётся проблема коррупции власти. Так, на вопрос «На Ваш взгляд, есть ли коррупция в органах государственной власти?» большинство респондентов (78,5%) ответили, что власть – это самый коррумпированный государственный институт. Именно, коррупция, вот та основная беда, которая привела к кризису, далее к развалу государственной власти и к событиям на Майдане, и в этом виновна власть Украины.

Как видим, согласно опросу (Рис. 8) историческая ситуация сложилась определенная, поскольку большая часть, практически половина (48%) респондентов рассчитывали только на собственные силы. С существующей, на то время новой «технической» властью в Украине в лице и. о. Президента (Турчинов А.В.), Премьер-министра (Яценюк А. П.) и Верховной Радой (Турчинов А. В.) связывали свои надежды соответственно всего – 5,4%, 1,4% и 3,5%.



Рис. 8. С кем в большей мере крымчане связывали свои надежды?
(на исследуемый период времени)

Примерно, аналогичная картина и с таким политическим институтом как оппозиция (5,7%), политическими партиями и блоками (5,6%). Удивительно, но и с церковью свою надежду связывает только – 5,9% граждан. В свою очередь, демократические общественные организации вызывают чувство надежды у населения несколько больше – 11,5%.



Рис. 9. Что, на взгляд крымчан, необходимо сегодня для возрождения Украины
(на исследуемый период времени)

Согласно опросу (Рис. 9), респондентам предлагалось выбрать от 3 до 5 вариантов ответа, большая их часть (63,4%) считали, что это реструктуризация экономики; значительное количество, практически половина опрошенных (44,9%) полагали, что это формирование гражданского общества; 48,4% респондентов – за воссоединение в союзе с Россией; 44,8% опрошенных ответили –

ликвидация коррупции власти; 31,5% респондентов полагали, что это сохранение независимости Украины и ее внеблочность; 31,2% опрошенных считали, что это продвижение реальных реформ; 19,5% отметили, что это федерализация Украины, и только 2,8% и 4,3% опрошенных считали, что это, соответственно, вхождение в ЕС, и в НАТО. Как видно из соцопроса, можно говорить о том, что крымчане и севастопольцы, на данный период времени отрицательно настроены и практически не допускали мысли о вхождении в ЕС и НАТО.



Рис. 10. Как крымчане определяют социально-экономическую ситуацию в АРК (на исследуемый период времени)

Не трудно заметить, согласно опросу (Рис. 10), на момент его проведения – 40,3% респондентов отмечали, скорее всего, ухудшение социально-экономической ситуации в АР Крым. В то же время, 35,5% опрошенных отмечали улучшение данной ситуации, 19,5% население региона считали, что ситуация осталась без изменения и только 5,9% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.



Рис. 11. Какие проблемы, более всего, беспокоят население Крыма (предлагалось выбрать не более 5 наиболее волнующих проблем)

Оценивая особенности исторически сложившейся социально-экономической ситуации в Украине, можно со всей очевидностью из всей совокупности проблем, волнующих на данный период времени население Крыма и Севастополя, выделить следующие: улучшение отношений с Россией – 59,2%, нестабильная политическая ситуация в Украине – 57,6%, низкий уровень зарплат и пенсий – 57,4%, автономность и самостоятельность Крыма – 55,7%, проблемы статуса русского языка – 52%, коррупция власти – 51,6%, некомпетентность власти – 45,3%, возрастание цен – 48,7%, отсутствие

продуманных реформ – 37,8% и др. Данное состояние в Украине (на исследуемый период времени) можно описать тремя словами: разруха в социально-экономической сфере, политическое раздражение (украинского народа, в т. ч. крымчан и севастопольцев) и отторжение (от существующей власти).



Рис. 12. Национально-языковая самоидентификация крымчан (на исследуемый период времени)

Как свидетельствуют результаты соцопроса (Рис. 12), картина национально-языковой самоидентификации Крыма, на момент его проведения, характеризуется преобладанием русскоязычия, в частности большая половина респондентов (59,2%) признали русский язык как основной государственный язык; 37,6% опрошенных признали русский язык как язык регионального статуса; 3,2% поддержали расширение использования украинского языка на Крымском полуострове. Однако следует признать, языковая ситуация в Крыму и сегодня не простая, латентно противоречива и таит в себе некоторые риски, которые сознательно «загнаны в угол» и следует их научно изучать и решать. Таким образом, как засвидетельствовало социологическое исследование, крымский полуостров является наиболее ярко выраженным русским и русскоязычным регионом. В Крыму русский этнический и культурный факторы выражены значительно сильнее.

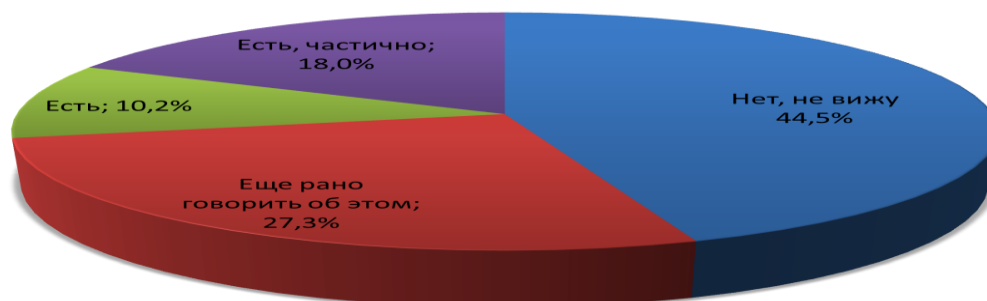


Рис. 13. Оценка крымчанами уровня развития гражданского общества в Украине (на исследуемый период времени)

Согласно результатам исследования, стало очевидным (Рис. 13), что значительная часть граждан (44,5% респондентов) на исследуемый период времени не считает Украину гражданским, демократическим обществом; 27,3% опрошенных считали, что еще рано говорить об этом. Вместе с

тем, 18% граждан полагали, что Украину можно частично отнести к гражданскому, демократическому обществу и только всего 10,2% населения Крыма видели Украину демократическим обществом, в котором гарантирована защита гражданских прав.

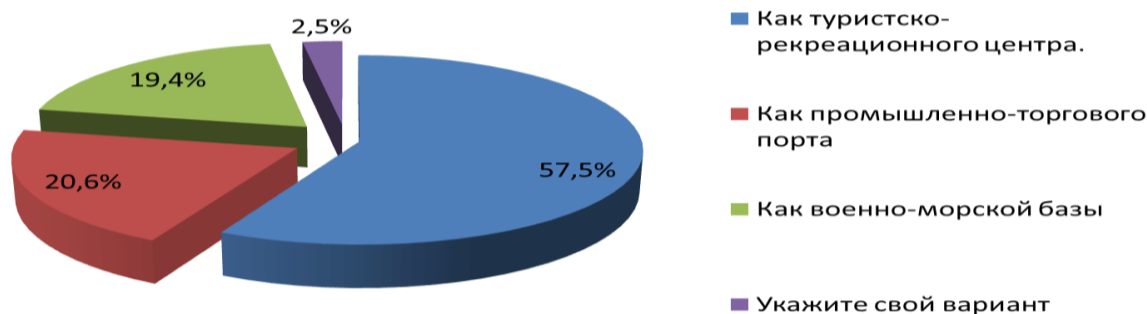


Рис. 14 Приоритеты развития Севастопольского региона
(на исследуемый период времени)

Согласно соцопросу, большинство респондентов (57,5%) рассматривали Севастопольский регион как туристско-рекреационный центр, именно такой вариант является наиболее адекватной моделью социально-экономического и политического развития; 20,6% опрошенных граждан поддерживали модель развития Севастопольского региона как промышленно-торгового порта; 19,4% респондентов видят развитие Севастопольского региона как военно-морской базы и только 2,5% респондентов считали, что Севастопольский регион должен создать свою собственную уникальную модель развития. В этом историческом контексте, в перспективе институтам государственной власти и гражданского общества следует учитывать развитие Севастопольского региона в соответствии с интересами и ожиданиями граждан.

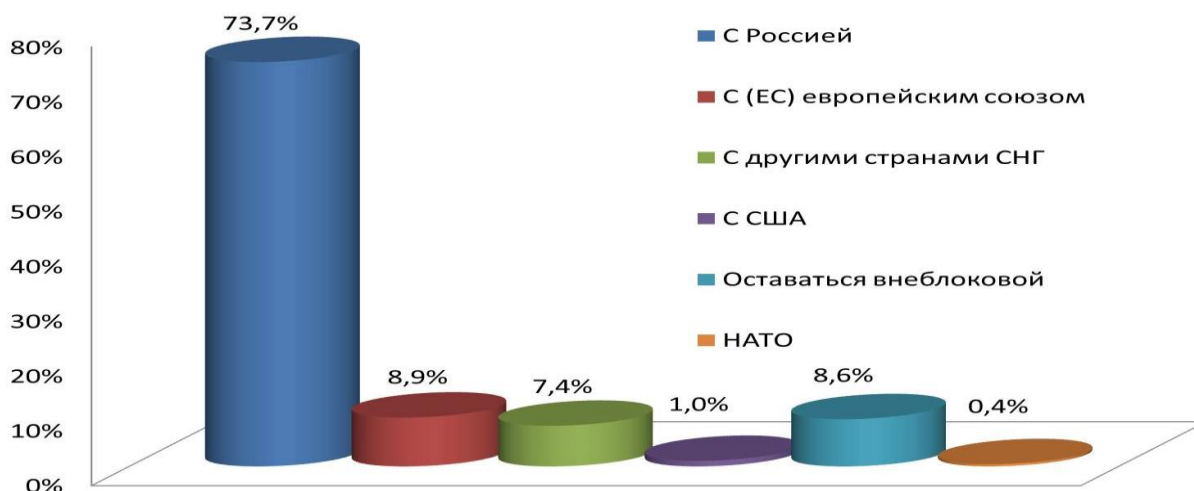


Рис. 15 Внешнеполитические перспективы Украины
(на исследуемый период времени)

Не трудно заметить, по результатам исследования (Рис. 15), что большая часть населения крымского полуострова (73,7% респондентов) считали, что Украине следует сотрудничать с Россией. Только 8,9% опрошенных видели Украину (в том числе и Крым) в союзе с ЕС. В свою очередь, 8,6% жителей Крыма и Севастополя проголосовали за внеблоковость Украины. За возможность единства

Украины со странами СНГ выступило 7,4% крымского населения. И только 0,4% жителей Крыма и Севастополя положительно отнеслись к вступлению Украины в НАТО.

Таким образом, на данный исторический момент сложилась следующая ситуация: практически большая часть населения Крымского полуострова демонстрировала единство с Россией. Что же касается отношения Украины к НАТО, ЕС, США, здесь несложно прогнозировать дальнейшие события. Игры с ЕС не дали Украине ничего, кроме потерь. Политическое руководство ведет свое население к лишению государственности, неспособность к диверсификации промышленности загоняет Украину в энергетическую яму. Что же касается возможного в будущем членства Украины в блоке НАТО, этот шаг не только не может являться усилением ее государственного суверенитета, а более того послужит только фактом дальнейшего укрепления зависимости от США, ЕС и НАТО, которые, в конечном счете, Украину превратят в марионеточный режим, полностью послушный и зависимый от североатлантических сил, как ресурс в противовес РФ.



Рис. 16 Современные социальные ценности и идеалы крымчан
(на исследуемый период времени)

Как показали итоги соцопроса (Рис. 16) в числе наиболее приоритетных социальных ценностей и идеалов, среди опрошенных крымчан стали (было предложено респондентам выбрать до 3-х вариантов): материальный достаток (72,5%); устроиться на престижную работу (63,8%); возможность самостоятельного принятия решений (44,8%); иметь хорошую семью (42,8%); получить хорошее образование (27,8%). Менее значимыми социальными ценностями и идеалами для большинства респондентов стали: иметь престиж, статус в обществе (11,2%); приобрести дорогие вещи (3,6%); дружба (20,5%); доверие (23,7%), которые являются доминирующими факторами в процессе формирования массового политического сознания, в том числе политических ориентаций. Именно поэтому фрустрированность массового менталитета формирует потенциальную готовность такого рода граждан воспринять и поддержать антигосударственные радикальные идеи и процессы, наведения стабильности и правопорядка в стране. Отсюда, вывод один - сегодняшней власти в Украине и России следует помнить, что материальное положение их граждан, исходя из полученных данных, во многом определяет политические взгляды и ориентации.

Подводя некоторые итоги анализа тенденций и особенностей массового политического менталитета граждан Крыма и Севастополя в период до начала и после проведения референдумов в Симферополе и Севастополе, в процессе их политической идентичности на самоопределение с вероятной возможностью (на данный исторический период времени) вхождения в состав РФ, приоритетов их дальнейшего развития можно констатировать следующее:

1. Сформировался новый тип массового политического менталитета основанного на антиномичном симбиозе либерально-демократических, авторитарно-антагонистических, радикально-лоббистских, протестно-плюралистических тенденций, ориентированных на острое противоборство разнонаправленных, порой взаимоисключающих процессов, ориентаций, установок, ценностей, мнений, представляющих некий концепт «кризисного переходного развития» продуцирующего радикально-либеральный политический курс, который реализуется в нестабильных транзитивных социальных системах.

2. Особенность массового политического менталитета граждан Крыма и Севастополя, состоит даже не столько в обострении и столкновении различных политических интересов и целей, разнообразия субкультурных ценностей и установок, сколько в том, что подавляющее большинство граждан уже было раздражено реальным политическими процессами в Украине, ухудшением уровня и качества жизни, нелегитимностью и некомпетентностью институтов и лидеров государственной власти. Данное обстоятельство нашло свое подтверждение в том, что за присоединение к РФ проголосовало подавляющее большинство жителей Крыма и Севастополя. Подтверждением этого факта является то, что абсолютное большинство опрошенных крымчан (в т. ч. севастопольцев) - 84,7% положительно отнеслись и одобрили проведение референдумов. Только 8,6% респондентов не поддерживали их проведение, и лишь 6,5% крымчан абсолютно равнодушны в отношении их проведения. Причем, такой выбор был обусловлен не только стремлением к присоединению к РФ, но и возможностью прекращения коррупционного беспредела существующей власти в Украине, а также стремлением к осуществлению мирных (без вооруженного конфликта) изменений. Таким образом, очевидно, что проведенные референдумы в Крыму и Севастополе и активное участие в них большинства граждан - это их собственный выбор самоопределения и дальнейшего вектора политического развития.

3. Особенности политического менталитета крымчан во многом определились их особым геополитическим положением, ростом их самосознания, активным и публичным включением в политику, открытым выражением своего недоверия к политическим институтам, правящей элите, официальным политическим лидерам, неразвитости государственных и демократических институтов.

4. Учитывая исторические события, которые происходили и происходят сегодня в Украине, пока нельзя с уверенностью сказать, какие демократические трансформации будут происходить в обществе в отдаленной перспективе; как и каким образом реализуются стратегические цели и задачи процесса «демократической транзитивности» в современном украинском обществе. Адаптируется ли либерально-европейская модель демократии к реалиям украинского социума, который сегодня находится в состоянии глубинного политического кризиса, или кардинально изменится сама парадигма дальнейшего политического определения развития? Как и каким образом Украина как государство в будущем войдет в мировую демократическую конвергенцию? От того, как решатся подобные вопросы, зависит в перспективе и судьба демократии в Украине. Окончательных ответов на подобные вопросы сегодня нет и не может быть, их даст не только будущее, но и существующие противоречия современной политической реальности. Однако мы можем приблизиться к решению этих вопросов через толерантный и глубинный научный анализ противоречивых проблем политического кризиса в современной Украине.

Список литературы

1. Ценностные ориентиры и приоритеты в трансформирующемся мире / Под ред. А. С. Железнякова и З. П. Яхимович. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2010. – 215 с.

Статья поступила в редакцию 20.05.2021

Bunetskiy, L.L. *Peculiarities of the Mass Political Mentality of Citizens in the Conditions of Self-Determination of Crimea and Sevastopol: Historical and Political Aspect*

The article examines the features of the political mentality of the citizens of the Crimean Peninsula in the historical context of the political transformation of Ukrainian society in the conditions of self-determination of Crimea and Sevastopol. Based on the results of a specific sociological study, the author analyzes some risks and contradictions of the process of political self-identification for self-determination (for a given historical period) of the Republic of Crimea and Sevastopol, and their accession in the Russian Federation.

Keywords: political mentality, political identity, democratic transitivity, synergistic paradigm.

УДК 328:004(436)

В статье предпринимается анализ эффектов реализации программы «Электронное правительство» в рамках европейского интеграционного проекта на примере Австрийской Республики. Подчеркивается, что внедрение информационно-коммуникационных технологий в процесс государственного управления обуславливает трансформацию взаимодействия по линии «власть – гражданское общество». Отмечается, что в Австрии на современном этапе в рамках реализации континентально европейской модели электронного правительства получает реализацию парадигма «m-government», предполагающая доступ к государственным услугам посредством мобильного телефона.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, сетевизация, государство, электронное правительство, континентально-европейская модель электронного правительства, «мобильное правительство», гражданское общество, Австрийская Республика.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

Н. И. Лебедь, студент

Севастопольский государственный университет

E-mail: dia.lebed@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Оформление информационного общества и революция в области коммуникаций находят свое проявление во всех общественных процессах, что актуализирует вопрос выработки соответствующих форм регулирования общественных отношений, в том числе поиска адекватных моделей политического управления, которое все чаще начинает мыслиться с таким понятием как сеть [2, с. 369]. В настоящее время все больше стран в мире активно используют в управленческом процессе информационно-коммуникационные технологии. Так, развитые страны мира не просто применяют формулу «общество – электронная среда – государство», а опираясь на инновационные цифровые технологии, разрабатывая и управляя цифровыми решениями и услугами, ориентируются на граждан и совместное сотворчество. Данная специфика приводит к трансформации механизмов распределения власти по линии «государство – общество», а, следовательно, обуславливает изменение характеристик процесса современного политического управления.

Изученность проблемы. Стремительное распространение Всемирной паутины в странах Запада (конец 90-х годов XX века) и появление новых социально-политических феноменов в политическом управлении проявились в научной рефлексии, найдя свое отражение в концепции «электронное правительство» «electronic government», которая постепенно проникла в социально-политический дискурс.

Разработкой тематики электронного правительства, начиная с 90-х годов XX в., занимались как зарубежные, так и отечественные ученые. Отметим, что теоретические основы исследования связаны с концепциями информационного общества и трансформации государства и власти в современную эпоху, что нашло отражение в трудах таких исследователей, как Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Маклюэн, М. Кастельс, А. И. Ракитов, А. А. Чернов и др.

Вопросам формирования, развития, а также эффективности электронного правительства уделяется внимание в работах А. Чугунова, М. Н. Грачева, Е. М. Стырина, Д. Фонтэйн и др. Ю. В. Ирхин в своих работах выделяет и анализирует этапы становления и трансформации концепции электронного правительства, а также эффективность её реализации на примере мирового опыта. Вопросы нормативно-правовой базы реализации электронного правительства, процесс автоматизации предоставления государственных услуг, появление феномена «виртуальной бюрократии» исследуют в своих трудах С. В. Габуев, Е. С. Устинович и др.

Дж. Бертот, П. Т. Джегер, Ч. МакКлюр акцентируют внимание не только на спектре услуг, предоставляемых электронным правительством, а и анализируют издержки и выгоды реализации. С. К. Айкинс и Д. Крейн предпринимает анализ проблем в отношении неэффективной реализации

электронного правительства в управлении, что, по их мнению, коррелирует с достаточно низкой заинтересованностью чиновников по внедрению ИКТ в процесс управления.

Особенности внедрения и реализации «электронного», а позже «мобильного правительства» в Австрийской Республике анализируются в трудах Б. Хёхтль (B. Höchtel), Т. Дж. Лампольтсхаммера (Thomas J. Lampoltshammer) и др.

Цель статьи – рассмотрение особенностей электронного правительства в эпоху цифровизации и оформления информационного общества в Австрийской Республике, а также анализ специфики перехода от «электронного правительства» к «мобильному правительству» на современном этапе.

Термин электронное правительство первоначально получает распространение в 1993 году в Соединенных Штатах Америки, сокращенная форма «e-government» появляется спустя несколько лет – в 1997 г. [14]. Постепенно как понятие, так и сам феномен начинают проникать в европейские страны, постепенно захватывая и иные регионы мира.

Электронное правительство можно концептуализировать как использование правительством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что в сочетании с организационными изменениями, приводит к улучшению структуры и деятельности правительства. Кроме того, предполагается, что внедрение электронного правительства поможет государственным службам в предоставлении услуг и изменит отношения с гражданами, предприятиями, а также иными органами государственной власти. То есть «e-government» предполагает «организацию деятельности государственного аппарата с использованием ИКТ, направленную на эффективное выполнение основных функций государства и развитие институтов электронной демократии» [1, с. 153]. Следует отметить, что на сегодняшний день в научной литературе не приводится однозначной трактовки данного термина. Тем не менее, при определении электронного правительства нередко включают один и/или более из следующих компонентов: как, почему, для кого и в каких прикладных областях. Несмотря на большое количество трактовок и специфических подходов, общим является фокус внимания на активной роли правительства в реализации данной концепции, которое выступает как инициатор, инструмента реализации, координатор и ключевой участник в административных, сервисных, демократичных и управленческих процессах.

Внедрение электронного правительства приводит ко множеству позитивных эффектов, среди сущностных следует указать: увеличение скорости, достоверности, экономичности обработки информации и её обмена, что в свою очередь может не только продуцировать значительный рост качества выработки и принятия решений, значительно снизить расходы, оптимизировать управление, а и способно обусловить реконфигурацию процесса интеракции власти и общества. В сложившихся условиях государственные учреждения могут выступить в роли посредников, способствующих созданию благоприятной административной среды, предлагающих свои технологические решения, выступая координатором, согласовывая разнообразные частные и/или публичные инициативы [3, с. 23]. Поэтому фундаментом электронного правительства выступает «умное» и транспарентное управление, включающее участие всех вовлеченных агентов в диапазоне от: отдельных граждан, бизнес-структур, академической среды до органов власти (муниципального, регионального и федерального уровня – для федеративных государств).

Сегодня все больше стран переходят на «новую» модель управления, что становится некой глобальной тенденцией. Однако, наименее развитые страны мира сталкиваются со множеством проблем, связанных с внедрением электронного правительства, это в том числе цифровое неравенство, несоответствующая современности электронная инфраструктура и нехватка навыков и компетенций для разработки, внедрения, использования и управления системами электронного правительства и т. п. Поэтому в целях оценки уровня внедрения и развития электронного правительства разработан специальный инструментарий. Так, департамент по экономическим и социальным вопросам ООН использует индекс развития электронного правительства (E-Government Development Index), который состоит из: ряда агрегированных показателей, характеризующих состояние ИКТ-инфраструктуры (Telecommunications Infrastructure Index), человеческого капитала (Human Capital Index) и онлайн-услуг государственных услуг (Online Service Index) [5]. Тем не менее, хотя методология ООН в основном отражает базовую специфику данного феномена, однако качество и объективность рейтинга зачастую производны как от самой технологии использования инструментария, так и затруднительности элиминировать политико-идеологические предпочтения личности. В силу этого особо спорным можно считать индекс предоставления электронных услуг, который предполагает учет мнения экспертов и волонтеров в оценке удобства и доступности электронных услуг, что можно охарактеризовать в качестве высокой степени проявления субъективизма и опоры на свое личностное восприятие в этом процессе. Особо подчеркнем, что

проблематика оценки развития электронного правительства является достаточно дискуссионной: нередко высказываются сомнения о целесообразности ориентации государств на подобного рода измерители, в силу того, что они не всегда принимают во внимание национальную специфику и логику внедрения ИКТ в государстве [4, с. 110].

Современные исследователи концепции «e-government» выделяют ряд моделей электронного правительства, каждой из которых присущи особые детерминанты и качественные характеристики, обуславливающие его конфигурацию и отражающие в целом уникальность. Среди базовых моделей следует указать: англо-американскую, континентально-европейскую, азиатскую и российскую [7, с. 410].

Континентально-европейская модель «e-government» начинает формироваться в странах Европы уже частично в 90-е гг. XX века посредством внедрения ИКТ в отдельные элементы управления. Именно кризис доминирующей вертикальной (бюрократической) модели управления, а также утрата доверия населения к традиционным политическим институтам, способствующих поддержанию легитимности власти на протяжении всего XX столетия, обусловили трансформационные подвижки. В 1999 г. Европейская Комиссия запускает инициативу электронной Европы с целью оформления Европы как сети и сетевых структур.

Постепенно формируется правовая база функционирования электронного правительства, как в рамках Европейского Союза, так и на уровне национальных государств-членов. Одним из первых организационных документов по реализации электронного правительства в Европе стал «eEurope 2002: Action Plan» [11] (принят в 2000 г.), являющийся составной частью Лиссабонской стратегии превращения ЕС в наиболее динамичную в мире экономику, фундамирующуюся на знаниях, к 2010 г. «Электронная Европа 2002» задавала три базовых вектора развития к 2002 году: более дешевый, быстрый и безопасный Интернет; инвестирование в людей и навыки; стимулирование использования Интернета. Государствам-членам ЕС предполагалось обеспечить к 2003 году всеобщий электронный доступ ко всем основным государственным услугам. Спустя несколько лет принимается eEurope 2005 (принят 2002 г.), направленная на создание благоприятных условий для частных инвестиций и организацию новых рабочих мест, для повышения производительности, для модернизации общественных услуг, и возможность участия в глобальном информационном обществе.

Особо отметим, что большую часть работы в сфере реализации электронного правительства выполняет Европейская Комиссия, которая проводит учёт списков информационных бюллетеней по электронному правительству, составляет планы и стратегии по развитию электронного участия в Европе. Наряду с другими нормативными документами в 2018 г. принята цифровая стратегия Европейской Комиссии, призывающая к цифровой трансформации государственных администраций. Комиссия указывает, что для решения проблем, порожаемых глобализацией, возможности устойчивого развития и т.п. необходима разработка «соответствующих, взаимосвязанных политик в масштабах всего ЕС», а это возможно лишь с предоставлением более качественных государственных услуг.

Континентально-европейская модель электронного правительства характеризуется следующими особенностями: ориентированность на нужды личности; активное использование ИКТ в рамках европейского интеграционного проекта; участие общеевропейских наднациональных институтов в реализации программ и т. п. Несмотря на то, что данная модель принимает во внимание различия в лингвистическом аспекте, особенности культурных и политических традиций, базовым аспектом выступает стремление к единству наций посредством повсеместного использования высоких технологий, информационных сетей и систем в границах ЕС. Для реализации чего были приняты соответствующие национальные документы в рамках реализации «e-government». Последние подразумевают регулирование одновременно ряда направлений, ключевые из которых: электронная торговля; защита данных; электронные и цифровые подписи; государственные закупки. Отметим, что на уровне отдельного государства-члена ЕС элементы электронного правительства могут сильно разниться как с точки зрения использования технической платформы, так и по принципу организации отношений между государством и гражданином (электронное голосование, услуги государству, уплата налогов и штрафы и т. д.).

Позитивным аспектом континентально-европейской модели можно считать высокий уровень эффективности форм обратной связи с гражданами. Так, широкое распространение получают публичные интернет-обсуждения и разъяснения, презентации посредством цифрового инструментария экспертиз по делам социальной значимости и т. п. При этом следует отметить неравномерное распределение цифровых навыков в рамках разных групп населения, что влечет за собой проблемы цифрового неравенства. Следовательно, важно знать его масштабы и выявлять

группы, находящиеся в неблагоприятном положении, для разработки стратегий, обеспечивающих участие в цифровую эпоху. Отметим, что социальное неравенство коррелирует с неравенством цифровым, последнее способно усиливать существующую стратификацию и продуцировать поляризацию (за основу которой берется использование информационно-коммуникационных технологий). Так, неравенство по социально-демографическим параметрам, таким как этническая принадлежность, пол, образование и экономический статус влияет на использование интернета и навыки работы в сети. Еще одним параметром цифрового неравенства выступает возраст. Отметим, что данный параметр постепенно утрачивает значение, тем не менее, все еще присутствует незначительная тенденция относительно части старшей возрастной когорты, менее охотно приспособивающейся к работе в сети, с одной стороны, а с другой – молодежь, для которой использование Интернета и разного рода сервисов стали уже повседневностью. По сути, речь идет, по мнению американского писателя и социолога Марка Пренски, о формировании в современную эпоху «цифрового поколения», которое в противовес «цифровым иммигрантам», активно использует цифровые устройства и ресурсы как для обучения, работы с информацией, так и для повседневной коммуникации. «Цифровые иммигранты» социализированы «по-иному» в до-цифровую эпоху, в силу чего проявления получает так называемый «иммигрантский цифровой акцент», подразумевающий некую второстепенность в обращении к интернету и его использовании. Части представителей старшего поколения неуютно жить в эпоху информационно-коммуникационной революции. В то время как «цифровое поколение» напротив, находятся в своей стихии: оно выросло в мире компьютеров, мобильных телефонов, видеокамер и видеоигр, а, следовательно, обитает в цифровой среде.

Ярким примером реализации континентально-европейской модели электронного правительства является Австрийская Республика, которая в 2003 г. заявила о желании перехода к «e-government». Тем не менее, достижения австрийской стратегии электронного правительства на 2007 год свидетельствуют о необходимости эффективного маркетинга. Например, проблемы с информационной политикой и т.п.: 49,6% муниципальных служащих не знали об электронной доставке, а 52,6% не могли подписать документы электронной подписью [10] и т.п.

В 2009 г. сформированы некоторые существенно новые установки, позволившие улучшить функционал «e-government» в рамках платформы «Цифровая Австрия», которая выступает в настоящее время ключевым звеном в работе электронного правительства. Программа предполагала: единый пользовательский интерфейс для электронного правительства; переход ряда отраслей в электронный вид и их близкое сотрудничество с электронным правительством (электронные: здравоохранение, правосудие, коммерция, обучение и окружающая среда); вовлечение большего числа граждан к взаимодействию с новой системой и т.п.

В 2016 г. принимается «Цифровая стратегия Австрии», в который отмечается, что цифровизация выступает современным и простым способом решения сложных социальных проблем. Для этого необходимо сократить цифровое неравенство, обеспечивать цифровое участие и т.п. Цифровизация является экономическим активом, что полезно для бизнеса, граждан и государственных учреждений. В Стратегии прописывается, что цифровизация может поддерживать инновации в государственном управлении, так как государственные органы – это драйверы инноваций, а граждане и бизнес имеют право на комфортное, простое и безбарьерное электронное общение с органами государственного управления.

Цифровые технологии все чаще предъявляют новые требования и ожидания к государственному сектору. Электронное правительство может предоставить широкий спектр преимуществ, включая большую эффективность и экономию, повысить прозрачность и открытость. Например, в рамках ЕС наблюдается рост спроса на цифровые государственные услуги: в 2019 г. – 67% граждан ЕС отправили онлайн-формы в государственные органы, а в 2018 г. – таких желающих было 64%. Примечательно, что с 2013 года количество пользователей электронного правительства в ЕС увеличилось на 26 % – с 41% до 67% [13, с. 75].

Конечно, достаточно это достаточно удобно, если необходимые документы, например, свидетельство о рождении и т. п., доступны в электронном виде и также подписаны компетентным органом и/или доступны в официальном электронном реестре. Поэтому правительство Австрии ориентируется на услуги, пользующиеся большим спросом у граждан, а также и предоставляет возможность гражданам участвовать в выборах посредством индивидуальных «карт гражданина», что делает избирательным процесс более простым для избирателей.

Особо следует подчеркнуть, что основы цифровой трансформации было заложено в законодательстве Австрии об электронной идентификации, так как в нормативных документах в

качестве базы не указывалась какая-либо конкретная технология, поэтому правительство смогло быстро и адекватно адаптироваться под трансформирующиеся информационно-коммуникационные технологии.

Согласно исследованию ООН «Электронное правительство 2020 г.» по учету индекса электронных правительств, Австрия занимает 6 место среди всех стран мира по индексу электронного участия, уступив Эстонии, Республике Корея, США, Японии и Новой Зеландии. При этом, стоит отметить, что Австрия сумела обойти 39 стран за промежуток в два года (в 2018 г. занимала 45 место) [6]. Отметим, Австрия наряду с Эстонией, Люксембургом лидирует в ЕС по показателю трансграничной доступности, а наряду с Данией, Эстонией, Финляндией – по индикатору в ориентации на пользователя, о чем свидетельствует доступность сервиса в Интернете, удобство использования, удобство для использования мобильных устройств [13, с. 80-81]. Использование Интернета в коммуникационных целях (электронная почта, телефонная связь) со временем увеличивается. Это неудивительно в свете быстрого распространения портативных компьютеров или портативных устройств (например, смартфонов или планшетов) для доступа в Интернет вдали от дома или работы, которые выросли с 45% в 2012 году до 82% в 2019 г. в Австрии [8]. По данным на январь 2021 г. уровень проникновения интернета составил 89% (8,03 млн. интернет-пользователей), что показывает годовой прирост на 1,6% [9], а проникновение смартфонов на рынок Австрии сегодня составляет 94 % [15].

Сегодня Австрия, двигаясь в рамках логики развития правительств Европейского Союза (согласно Берлинской декларации от 8 декабря 2020 г.) постепенно переходит от парадигмы «e-Government» к «m-Government», что развитие электронного правительства за счет использования мобильных технологий для предоставления государственных услуг. Если «электронное правительство» предполагает: реинжиниринг процессов с использованием ИТ; время обслуживания – 24 часа в день 7 дней в неделю; использование клиентом Интернета дома и в офисе (ориентация на персональный компьютер); множество кликов на веб-порталах. То в свою очередь «мобильное правительство» – это беспрепятственная интеграция и подключение беспроводных устройств; время обслуживания – 24 часа в день, 365 дней в режиме нон-стоп; вне привязки к территории, а корреляция с физическим местонахождением клиента; форма обслуживания – разовый доступ к необходимой услуге. То есть сущностным различием является специфика предоставления услуг.

Отметим, что Австрийская Республика имеет комплексную онлайн-платформу oesterreich.gv.at, на которой граждане могут получать доступ к информации и осуществлять цифровые официальные каналы на своих настольных компьютерах или мобильных устройствах, независимо от времени и местоположения. Кроме того, весь ассортимент oesterreich.gv.at теперь оптимально адаптируется к смартфонам и планшетам с помощью приложения «Digital Office», которое можно бесплатно скачать из магазинов приложений. Следует отметить, что наряду с прогрессивными позитивными аспектами, тематика «электронного правительства» и «мобильного правительства» актуализирует тему защиты персональных данных граждан и выводит на первый план проблему безопасности [2, с. 371].

1 января 2021 г. в рамках ЕС стартовал проект mGov4EU (мобильные трансграничные государственные услуги для Европы), что позволит использовать ориентированные на пользователя мобильные государственные услуги по всей Европе [12].

Таким образом, в конце XX века наряду с теорией, предполагающей внедрение информационно-коммуникационных технологий в процесс осуществления политики государственного управления, получает развитие практическая сторона – формулируются и внедряются первые программы перехода к «электронному правительству».

В современных условиях реализация данной концепции представляет возможность повышения государством объемов «обратной связи» с гражданами при разработке и принятии решений, что направлено на развитие модели соучастия бизнеса, власти и граждан в процессе управления. Граждане и компании в Австрии могут небюрократически устанавливать контакт с государственными органами и выполнять свои формальности в режиме онлайн с помощью современных информационно-коммуникационных технологий.

Общей чертой большинства национальных цифровых программ является использование инновационных цифровых технологий, разработка и управление цифровыми решениями и услугами, основанными на принципах ориентации на пользователя и совместного творчества. Тем не менее, не все государства-члены ЕС имеют одинаковое законодательство в данной сфере.

Сегодня Австрийская Республика намного превосходит средний показатель в Европе по реализации «электронного правительства» и входит в группу стран-лидеров в ЕС по ряду показателей. Своеобразным продолжением развития электронного правительства стало мобильное

правительство, что связано с метаморфозами вызова политике и администрации, касательно их целей, задач и средств в быстро меняющемся мире.

Список литературы

1. Азизов, Р. Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства: теоретико-правовой аспект / Р. Ф. Азизов // Интернет и современное общество: сборник научных статей. Материалы XIV Всероссийской объединенной конференции (12-14 октября 2011 г., Санкт-Петербург). – СПб., 2011. – С. 151-154.
2. Гарас, Л. Н. Австрийский опыт реализации электронного правительства на современном этапе / Л. Н. Гарас, Н. И. Лебедь // Modern Science. – 2021. – № 5-1. – С. 369-374.
3. Гарас, Л. Н. «Умный город»: особенности политического управления (на примере города федерального значения Севастополь) / Л. Н. Гарас // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 5(82). – С. 21-25.
4. Ваславский, Я. И. Варианты развития электронного правительства. Опыт России, США, КНР / Я. И. Ваславский, С. В. Габуев // Международные процессы. – 2017. – Т. 15. – № 1 (48). – С. 108-125.
5. Индекс развития электронного правительства (E-Government Development Index, EGDI). – URL: <https://clck.ru/UtBbt> (дата обращения: 10.06.2021).
6. Исследование ООН: Электронное правительство 2020. – URL: <https://clck.ru/UtBcT> (дата обращения: 20.06.2021).
7. Титова, А. И. Электронное правительство в России и за рубежом / А. И. Титова // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2018. – №13-1. – С. 410-415.
8. Being young in Europe today – digital world. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/explained/index.php?title=Being_young_in_Europe_today_-_digital_world#A_digital_age_divide (дата обращения: 10.06.2021).
9. Digital 2021: Austria. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-austria> (дата обращения: 08.06.2021).
10. Edelmann, N. E-Government Readiness, Strategy and Two Different User Groups – in Austria / N. Edelmann, J. Hoechtl, P. Parycek. – URL: https://eudl.eu/pdf/10.1007/978-3-642-11631-5_23 (дата обращения: 05.06.2021).
11. Europe 2002: An Information Society For All. Action Plan prepared by the Council and the European Commission for the Feira European Council 19-20 June 2000. – URL: http://www.bilgitoplumu.gov.tr/Documents/3/Diger/000614_eAvrupa2002EylemPlani.pdf (дата обращения: 29.05.2021).
12. Enabling mobile cross-border government services for Europe. – URL: <https://ecepts.ut.ee/news/enabling-mobile-cross-border-government-services-for-europe> (дата обращения: 11.06.2021).
13. European Commission. Digital economy and society index (desi) 2020. P. 75-81. – URL: <https://innogrowth.org/wp-content/uploads/2020/07/DESI-2020.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).
14. Heeks, R. Analyzing e-government research: Perspectives, philosophies, theories, methods, and practice / R. Heeks, S. Bailur // Government Information Quarterly. – 2006. – № 24(2). – P. 243-265.
15. Von E-Government zu M-Government. – URL: <https://www.bmdw.gv.at/Themen/Digitalisierung/Gesellschaft/Von-E-Government-zu-M-Government.html> (дата обращения: 12.06.2021).

Статья поступила в редакцию 24.06.2021

Garas L. N., Lebed N. I. Features of Implementation of Electronic Government in the Republic of Austria

The article analyzes the effects of the implementation of the "electronic government" program in the framework of the European integration project on the example of the Republic of Austria. It is emphasized that the introduction of information and communication technologies into public administration determines the transformation of interaction along the line of "power - civil society". It is noted that in Austria at the present stage, within the framework of the continental European model of e-government, the "m-government" paradigm is being implemented, which implies access to public services via a mobile phone.

Keywords: information and communication technologies, networkization, state, e-government, continental-European model of e-government, "mobile government", civil society, the Republic of Austria.

УДК 321.1(=1.470=512.19)

В статье рассматривается политика Российской Федерации в отношении крымских татар после воссоединения Крыма с Россией. Авторами производится анализ региональной и федеральной законодательной базы Российской Федерации, отчетов Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым, публикаций СМИ. Полученная информация позволила выявить технологии интеграции крымских татар в политическое, экономическое, правовое, культурное пространство России.

Ключевые слова: Российская Федерация, крымские татары, политические технологии, интеграция.

Н. Э. Демешко, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: natalidem93@mail.ru

А. А. Ирхин, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: alex.irhin@mail.ru

РОССИЙСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕГРАЦИИ КРЫМСКИХ ТАТАР

Воссоединение Крыма с Россией в 2014 году поставило перед российской элитой целый ряд проблемных вопросов в различных сферах развития государства. Помимо внешних вызовов (санкции, изоляция, информационная конкуренция), российское правительство вынуждено было разрешать вопросы интеграции Крыма в условиях мультикультурного населения полуострова. Учитывая исторический опыт и современную международно-политическую ситуацию, можно предположить, что существенными факторами, которые могли затруднять интеграцию крымских татар в Российскую Федерацию, выступали: международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в экономическое, политическое, культурное пространство Российской Федерации; нерешенные проблемы крымских татар в украинский период истории Крыма.

Целью публикации является исследование политики России в отношении крымских татар после политических событий 2014 года.

Анализ региональной и федеральной законодательной базы Российской Федерации, отчетов Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым, экспертных докладов Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем [3; 4; 15] продемонстрировал, что Россией применяются следующие технологии интеграции крымских татар:

1. «Реабилитация ранее депортированных народов.
2. Социально-экономическое обустройство крымских татар.
3. Уважительное отношение к религии, культуре и национальному наследию крымских татар.
4. Взаимодействие власти с представителями крымско-татарской элиты.
5. Трансляция в национальных СМИ эффективного опыта взаимодействия России и крымских татар.
6. Повышение электоральной активности крымских татар через национальные СМИ.
7. Нивелирование внешнеполитического влияния на крымских татар.
8. Распространение информации об эффективной политике России в отношении крымских татар на международном уровне» [5, с. 15-16].

9. Представление на международной арене альтернативной меджлису (организация запрещена в РФ) позиции крымских татар по поводу восстановления российского суверенитета над Крымом.

США и отдельными иностранными государствами применяются технологии по дискредитации политики России на территории Крыма посредством крымско-татарского фактора [5, с. 13-16]. Одной из них является возложение ответственности за трагедию крымских татар 1944 года на Российскую Федерацию. Однако в России с 1991 года действует Закон «О реабилитации жертв политических репрессий». Украиной закон о восстановлении прав лиц, депортированных по национальному принципу, был принят только после воссоединения Крыма с Россией. Для реализации закона 1991 года на территории Республики Крым Президентом РФ 21 апреля 2014 года был подписан Указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого

народов и государственной поддержке их возрождения и развития». 12 сентября 2019 года Указом Президента РФ были внесены изменения в ранее упомянутый Указ, который в настоящий момент действует в следующей редакции: «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития».

Помимо этого, в 2014 году был создан Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым (в 2019 году переименован в Государственный комитет по делам межнациональных отношений Республики Крым). Ежегодно на сайте данного исполнительного органа власти публикуются отчеты о результатах его деятельности. Так, согласно указанным документам, работа Комитета по социально-экономическому обустройству крымских татар осуществляется по нескольким направлениям: консультации по вопросам гражданства РФ, земельным отношениям и получения справок о реабилитации [10, с. 11]; решение земельного вопроса и предоставление материальной помощи представителям реабилитированных народов [10, с. 2, с. 12; 12]; обустройство мест проживания реабилитированных народов Крыма [8, с. 2].

Следующим направлением интеграционной политики РФ выступает уважительное отношение к религии, культуре и национальному наследию крымских татар. Государственный комитет (Госкомнац) взаимодействует с культурно-национальными автономиями, предоставляя им и материальную поддержку [15, с. 21]. Также в Крыму строятся, реконструируются мечети и молельные дома. Накануне празднования Курбан-Байрама в 2016 году была открыта реконструированная мечеть «Сеит-Сеттар», включающая в себя не только культовое здание, но и учебное заведение (медресе), корпуса для проживания студентов и административное здание. Возвращение культового объекта в собственность мусульманской общины произошло в 90-х гг. прошлого века, но реставрация здания началась только в 2014 году [3, с. 50]. С октября 2015 года в Симферополе ведется строительство Соборной мечети [3, с. 52]. Материальную поддержку религиозным организациям крымских татар предоставляют Татарстан и Чеченская Республика [15, с. 69]. Стоит отметить, что у мусульман Крыма и после 2014 года есть возможность совершать хадж и получать теологическое образование в учебных заведениях полуострова (Азовское медресе исламских наук, курсы подготовки имамов) [15, с. 69]. Выпускников данных учебных заведений принимают на второй-третий курсы в вузы РФ. В качестве примера можно привести Казанский исламский университет, в котором обучается больше ста крымчан [4, с. 15].

На территории Крыма осуществляется реконструкция не только культовых зданий, но и музеев. В 2017 году в Бахчисарайском дворце-музее начались реставрационные работы, которые вызвали отрицательную реакцию Украины и попытки демонстрации в негативном ключе действий России на международной арене. Об этом свидетельствует обращение в ЮНЕСКО и Международный центр изучения вопросов сохранения и восстановления культурных ценностей с требованием прекратить действия, которые якобы наносят либо могут нанести ущерб украинской культурной собственности [15, с. 60].

Уважительное отношение органов власти к культуре крымских татар проявляется и в языковой политике. Крымско-татарскому языку на территории полуострова был предоставлен статус государственного. Согласно ст. 10 Конституции Республики Крым, «государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки» [9]. Язык обучения или изучения для детей определяется родителями, путем подачи письменного заявления. «Изучение родных языков в Крыму организовано в различных формах – как предмет, углубленно, факультативно и во внеурочной деятельности» [1].

Еще одной технологией интеграции крымских татар в РФ является коммуникация органов власти с представителями элиты крымских татар. Изначально региональные и федеральные органы власти РФ стремились наладить взаимодействие с представителями меджлиса (организация запрещена в РФ) крымско-татарского народа (беседы М. Джемилева с В. В. Путиным, экс-президентом Татарстана М. Шаймиевым). Однако, М. Джемилев не принял восстановления российской юрисдикции над Крымом и продолжил традиционную для себя деятельность антироссийской направленности.

Необходимо отметить, что в 2014 году крымским парламентом были предоставлены должности в исполнительных органах власти представителям меджлиса (организация запрещена в РФ). Л. Ислямов был назначен на пост и. о. вице-премьера Совета министров республики, а Госкомнац возглавил З. Смирнов (в 2017 году подал в отставку) [14]. Однако вскоре Л. Ислямов был отстранен от должности. Данные действия были вызваны тем, что Ислямов саботировал работу по конкретизации предложений крымской стороны для получения денежных средств с целью обустройства крымских

татар [2]. Учитывая деструктивную деятельность меджлиса (организация запрещена в РФ) крымских татар (призыв крымских татар игнорировать референдум 2014 года, выборы 2016 и 2018 гг., энергетическая, продовольственная блокада полуострова и др.), крымское руководство начало взаимодействовать в большей степени с другими крымско-татарскими организациями («Къырым», «Милли Фирка», «Къырым Берлиги», «Ассоциации крымскотатарских предпринимателей»). Основным партнером власти стало движение «Къырым» [4, с. 49]. Помимо функционирования общественных организаций, крымские татары обладают представительством в крымских органах власти [15, с. 20-21].

Для налаживания коммуникации с крымско-татарской общественностью в феврале 2018 года был создан Совет крымско-татарского народа. Совет функционирует при главе Республики Крым в качестве консультативно-совещательного органа. В состав совета входят 15 специалистов из различных областей. Возглавляет созданный совет муфтий Э. Аблаев [15, с. 20].

Значимую роль в интеграции крымских татар в российское пространство играют национальные средства массовой информации, посредством которых осуществляется трансляция эффективного опыта взаимодействия РФ с крымскими татарами. Это явно прослеживается в проектах «Миллет» и радио «Ватан Седасы». Телеканалом были выпущены передачи под названием «Крым. Перезагрузка», «Стратегия развития», «Открытый разговор», «Наше право» [13, с. 38; 3, с. 43].

Выпуск печатных СМИ осуществляет ГАУ РК Медиацентр им. И. Гаспринского (учрежден Госкомнацем в 2015 году). Учреждением издаются национальные газеты и журналы, в том числе и крымско-татарские («Мераба», «Янъы дюнъя», «Йылдыз»). Помимо журналов и газет медиацентром ежегодно публикуются сказки и легенды крымских татар, сборники рассказов, стихов, произведения русских классиков (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и др.) на крымско-татарском языке, работы крымско-татарских общественных деятелей (И. Гаспринского, И.Б. Османова и др.), мемуары, учебные пособия, монографии по истории, культуре крымских татар [12].

Активно взаимодействуют со СМИ не только исполнительные органы власти Республики Крым, но и религиозные организации, в том числе и Духовное управление мусульман Крыма и г. Севастополь (ДУМК). В рамках сотрудничества с региональными, федеральными и международными СМИ проводятся прямые эфиры во время Рамазана, еженедельные радио и телерубрики на телеканале «Миллет», видеоконференции. ДУМК издаются религиозная газета «Хидает» и религиозный журнал «Источник мудрости» [3, с. 42]. Через указанные издания с мусульманами полуострова проводится профилактическая работа, в том числе направленная на «обоснование ошибочности учений идеологов экстремистских и террористических организаций, недопустимости участия в их деятельности с точки зрения религии» [11].

В свою очередь, СМИ выступают и средством повышения электоральной активности крымских татар. Выборы Государственной Думы РФ 2016 года продемонстрировали низкую социально-политическую активность граждан в местах компактного проживания крымских татар. Результаты выборов в Республике Крым свидетельствовали о том, что значимая часть крымских татар проигнорировала выборы депутатов Госдумы РФ [3, с. 26–27]. Эксперты называют ряд причин электорального поведения крымских татар: равнодушие к российским политическим процессам; электоральная активность крымских татар была ниже, чем у остальных крымчан и в украинский период истории Крыма; представители крымских татар в органах власти не организовали электоральную активность крымских татар, поскольку не занимались данным вопросом и не имеют необходимого авторитета в крымско-татарском сообществе; разочарование по причине отсутствия крымско-татарской республики, фиксированных квот в высших органах власти, превышающих долю татар в этнической структуре населения Крыма; сохранение влияния меджлиса (организация запрещена в РФ), призывающего не участвовать в выборах; страх перед структурами меджлиса (организация запрещена в РФ); поиск политического ориентира после прекращения функционирования меджлиса (организация запрещена в РФ) на территории полуострова; слабая вовлеченность в информационное пространство РФ, так как сохраняется информационное влияние украинских и крымско-татарских СМИ, транслирующих антироссийский контент (украинские телеканалы, АТР) [3, с. 28].

Учитывая данный опыт, с января 2017 года телеканалы «Миллет» и радио «Ватан Седасы» проводили системную работу по привлечению внимания аудитории к выборам Президента Российской Федерации 2018 года и созданию положительного имиджа власти. Для реализации указанных целей были подготовлены специальные проекты («Я иду голосовать», «Наш Крым»), в которых принимали участие известные деятели крымско-татарского народа. «Миллет» демонстрировал позитивные изменения в различных сферах общественной жизни Крыма и

подчеркивал значимость гражданской активности населения для дальнейшего развития полуострова.

Телерадиокомпания информировала граждан о Едином дне голосования. Ежедневно через социальную рекламу на радио и ТВ, выпуски новостей осуществлялось информирование граждан об их избирательном праве, о нововведениях в избирательном процессе. Выборам были посвящены несколько выпусков проектов «Повестка дня», «Крымский консенсус» и «Миллет ве заман». В проектах участвовали чиновники, общественные деятели и ветераны национального движения крымских татар. На радио «Ветан седасы» были продублированы практически все проекты телекомпании и агитационная реклама [13, с. 39–40]. Информационная повестка новостных программ на телеканале и радио также претерпела изменений, была запущена «Лента позитивных новостей» с целью формирования положительного настроя у телезрителей [8, с. 17].

В 2018 году явка на выборы в Крыму в сравнении с 2016 годом увеличилась в 1,5 раза (с 735 тыс. до 1079 тыс. избирателей) [15, с. 22]. При этом работа по формированию гражданской активности крымских татар должна продолжаться, так как в день единого дня голосования 8 сентября 2019 года среди крымских татар прослеживался низкий уровень явки на избирательных участках, отказ от участия в работе избирательных комиссий. А. А. Зоткин к факторам, влияющим на низкий уровень участия представителей крымско-татарского этноса в политических процессах Крыма, относит не только субъективные, но и политику целенаправленного давления зарубежных государств на крымских татар [6, с. 16–17].

Популяризация информации о положительном опыте взаимодействия России и крымских татар осуществляется не только посредством СМИ, но и через взаимодействие с иностранными делегациями (турецкой, итальянской, польской и др.) [3, с. 40; 4, с. 15]. Представители крымских татар РФ принимали участие в работе международных организаций для представления альтернативной меджлису (организация запрещена в РФ) позиции крымских татар по поводу воссоединения Крыма с Россией и политики России на полуострове. В 2015 году И. Исмаилов (заместитель муфтия), принял участие в работе совещания ОБСЕ. Встреча в Вене была посвящена свободе собраний и ассоциаций в странах-участниках организации. И. Исмаилов комплементарно отзывался о политике РФ в отношении крымских татар и заявил, что мусульмане Крыма не испытывают проблем в организации своей религиозной жизни. Через год национально-культурные общины и автономии Республики Крым обратились к генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну в связи с нарушениями прав жителей полуострова из-за политики Запада. Национальные общины призвали генерального секретаря ООН дать правовую и политическую оценку действиям украинских властей, которые привели к водной, транспортной, продовольственной и энергетической блокаде Крыма [3, с. 41]. В 2017 году представители ранее упомянутой крымско-татарской общественной организации «Къырым» направили в Генеральную Ассамблею ООН обращение с требованием признать Крым частью РФ [цит. по: 4, с. 49]. В обращении общественной организации отмечалось, что в украинский период истории Крыма крымско-татарский вопрос не был урегулирован на законодательном уровне, из-за чего совершались акты произвола и насилия по отношению к возвратившимся крымским татарам [цит. по: 7].

Полученные данные свидетельствуют о том, что для интеграции крымских татар в российское экономическое, политическое, правовое, культурное и информационное пространство региональной и федеральной властью Российской Федерации применяются системные действия.

При этом прослеживается использование царского и советского опыта взаимодействия с данным этносом: «создание условий для активации общественно-политической деятельности крымско-татарской элиты, включение представителей данного народа в органы власти, создание учреждений, специализировавшихся на крымско-татарском вопросе, выделение земельных ресурсов, обеспечение уважительного отношения представителей других конфессий к религии мусульман, формирование положительного отношения мусульманского духовенства к российскому правительству, оказание финансовой поддержки крымско-татарским учебным заведениям, использование национальных газет для доведения информации до крымско-татарской общественности, но с применением современных технологий (Интернет, телевидение и др.)» [5, с. 18].

Несмотря на указанные внешнеполитические инициативы, действия России, в информационном противостоянии со странами Запада по крымско-татарскому вопросу, носят в большей степени ответный характер и требуют более активной работы по данному направлению.

Список литературы

1. В 2018/2019 учебном году изучение родных языков организовано для 38 871 крымского школьника. – URL: https://monm.rk.gov.ru/article/show/2019_01_29_11_31_v_2018_2019_uchebnom_

godu_izuchenie_rodnykh_iazykov_organizovano_dlia_38_871_krymskogo_shkolnika (дата обращения 31.05.2021)

2. Госсовет Крыма уволил крымско-татарского вице-премьера. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/05/2014/57041d8a9a794761c0cea32e> (дата обращения 31.05.2021)

3. Гросфельд, Е. В. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе: экспертный доклад 2016 года / Е. В. Гросфельд, Н. В. Киселева, А. С. Филатов, В. В. Харабуга. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2017. – 84 с.

4. Гросфельд, Е. В. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе: экспертный доклад за первое полугодие 2017 года / Е. В. Гросфельд, Н. В. Киселева, В. В. Харабуга. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2017. – 60 с.

5. Демешко, Н. Э. Международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в геополитическое пространство России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Демешко Наталья Эдуардовна. – Симферополь, 2020. – 22 с.

6. Зоткин, А. А. Пятилетие «Крымской весны» и проблемы интеграции Крыма в политическую систему России / А. А. Зоткин // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 5-23.

7. Изотов, И. Крымские татары попросили ООН признать полуостров частью РФ. – URL: <https://rg.ru/2017/02/08/reg-ufu/krymskie-tatary-poprosili-onn-priznat-krym-chastiu-rf.html> (дата обращения 31.05.2021)

8. Информация о деятельности Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым за 2018 год. – URL: https://gkmn.rk.gov.ru/uploads/gkmn/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpOnX3ms_2.pdf (дата обращения 31.05.2021)

9. Конституция Республики Крым. – URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_krim/chapter/3d3a9e2eb4f30c73ea6671464e2a54b5/ (дата обращения 31.05.2021)

10. Отчет Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым за первое полугодие 2019 года. – URL: https://gkmn.rk.gov.ru/uploads/txteditor/gkmn/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpiNFipy_1.pdf (дата обращения 31.05.2021)

11. Отчеты о деятельности госкомитета за 2015. – URL: <https://gkmn.rk.gov.ru/ru/structure/221> (дата обращения 31.05.2021)

12. Отчеты о деятельности госкомитета за 2016. – URL: <https://gkmn.rk.gov.ru/ru/structure/222> (дата обращения 31.05.2021)

13. Отчеты о деятельности госкомитета за 9 месяцев. – URL: https://gkmn.rk.gov.ru/uploads/txteditor/gkmn/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/php24DCo2_9.pdf (дата обращения 31.05.2021)

14. Представители Меджлиса получили должности ... – URL: <https://delo.ua/economyandpoliticsinukraine/predstaviteli-medzhliisa-poluchilidolzhnosti-v-separatistskom-pr-232420/> (дата обращения 31.05.2021)

15. Сенюшкина, Т. А. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за 2018 год / Т. А. Сенюшкина, В. В. Степанов, Р. А. Старченко, А. А. Зоткин, В. Н. Рябых. – Москва-Симферополь : ИТ «Ариал», 2019. – 152 с.

Статья поступила в редакцию 20.06.2021

Demeshko, N. E., Irkhin, A. A. Russian Technologies for Integration of Crimean Tatars

The article explores the policy of the Russian Federation towards Crimean Tatars after 2014. The authors analyze the regional and federal legislative framework of the Russian Federation, reports of the State Committee for Interethnic Relations of the Republic of Crimea, and media publications. The information received made it possible to identify technologies for integrating Crimean Tatars into Russian space (political, economic, legal, cultural).

Keywords: Russian Federation, Crimean Tatars, political technology, integration

УДК 323.2:004.73

В статье исследуются подходы к пониманию политического участия и его форм, начиная с середины XX века до современности. Акцентируется внимание на сетевом политическом участии как относительно новом явлении политической практики. Выделяются отличительные черты сетевого политического участия, приводится авторская дефиниция сетевого участия.

Ключевые слова: политическое участие, сетевое политическое участие, интернет, слактивизм, политическая активность

А. Ю. Опара, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: anastasia.opara@yandex.ru

Е. Н. Максимова, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: astarta_05@mail.ru

СЕТЕВОЕ УЧАСТИЕ КАК НОВАЯ ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Социально-политические изменения в современном мире порождают новые вызовы, ставят нестандартные задачи перед гражданским обществом, решать которые невозможно в рамках институций и устоявшихся форм политического участия. В этих условиях выявление причин и векторов трансформации форм политического участия представляется актуальной проблемой.

Появление интернета изменило жизнь всего человечества. Не существует сферы общества, на которую бы не распространялось влияние информационно-коммуникационных систем. Интернет затронул политическую сферу общества и, в частности, повлиял на появление новых форм политической активности. По сути речь идет о новой разновидности политического участия, его сетевой форме, формирование и развитие которой имеет свои собственные закономерности.

Целью работы является определение места сетевого политического участия в спектре разновидностей форм политического участия, а также выявление его особенностей.

На сегодняшний день концепт «политическое участие» используется как в зарубежных, так и отечественных политических исследованиях. Однако несмотря на научный интерес к исследованию различных форм политического участия до сих пор не сложилось устойчивого определения политического участия. Как отмечает М. Р. Холмская, «по общему признанию исследователей, ни в отечественной, ни в зарубежной современной научной литературе не существует однозначного определения понятия «политическое участие»» [3, с. 170]. В целом, это свидетельствует о наличии определенного множества подходов к пониманию политического участия, формирование которых берет начало в работах классиков политической науки.

Так, о политическом участии писали американские политологи Г. Алмонд и С. Верба в своей работе «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах». Они определяли понятие политического участия в рамках понятия «политическая культура» как «действия граждан с целью прямого или косвенного влияния на отбор политических деятелей и их деятельность» [5]. Такой подход задает лишь общие очертания политического участия и создает привязку к проблематике выборов, поскольку отбор политических деятелей в условиях демократии связан с участием граждан в выборах. Долгое время голосование воспринималось как основной способ для гражданина быть услышанным элитами, и явка на выборы была наиболее часто используемым показателем политической активности граждан. В послевоенное время западные ученые писали о политическом участии как о деятельности, нацеленной повлиять на политические решения: «...участие означает действия, посредством которых рядовые члены политической системы влияют или пытаются повлиять на ее результаты», – утверждает Дж. Нагель [4].

Одна из наиболее распространенных отечественных классификаций политического участия предусматривает выделение таких форм политического участия, как активное участие, включающее участие в выборах, референдумах, митингах, демонстрациях, участие в деятельности политических организаций и государственных институтов, и пассивное участие, предполагающее отказ от активных

действий в политической сфере, а также такую форму поведения в повседневной и «служебной» жизни человека, которая ограничивается соблюдением установленных норм.

Близкий подход к пониманию политического участия находим у В. Н. Лавриненко, который обобщает в одном определении множество современных подходов к пониманию такого понятия как политическое участие и утверждает, что политическое участие – «это деятельность граждан с целью влияния на принятие политических решений и их осуществление» [2, с. 247]. Отметим в свою очередь, что к политическому участию не относится профессиональная деятельность сотрудников органов государственной власти.

Формы политического участия могут быть разнообразными: и участие в митингах, демонстрациях, забастовках, пикетах; и голосование на выборах и референдумах; и участие в деятельности политических партий и групп давления; выражение своего мнения о разных политических событиях или решениях через СМИ, письма и обращения в органы государственной власти, контакты с государственными служащими; и контроль за деятельностью государственных и муниципальных органов власти и т. д.

Наряду с рассмотрением политического участия с точки зрения политической активности / пассивности, в политической науке принято подразделять формы политического участия на конвенциональные и неконвенциональные. Данный подход был озвучен американским политологом У. Милбрайтом [9]. Так, к конвенциональному участию он относил абсентеизм, чтение статей о политике в газетах, просмотр телепередач о политике, обсуждение политических проблем с друзьями и знакомыми, участие в голосовании, участие в работе партий и в избирательных кампаниях; участие в митингах; обращение во властные структуры или к их представителям; активность в качестве политического деятеля. К неконвенциональным – подписание петиций, участие в неразрешенных демонстрациях, митингах, бойкот, участие в акциях протеста, неуплату налогов, участие в захватах зданий, предприятий, блокирование дорожного движения.

Согласно позиции С. Вербы, политическое участие включает в себя четыре направления деятельности: участие в выборах, участие в различных политических кампаниях, обращение к представителям власти, участие в общественной деятельности. Но эти традиционные показатели на сегодняшний день являются не единственными, так как сфер активности, которые доступны человеку в современном мире, стало больше. С ростом роли интернета в жизни человека, политическое участие начинает приобретать новые формы. Например, заслуживает внимания работа Дженнаро и Даттон [7], которые утверждают, что интерактивность интернета может позволить ему стать одной из новых форм политического участия, обойдя по популярности старые формы. Другие ученые также считают, что интернет может позволить вдохнуть новую жизнь в политические процессы, как в сети, так и в реальной жизни. Также в современных политических исследованиях существует термин слактивизм – «такие практики активности, как подписание электронных петиций, комментирование постов (включая политическую тематику), выставление значков поддержки (лайки) и тому подобные действия. Их считают политическим «пассивным активизмом» интернет-аудитории и имитацией реальной политической активности и политического участия» [1].

Телевидение, радио и печатные средства массовой информации, а также Интернет играют значительную роль в распространении политической информации. В отличие от традиционных средств массовой информации, Интернет обеспечивает быстрое распространение большого объема информации. Интернет предлагает удобные, дешевые и инновационные методы коммуникации, которые особенно привлекательны для молодежи и тех, кто, например, привязан к дому из-за инвалидности, болезни, возраста или отсутствия социальных навыков. А с наступлением пандемии коммуникация через интернет стала как никогда актуальна для всего человечества. Интернет помогает оставаться на связи независимо от того, где находятся собеседники, какое расстояние их разделяет.

Отношение людей к влиянию интернета на политику неоднозначное. По данным сайта pewresearch.org [10] 44% взрослого населения считает, что влияние интернета на политику положительное, 17% утверждают, что интернет не оказывает никакого влияния на политику, а 28% отмечают, что интернет оказывает отрицательное влияние на политику. 78% поддержало высказывание о том, что мобильные телефоны и интернет помогают людям быть более информированными о различных событиях.

Технологические возможности Web 2.0 изменили общий вид участия, и различные формы участия действительно могут предложить совершенно новый путь для участия в политике [12].

Может быть преждевременно делать вывод о том, что сетевое участие представляет собой отдельный способ участия. Ученые обычно находят положительные корреляции между конкретными формами участия, но участие в одном выражении определенного способа участия делает особенно вероятным, что человек будет вовлечен и в другие выражения этого способа участия. Например, совокупность мероприятий, связанных с политическими партиями и избирательной кампанией, таких как участие в партийном собрании или пожертвование на избирательную кампанию, изображается как конвенционный способ участия. Аналогичным образом, действия, которые сосредоточены на размещении политического контента в социальных сетях могут являться отдельным способом политического участия.

Сетевое участие и его многочисленные проявления часто воспринимаются как форма участия, которая создает иллюзию оказания существенного влияния на социальные изменения. Зависимость сетевого участия от цифровых средств массовой информации, таких как Facebook, которые в основном используются для развлечений и отдыха, и его, как часто говорят, неэффективность позволили задать вопрос о том, можно ли считать сетевое участие полноправной формой политического участия? Большое разнообразие форм участия с поддержкой цифровых технологий, их зависимость от цифровых платформ с различными возможностями персонализации и их неполитический или творческий характер часто приводят к тому, что их воспринимают как средства самовыражения и как разновидность политического участия или политики как образа жизни, поэтому соответствие традиционным определениям политического участия сомнительно [6]. Как отмечают Гибсон и Кантйох, сетевые формы участия – это действия, которые «могут быть дифференцированы на отдельные кластеры взаимосвязанных видов деятельности, как в случае с офлайн-участием» [8]. Таким образом, такие действия в Интернете структурно не отличаются от действий в обычной жизни, таких как подписание петиций или перечисление денег на благотворительность. Важно отметить, что особенно выразительное поведение, которое принимает «более активное, коллективное и сетевое качество в онлайн-пространстве» (например, загрузка и/или распространение видео, размещение и пересылка контента на сайтах и в социальных сетях или в блогах), может быть независимым действием.

Я. Теохарис выделяет 3 основных элемента сетевого политического участия:

- коммуникативный акт в Интернете – неотъемлемая часть политического участия;
- осознанное использование социальных сетей как метод распространения информации о социальной / политической проблеме или оказания социального и / или политического давления для ее решения;
- частое использование средств самовыражения идентичности в коммуникативном акте.

Основываясь на этих характеристиках, Янис Теохарис определяет сетевое политическое участие как «действия, основанные на цифровых средствах массовой информации, которые осуществляется отдельными гражданами, которые задействуют социальные сети с целью повышения осведомленности или оказания социального и политического давления для решения социальной или политической проблемы».

Исходя из предложенных определений, мы можем предложить собственное определение. Таким образом, сетевое политическое участие – это действия граждан, осуществляемые с помощью сети интернет с целью повлиять на принятие и осуществление политических решений, повысить осведомленность о проблеме и / или оказать социальное и политическое давление для решения социальной или политической проблемы.

С учетом этого большинство действий в цифровой сети попадают под это определение. Например, сюда попадают широко распространенные действия: отправка твита, адресованного политическому деятелю; размещение фотографии заполненной мусором территории возле вашего дома на странице официальных страниц в социальных сетях властей вашего района; размещение информации о митингах и демонстрациях на личной странице в социальных сетях; размещение фото полицейских, распыляющих слезоточивый газ среди толпы протестующих; размещение на своей странице петиций с призывом прекратить продажу оружия, например, в Сирии. Всё это действия, совершаемые с использованием цифровых сетей (социальных сетей). Такие действия совершаются гражданами добровольно, и такие действия связаны с политическими и социальными проблемами. Таким образом, такие действия попадают под определение сетевого (цифрового) политического участия.

Согласно З. Туфекчи [13], перспективным направлением для будущих исследований может быть рассмотрение контекста, в котором совершается действие. Такое рассмотрение могло бы в перспективе решить проблему идентификации действий.

Интернет как инструмент политического участия особенно полезен для определенных слоев общества, которые географически рассредоточены (сообщества по интересам, этнические диаспоры), и те, кто не может легко передвигаться (инвалиды, одинокие матери, опекуны). Интернет также помогает людям, живущим в сельской местности, и людям, которые предпочитают общаться в электронном виде. Например, было высказано предположение, что инновационные методы электронного участия могут способствовать привлечению большего числа молодых людей в политику. Таким образом, потенциал Интернета для расширения коммуникации и участия в политической жизни намного выше для определенных способов участия (в основном для сбора информации, через опросы общественного мнения, электронные опросы, электронные контакты с избранными представителями) и для определенных типов людей (географически рассредоточенных, тех, кто разделяет схожие интересы и интересы тех, кто не может беспрепятственно покинуть свои дома).

Одна из причин, по которой разговоры о политике встроены в повседневную жизнь людей, заключается в том, что большинство пользователей теперь выходят в Интернет с помощью мобильных устройств. Согласно исследованию рынка в 2017 году в Европе насчитывалось 412 миллионов активных пользователей социальных сетей, и 340 миллионов (81,6%) из них получили доступ к этим платформам через смартфоны и планшеты; в Америке насчитывалось 599 миллионов активных пользователей социальных сетей, и 535 миллионов (89,3%) использовали мобильные устройства для доступа к ним. Однако социальные сети – не единственный тип платформ, которые используют мобильные пользователи. Мобильные платформы обмена мгновенными сообщениями – мессенджеры – тоже активно используются пользователями. Самые популярные из них – WhatsApp, Facebook Messenger, Telegram – имеют больше миллиарда пользователей по всему миру.

На сегодняшний день исследования взаимосвязи форм политического участия через мессенджеры отсутствуют, но некоторые исследования в данной области [11] показывают, что использование мобильных телефонов для политического участия может способствовать гражданскому и институциональному участию.

Аналогичным образом, мобильная связь играет важную роль для социальных движений. Тот факт, что смартфоны являются личными, постоянно подключенными и доступными [14], усиливает как самовыражение, так и коллективные действия в спорной политике. Онлайн-коммуникация с помощью портативных устройств обеспечивает распространение информации и изображений об акциях протеста, публичное обсуждение стратегий и тактик, а также координацию в режиме реального времени. Мобильные технологии также помогают установить связи между теми, кто выходит на улицы, и теми, кто, не участвуя в протесте, может быть мобилизован в результате общения в режиме реального времени с протестующими.

Развитие информационно-коммуникационных технологий и усиление роли интернета в жизни человека привело к усложнению многих процессов, происходящих в обществе. Усложнение этих процессов напрямую влияет на процессы, происходящие в политике. Участие граждан в политике с помощью интернета представляет собой всё ещё широкое поле для исследования, несмотря на уже имеющиеся данные в этой области.

В связи с большим количеством имеющихся форм и характеристик политического участия, существует большое количество классификаций. Так, политическое участие делят на конвенциональное и неконвенциональное; на автономное и мобилизованное участие; на нерациональное и несвободное, рациональное, но несвободное, и свободное и так далее. Интернет позволяет использовать все эти формы. Таким образом, посредством интернета у большего количества людей есть доступ к информации, что потенциально увеличивает их вовлеченность в политические процессы. В определенных ситуациях это может быть полезно как политическим лидерам, поскольку у них появляется возможность напрямую обращаться к избирателям в обход установленных институциональных норм, так и гражданам, которые в обход системы могут напрямую транслировать на властный уровень тревожащие их проблемы, что будет способствовать их оперативному решению.

Список литературы

1. Бабкин, Э. А. Невидимые правила цифрового политического участия: компьютерные модели онлайн-дискуссий: монография / Э. А. Бабкин, Н. В. Карпов, Н. К. Радина, Б. И. Улитин. – Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2018 – 172 с.
2. Политология / В. Н. Лавриненко [и др.] ; под редакцией В. Н. Лавриненко. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 400 с.
3. Холмская, М. Р. Политическое участие как объект исследования (обзор отечественной литературы) / М. Р. Холмская // Полис. – 1999. – №5. – С. 170-176.
4. цит. по: Евстафьев, В. А. Категория политического участия в зарубежной и отечественной политической науке / В. А. Евстафьев // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2015. – № 1. – С. 51-57.
5. Almond, G. A. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton / G. A. Almond, S. Verba. – N.J., 1963. – 562 p.
6. de Moor, J. Lifestyle politics and the concept of political participation / J. de Moor. – URL: https://www.researchgate.net/publication/289694351_Lifestyle_politics_and_the_concept_of_political_participation (дата обращения: 20.04.2021)
7. Gennaro, C. D. The Internet and the public: Online and offline political participation in the United Kingdom / C. D. Gennaro, W. Dutton // Parliamentary Affairs. – 2006. – №59/2. – pp. 299-313
8. Gibson, R. Conceptualizing and measuring participation in the age of the Internet: Is online political engagement really different to offline? / R. Gibson, M. Cantijoch // The Journal of Politics. – 2013. – № 75. – pp. 701–716.
9. Milbrath, Lester W. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics? – Chicago: Rand McNally & Company, 1965. – pp. 195.
10. Publics think technology impacts the political environment in both positive and negative ways. – URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2019/05/13/publics-think-technology-impacts-the-political-environment-in-both-positive-and-negative-ways/> (дата обращения: 15.05.2021)
11. Rojas, H. Mobilizers mobilized: Information, expression, mobilization and participation in the digital age / H. Rojas, E. Puig-I-Abril // Journal of Computer-Mediated Communication, 2009. – № 14. – pp. 902–927.
12. Theocharis, Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation / Y. Theocharis. – URL: https://www.researchgate.net/publication/283072252_The_Conceptualization_of_Digitally_Networked_Participation (дата обращения: 02.05.2020)
13. Tufekci, Z. The medium and the movement: Digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem / Z. Tufekci // Policy & Internet. –2014. – № 6. – pp. 202–208.
14. Turkle, S. Always-on/always-on-you: The tethered self. Handbook of mobile communication studies, 2008 – pp. 121–137

Статья поступила в редакцию 24.05.2021

Opara, A.Y., Maksimova E.N. Digitally Networked Participation as a New Form of Political Participation: Theoretical Aspect

The article analyses approaches to understanding political participation and its forms beginning from the middle of the 20th century. Online political participation is being emphasized as a new phenomenon in politics. The authors define digitally networked participation and its distinctive features.

Keywords: political participation, digitally networked participation, internet, slacktivism, political activism.

УДК 321.5:[005.322:316.46.058.3]

Обосновывается целесообразность исследования феномена лидера как субъекта власти в первобытном обществе через призму социально-философского анализа диалектики объективных условий и субъективного фактора; выявляется внутренний «генетический» механизм выделенности лидера на ранних этапах развития первобытной общины и его востребованность в доклассовом обществе с учетом специфики социокультурных, экономических и природных условий ойкумены. Прослеживается эволюция формирования в доклассовом обществе двух видов «власти авторитета»: в обычное время безусловного доминирования коллективного общественного мнения большинства (складывающейся горизонтали коммуникации), а при решении нестандартных вопросов и проблем – авторитетного мнения личности вождя, доверия и добровольного повиновения его решению и воле (складывающейся вертикали власти).

Ключевые слова: лидер, вождь, субъект власти, инстинкт власти, сублимация, биосоциотип, «власть авторитета», социум, первобытное общество, доклассовое общество.

И. А. Галяс, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: Korol_Irina9@mail.ru

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ЛИДЕРА КАК СУБЪЕКТА ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Стремление осмыслить феномен лидера характерно для исторической, философской и политической мысли различных эпох. Первые представления об образе лидера нашли свое отражение в трудах античных мыслителей: Платона, Светония, Аристотеля, Плутарха, Цицерона, в средневековых трактатах А. Блаженного, Ф. Аквинского; восточных мудрецов: Каутилья, Конфуция, Лао-Цзы. Работы Э. Роттердамского, Н. Макиавелли, М. Монтеня переводят рассмотрение проблемы из сферы метафизики в плоскость практической политики и связаны с философской и социальной традицией исследования лидера как проводника идей института государства. Особое место принадлежит авторам концепций: «вождизма и героизма» (Т. Карлейль, С. Хук); классикам субъективно – социологической школы (Н. И. Кареев, Н. К. Михайловский); основоположникам марксизма (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, В. Ленин).

Наиболее полно и детально природу лидерства отражают идеи харизматического лидерства, разработанные М. Вебером и нашедшие свое продолжение в работах зарубежных исследователей (Р. Итвел, Й. Бенсман, К. Гиртц, Р. Глассман, К. Левенштейн, М. Гайвант). Особое место в исследовании феномена лидера занимают труды практически-ориентированного характера в области психологии, которые связаны с попытками объяснения происхождения лидерских способностей. Эти вопросы рассматривались в рамках психоаналитической школы (З. Фрейд, А. Адлер, К. Г. Юнг), где внимание уделяется бессознательному стремлению лидера к первенству; йельской школы (Г. Лассуэл, У. Уайт), исследовавшей особенности сознания политических лидеров и близкой по проблематике франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Э. Фромм), разработавшей концепцию «авторитарной личности» и механизмы формирования лидерского влияния.

Анализ современной научной литературы, посвященной проблеме феномена лидера показал, что представители разных дискурсов: политологического, культурологического, психологического, социально-психологического, управленческого и других проводят исследования в соответствии с требованиями своей сферы. Однако, рассмотреть генезис уникального социального явления феномена лидера и проанализировать предпосылки его востребованности в обществе имеет смысл только в системе социальных отношений, в которых действует лидер. Характер связи одного явления с другим в системе координат общественного развития позволяет проследить взаимосвязь личности

лидера и социальной среды его проявления, раскрыть механизмы влияния лидера на социум в специфических условиях конкретного исторического общества;

Цель статьи: выявить внутренний «генетический» механизм выделенности лидера в доклассовом обществе; осуществить комплексный анализ объективных предпосылок востребованности субъекта властной деятельности на ранних этапах развития первобытной общины с учетом специфики социокультурных, экономических и природных условий ойкумены.

Этнографы и антропологи в своих исследованиях установили, что феномен лидера коренится в истоках становления человеческого общества и детерминирован «генетической» (биофизической) природой человека [2; 7; 10]. Явления, во многом схожие с лидерством и называемые «протолидерством» имеют свои основы в инстинктивных началах дикой природы. В среде животных, которые ведут стадный образ жизни, выделяется наиболее сильная особь — вождь, руководящий стадом (стаей) в соответствии с его неписанными биологически запрограммированными законами.

Миллионы лет борьбы за выживание способствовали тому, что целые популяции фауны перешли к иерархическому построению внутривидовых связей. «Инстинкт самосохранения уничтожил равенство среди коллективных животных в борьбе за выживание, установив жесткую пирамиду единоличного управления прайдами, стаями и стадами» [7, с. 148]. Все популяции в живой природе имеют строгую вертикаль управления, которая базируется на доминировании сильнейших особей [9, с. 16]. Природа этих метаморфоз испытала воздействие естественной агрессии диких животных. Она дополнила физические способы защиты психологическими. В борьбе за превосходство в животном мире далеко не всегда побеждает сильная телом особь, а только та, которая легко приходит в ярость, может долго и часто угрожать сама, оставаясь устойчивой к чужому давлению.

Отмеченные биологические законы, регулирующие иерархическое поведение стадных животных, прослеживаются и в организованных обществах людей. По К. Юнгу, первообраз вожака в живой природе «представляет то бессознательное в человеке, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым. Оно претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает» [14, с. 71]. Биолого-психологические особенности индивида проявляются в «генетически» исходных свойствах, которые определяют его поведение и диктуются инстинктами. Радикальное отличие человеческих инстинктов от инстинктов животных состоит в том, что человек способен выбирать средства достижения цели, свободно откладывая удовлетворение инстинкта или даже во многих случаях вообще отказать ему в удовлетворении. В лидере эта способность проявляется в двух инстинктах — инстинкте власти и инстинкте самосохранения.

Инстинкт власти у человека «находит свое внешнее выражение в стремлении к обладанию и утверждению своего признания в обществе» [1, с. 188]. Инстинкт власти указывает на неосознаваемую мощь этого позыва у индивида, мобилизацию всех внутренних ресурсов его организма и психики на достижение цели. Этот феномен, по исследованиям А. Адлера, сохранился в инстинктах человечества по сей день. «Инстинкт власти пережил остальные рудименты биологического прошлого, несмотря на влияние культуры, социума и цивилизации» [1, с. 309-313]. Проявления инстинкта власти, обозначая внутреннее тяготение индивида к руководству, не исключает анализ и оценку существующих условий, а, следовательно, определенную сдерживающую роль сознания в реализации этого инстинкта.

Это правило, но оно имеет свои исключения, которые Л. Н. Гумилев называет пассионарностью. В своей теории этногенеза ученый идет от предположения, что двигателем этого процесса «является особый вид энергии», а именно — биогеохимическая энергия живого вещества геосферы [4, с. 254]. Пассионарность, по Л. Гумилеву — это непреодолимое внутреннее бессознательное стремление человека к деятельности, направленное на осуществление каких — либо целей. Сама живая личность создает вокруг себя какое-то напряжение, обладает каким-то реальным энергетическим полем или сочетанием полей. «Проявляется факт его существования на индивидуальных реакциях отдельных людей, в коллективной психологии, воздействующей на персоны» [4, с. 301]. Экстремальные особи часто действуют под влиянием мощных влечений, вытекающих из их биофизической природы, порождающей жертвенность, часто ради иллюзорных вожделений: честолюбия, тщеславия, гордости, алчности, ревности и прочих страстей. Это биокосмическое начало в лидере можно рассматривать как антиинстинкт или как инстинкт с обратным знаком.

На ранних стадиях человеческого общества наряду с биолого-генетическими особенностями лидера, внутренне присущими его природе, проявляются и психосоциальные свойства субъекта власти. В монографии Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» обосновываются две социально-биопсихологические особенности человеческого

индивида: подражание и внушение. Подражание предполагает не только автоматизм прямого имитирования действий, но и явления, связанные с сознанием индивида, косвенно – и с его речью. «Влияние как специфическое явление человеческого общения неотделимо от речи. Исходное свойство человеческой речи – выполняемая словом функция внушения (суггестия). В своем чистом виде эта функция теряется в глубинах прошлого человечества» [11, с. 442].

Суггестивностью, как особой способностью подчинить диктату слова и насилия инстинкты другого индивида, обладает лидер. Антиподом суггестивности является контрсуггестивность как инструмент сопротивления суггестии. Она обеспечивает инстинктам относительную свободу и требует от лидера нового механизма воздействия – убеждения словом. При этом в зрелых формах контрсуггестивность создает условия для гармонизации и формирования нравственной парадигмы человеческого бытия.

В работе «Цивилизация каннибалов» последователь Б. Ф. Поршнева Б. М. Диденко выделяет в личностной структуре общества четыре биосоциотипа людей: агрессивные (палеоантропы), суггесторы, суггестивно зависимые и неолантропы [6, с. 43-90]. Особенности каждого биотипа определяются наличием или отсутствием в личностной структуре человека осознания и творения добра, в умении сострадать, не причинять зла людям и природе. Суть жизни людей, наделенных подобными способностями, заключается в творческой деятельности, и по типологии Б. М. Диденко они относятся к биосоциотипу неолантропов [6, с. 82-90]. Противоположными биосоциотипами являются агрессивный (палеоантроп) и суггестивный типы личностей, лишенные этой способности [6, с. 42-61, с. 68-81].

Различия между личностными типами существенны и значимы по своим социальным последствиям. Они нередко оказываются решающими факторами в вопросах выживания человечества в переломные перестроенные периоды истории. Эти природные свойства присутствуют в каждой личности, но их проявление обусловлено как субъективными потребностями индивида, так и объективными условиями их востребованности в социуме.

Ценность работ этнографов и антропологов состоит в том, что исследователи уделяют существенное внимание бессознательным характеристикам поведения личности (в том числе лидера). Они указывают на обусловленность деятельности лидера «генетическими» стереотипами первобытной истории человечества.

Опираясь на выявленную онтологию лидерства и учитывая заявленную цель исследования, возникает необходимость осмыслить предпосылки востребованности лидера как субъекта власти в первобытном обществе, объяснив диалектику объективных условий и субъективного фактора становления лидера в доклассовом социуме.

В монографии Г. Г. Васильева «Социокультурная эволюция и социальное управление» отмечается, что уже на раннем этапе развития человеческие коллективы «заимствуют у животного мира присущий ему принцип бессознательного управления, но с качественно иным, внегенетическим способом хранения и передачи информации» [3, с. 41]. Таким новым способом в социуме является коммуникация, как обмен информацией между индивидами посредством общей системы символов. Коммуникация в первобытном обществе осуществлялась вербальными и невербальными средствами в условиях прямых или косвенных отношений с другими людьми в процессе жизнедеятельности. Лидер на ранних стадиях формирования общества организует управление общиной бессознательно, а затем осознанно через смысловое (логическое) общение, возникшее в ходе преобразовательной деятельности. Труд вызывает к жизни осознание таких явлений как собственность и власть.

Выделяя предпосылки востребованности лидера в первобытном обществе, необходимо остановиться на трех аспектах заявленной проблемы: во-первых, на анализе объективных социокультурных условий формирования лидера в доклассовом обществе; во-вторых, на специфике локальных (природно-климатических) условий ойкумены, которая не зависит от сознания людей (в том числе и лидера), но косвенно определяет характер его деятельности; в-третьих, на эволюции самой природы (механизме выделенности) лидера в первобытном обществе.

Первый аспект проблемы требует анализа объективных исторических условий в доклассовом обществе, а именно детерминации возникновения лидера социокультурными (экономическими и нормативными) предпосылками. Борьба за лидерские позиции в иерархии возникает в первобытной общине на уровне семьи и рода, где она детерминирована как «генетическими» (биофизическими особенностями) лидера, так и социокультурными условиями общества, а также природной средой обитания рода.

Исторически первой общественной жизнью является род, который выступает носителем кровнородственных связей и обеспечивает переходный период от «биологической популяции»

особей прачеловека к социальной общности людей, от эндогамии к экзогамии [9, с. 13]. Две стадии рода – эпоха матриархата и патриархата формируют особую культуру страха перед непреодолимыми силами природы и особое мифологическое мировоззрение людей в границах ойкумены, закрепляющее противоречивую власть авторитета нравственного закона, которая обеспечивает переход от инстинктивного поведения до регламента отношений в первобытном обществе через ритуал и табу. Этот переход означает «транзит» от стадного сознания к сознанию общественного человека, от вожака в природном мире к вождю, старейшине в общине.

Востребованность лидера в раннем первобытном обществе объясняется так же усложнением жизнедеятельности человека, переходом человечества от экономики собирательства к добывающей, производственно-распределительной экономике, появлению собственности и особого вида деятельности – лидерства. Вычленение лидера как субъекта власти в доклассовом обществе обусловлено, прежде всего, объективной социальной потребностью самоорганизации общины, упорядочением поведения её членов в целях обеспечения жизненной и функциональной способности к самосохранению в условиях культуры страха.

При этом, ойкумена как заселенное пространство, единство, взаимосвязь и взаимодействие природных условий и человеческого фактора вместе с социальной средой определяет не только специфику общины, но сказывается на формировании менталитета лидера. Именно ойкумена предопределила специфику типа властных отношений лидера в культуре Запада и в культуре Востока, что сказалось на социальной активности лидера в социуме [15, с. 50-51].

Экономические предпосылки востребованности лидера в первобытном обществе проявляются через решение проблемы добычи и распределения пищи, орудий труда и украшений. В начале своего формирования человеческое общество приспосабливалось к природной среде обитания инстинктивно, а затем осознанно, через труд. Пройдя фазу протообщества человечество переходит от собирательства к земледелию, скотоводству и ремеслу. Развитие владения, как длительного целенаправленного пользования рождает еще одну особую форму деятельности – управление, а, следовательно – и власть управляющего. С развитием производства, установлением регулярных обменов продуктами питания с соседними общинами появляется феномен торговли, что существенно усиливает статус вождя-лидера, как интегратора общины, её представителя с определенными полномочиями.

Экономические отношения собственности первоначально закреплялись через мораль как выражение воли большинства членов общества в целом. Безусловно, мораль играла решающую роль в жизни людей и всячески поддерживалась со стороны власти авторитета вождей. Важнейшей нормой первобытной морали стало обращенное к каждому члену коллектива требование - делиться пищей со всеми остальными его членами общины. При этом никто не обладал правом абсолютного контроля за этим процессом. В первобытном обществе эта норма выражала и закрепляла общественную собственность на пищу, а социально-экономические отношения регулировались через волю вождя.

Следовательно, объективные условия, сложившиеся в доклассовом обществе, выступают как определяющие, но их действие проявляется только через действие субъективного фактора. Субъективный фактор – вождь действует в рамках условий и отношений первобытного общества, и его востребованность – это, прежде всего, объективная потребность общины в руководителе, который способен упорядочить поведение членов общины в целях сохранения ее жизненности и функциональности. Управление общиной требует от лидера избранности.

Вождь как субъект власти, востребован первобытным социумом в результате: борьбы за лидерские позиции в иерархии, которая предполагает фактически насильственные способы их достижения; наследования по признакам родства, старшинства; выбора (отбора) по законам древней и примитивной демократии [12; 13].

Таким образом, на ранних этапах формирования рода в поведении субъекта власти доминирующее значение имеют генетические стереотипы первообраза вожака в живой природе. «Борьба за выживание, половое соперничество, стремление к самоутверждению индивидов рождает агрессивную особь, подавляющую других. Она усиливает свое положение в обществе, где постепенно создается социальная иерархия, жесткая, но эффективная, позволяющая нескольким особям одного вида совместно охотиться и обороняться» [9, с. 67]. В процессе сублимации – преобразования природно-биологических свойств индивида в социальные качества лидер выделяется не только как физически сильная и уверенная в себе особь, но и как индивид, который обладает организаторскими, волевыми способностями. Т. В. Кашанина отмечает: «Если доминантная личность

отличается не только волей, но и умом, то возглавляемый ею коллектив способен быстро прогрессировать», расширяя ареал своего обитания [9, с. 17].

Одним из важнейших органов управления первобытным сообществом являлся институт военного предводителя (вождя - *rex*, *basileus*), способного защитить племя от экспансии извне и противостоять коллизиям изнутри. Эту должность занимал физически сильный, смелый и решительный человек, авторитет и влияние которого особенно возрастали в случаях войны, охоты, общения с богами. Вождь возглавлял вертикаль иерархии общины и неизбежно наделялся сакральными характеристиками.

Религиозно-идеологическая власть родовых общин принадлежала жрецам, шаманам, колдунам, ведунам, волхвам, гадалцам, знахарям и т. д. Эти люди формировали мировоззрение соплеменников, были властителями человеческих душ и обладали особой благодатью – «харизмой», благодаря которой оценивались как одаренные сверхчеловеческими особыми магическими силами. В основе их лидерства лежали вера и эмоции, которыми наделяли их «адепты», подчиненные «харизме» жреца. Власть и её носители не только распоряжались, но и занимали ключевое положение в сфере обучения, воспитания подрастающего поколения. В этом процессе особую роль играло общественное мнение, которое далеко превосходило авторитет конкретного человека, даже жреца или вождя. Власть авторитета в первобытном обществе - это не закон и не воля конкретного индивида, это традиционный порядок вещей, умноженный на силу общественного мнения.

Из выше изложенного следует, что уже на ранних этапах развития первобытной общины формируется не только вертикаль власти, но и горизонталь коммуникации. «Свобода и личные интересы индивида приносятся в жертву благополучию общины» [8, с. 14]. Складывается парадокс существования двух видов власти авторитета. В обычное время – это безусловное доминирование общественного мнения, а при решении нестандартных проблем вся тяжесть решения ложится на личность вождя [10, с. 398-408]. При этом, культура мифа через направленность на определенные ценности (прежде всего равенство и справедливость) препятствует доминированию части над целым, подчиняя индивидуальные потребности и интересы общественным.

На более поздней стадии развития первобытного общества для решения межплеменных и межродовых проблем собираются коллективные советы старейшин, вождей, собрание соплеменников, складывается институт публичного управления. На собраниях племени или рода по-прежнему доминируют самые сильные личности, способные навязывать свою волю остальным. По мнению Ф. Энгельса, «в этот период вождь был признан необходимым и постоянным должностным лицом» [13, с. 169-170].

Возрастающая концентрация власти в руках вождя приводит к выработке единой идеологии с общими культами и ритуалами для всех союзных племен. Вождество превращается в социально-политическую организацию, объединяющую родовые группы, иерархически подчиненные одному из них, в котором проживает верховный правитель. «Соответствующее обычаю избрание преемников субъекта власти переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти...» [13, с. 171]. Совет старейшин ещё существует, но его права ограничиваются, а решения становятся необязательными для наследственных вождей племени.

Выводы. Эволюция природы лидера в первобытном обществе идет от использования субъектом власти (вождем) физической силы, уверенности в себе и насилия, которые в дальнейшем поддерживаются постепенно возникающими социально-нравственными (морально-религиозными) предписаниями и нормами, существованием священных запретов – табу, и опираются на авторитет высших сил – родового тотема, духов. Среда обитания дает лидеру возможность реализации его внутреннего потенциала сообразно с объективно существующей необходимостью

Востребованность лидера как субъекта власти в доклассовом обществе основывается на объективных потребностях выживания и самоорганизации человеческой общины. Социокультурная ситуация представляет личности, наделенной специфическими качествами, возможность реализации своего внутреннего потенциала сообразно с объективно существующей необходимостью. Лидер заявляет о себе как индивид, включенный в множество, и как индивидуальность, которая отражает его биосоциальную данность. Индивидуальность лидера связана с обоснованием особенности его «я», которое воспринимается не само по себе, а лишь в контексте причастности индивида к социуму, в силу влияния не только биофизической природы (физической силы и психической энергии), но и иной силы - силы «власти авторитета» - в формате доверия к вождю.

В условиях ранних первобытнообщинных отношений именно этот особый механизм управления – власть авторитета (влияние, господство, зависимость, добровольное повиновение), где

слиянность власти, инстинктов и ценностей – это единое целое, является источником благополучия человеческих коллективов. Общественное мнение сливается с волей «власти авторитета», и субъект власти демонстрирует притязание к признанию, игнорируя инстинкт самосохранения. «Власть авторитета», выступая «скрепами» первобытной общины, решает проблему протообщества и его перехода к состоянию общества.

Список литературы

1. Адлер, А. Мотив власти // Психология мотивации и эмоций: хрестоматия / А. Адлер. – М.: ЧеРО, НОУ Московский психолого-социальный институт, 2002. – С. 309 – 313.
2. Вальверде, К. Философская антропология. Инстинкты животного и инстинкты человека / К. Вальверде. – М.: Христианская Россия, 2001. – 412 с.
3. Васильев, Г. Г. Социокультурная эволюция и социальное управление / Г. Г. Васильев – М.: Универ. Гуманитар. Лицей, 1997. – 220 с.
4. Гумилев, Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Л.: Наука, 1990. – 279 с.
5. Данилова, Л. В. Проблемы теории и истории общины / Л. В. Данилова, В. П. Данилов // Община в Африке: Проблемы типологии. – М.: Наука, 1978. – С. 9-60.
6. Диденко, Б. А. Цивилизация каннибалов. Человечество как оно есть / Б. А. Диденко – М.: МП Китеж, 1996. – 160 с.
7. Дольник, В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей / В. Р. Дольник. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 208 с.
8. Кальной, И. И. Гражданское общество как одна из составляющих системы координат общественного развития / И. И. Кальной // Ученые записки ТНУ. Серия философия. – 2004. Т.17 (56). – №2. – С.3-12.
9. Кашанина, Т. В. Происхождение государства и права. Современ. трактовки и новые подходы / Т. В. Кашанина. – М.: Юрист, 1999. – 332 с.
10. Леви-Стросс, К. Печальные тропики / К. Леви-Стросс; [пер. с фр.] – Львов: Инициатива; М.: ООО «Фирма», Издательство АСТ, 1999. – 576 с.
11. Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б. Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487с.
12. Энгельс, Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Т.20. – С.366-372.
13. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс: [пер. с нем]. – М.: Изд-во полит. Лит., 1982. – 238 с.
14. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг; [пер. с нем]. – М.: Канон, 1994. – 319 с.
15. Юнг, К. Г. Психологические типы. / К. Г. Юнг, [пер. с нем]. – СПб.: Азбука, 2001. – 736 с.

Статья поступила в редакцию 28.04.2021

Galyas, I. A. Demand for a Leader as a Subject of Power in a Primitive Society

The article substantiates the expedience of studying the phenomenon of a leader as a subject of power in a primitive society through the prism of socio-philosophical analysis of the dialectics of objective conditions and the subjective factor. The author reveals an internal genetic mechanism for identifying a leader at the early stages of the development of a primitive community and his relevance in a pre-class society taking into account the specifics of socio-cultural, economic and natural conditions of the ecumene. The article traces the evolution of two authority types in a pre-class society: an unconditional dominance of the collective public opinion of the majority in everyday life (emerging horizontal communication) and an authoritative opinion of the leader, trust and voluntary obedience to his decision and will while solving non-standard issues (emerging power vertical).

Keywords: leader, chief, subject of power, instinct of power, sublimation, biosociotype, authority, society, primitive society, pre-class society.

УДК 141.33(470)

Интерес к феномену мистики, который зародился в начале XX века, не ослабевает вплоть до наших дней. Первым обратился к его исследованию американский философ У. Джемс (1903), а после него творческая инициатива перешла к русским религиозным философам, многие из которых оказались после революции 1917 года в эмиграции. Среди них, прежде всего, необходимо отметить работы Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. Н. Лосского, Л. П. Карсавина. Исследование феномена мистики проходило в нескольких направлениях: сущность мистики и мистицизма, типология мистических учений, компаративный анализ православной, католической и нехристианской мистики. В то время как в работах зарубежных исследователей используется понятие «мистицизм», в отечественной традиции предпочтение всегда отдавалось понятию «мистика». Мистицизм в русской религиозной философии стал олицетворением оккультизма и эзотерики, а мистику определили как учение о преображении (обожении) человеческой личности. Подчеркивается парадоксальный и антиномичный характер мистики: для нее одинаково существуют и тождество между тварью и Творцом, и пропасть между ними. Вторым важным направлением исследования является сравнительный анализ мистических учений. Здесь выделяются два основных типа мистики – трансцендентно-имманентный и имманентный. Первый тип характерен для религий откровения и отличается антиномизмом. Второй тип, неантиномичный, распространен среди языческих природных религий. Русские религиозные философы обратили внимание также на различие между мистическим опытом католицизма и православия.

Ключевые слова: мистика, мистицизм, трансцендентно-имманентный, имманентный, компаративный анализ.

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

Сайт: zhirtueva.ru

ФЕНОМЕН МИСТИКИ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Интерес к феномену мистики, который зародился в начале XX века, не ослабевает вплоть до наших дней. Первым обратился к его исследованию американский философ У. Джемс (1903), а после него творческая инициатива перешла к русским религиозным философам. После окончания гражданской войны и реформ в советской России многие из них оказались в эмиграции, и большинство работ были написаны за рубежом. Естественно, что в СССР тема мистики не могла разрабатываться в научной среде, именно поэтому во второй половине XX века этим преимущественно занимаются зарубежные ученые.

Среди русских религиозных философов, прежде всего, необходимо отметить работы Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. Н. Лосского, Л. П. Карсавина, посвященные исследованию мистики. Можно выделить достаточно широкий круг вопросов, которые они рассматривали. Например, проблема сущности феномена мистики и соотношение таких понятий как «мистика» и «мистицизм».

Соотношение понятий «мистика» и «мистицизм»

Лично для меня интересными оказались терминологические предпочтения русских и зарубежных исследователей, на которые я хочу обратить внимание в данной статье. В самых известных работах Э. Андерхилл, Р. Джонса, Ф. Олмонда, У. Уэйнрайта, Ф. Хаппольда, Д. Холленбэка, У. Стэйса, Р. Эллвуда используется исключительно понятие «мистицизм», и никогда не встречается «мистика». Мистицизм характеризуется как «самое главное средство конечной трансформации». Говоря так, Р. Эллвуд имеет ввиду, что только мистический опыт способствует психологическому преобразению человека [9, с. 29, 34]. Э. Андерхилл была уверена, что мистицизм это одновременно и «наука и искусство духовной жизни» [11, с. 6]. Р. Джонс также подчеркивал, что мистическими учениями накоплен богатый опыт по достижению высших состояний сознания, развивающих осознанность. Осознанность дает возможность оставаться всегда спокойными внутри, будучи внешне активными [10, с. 340, 342].

Напротив, в отечественной традиции предпочтение всегда отдавалось понятию «мистика», которое четко противопоставлялось «мистицизму». Традиция разграничения этих двух понятий

возникла в русской религиозной мысли неслучайно, как стремление отделить мистический опыт от оккультно-эзотерических знаний. Это было связано с распространением в Российской империи с конца XVIII века эзотерических масонских учений. Деятельность масонства (или московских розенкрейцеров) периодически то поощрялась, то запрещалась царским правительством. Сам император Александр I был увлечен масонством, но с 1822 года оно было запрещено в России, и разрешено вновь только в 1905 году, когда ему покровительствовал император Николай II.

Как отмечает В. И. Коцюба, представители «александровского мистицизма» унаследовали такую особенность западноевропейских мистических учений как «независимость от традиции» и «своеобразный мистический индивидуализм». В результате они очень часто оказывались в оппозиции к традиционному христианству, активно вбирая в себя элементы нехристианских учений [5, с. 94, 97]. Именно поэтому среди российских религиозных философов сформировалось негативное отношение к мистицизму.

В отличие от «мистицизма» понятие «мистика» было укорененным в отечественной богословской традиции. В традиции православного исихазма мистическая практика «духовного делания» условно разделяется на два периода: 1) деятельное подвижничество (*праксис*), очищение от страстей и 2) благодатное созерцание. Первому периоду соответствует понятие «аскетика», второму – «мистика», которое в православии имеет значение «стяжания Духа Святого» [8, с. 21]. Таким образом, мистика не противопоставляется аскетике, но является особым благодатным состоянием, нуждающимся в аскетической подготовке.

Сущность мистики

Пожалуй, наиболее глубокий и всесторонний анализ мистики был осуществлен выдающимся русским философом Николаем Александровичем Бердяевым в произведении «Философия свободного духа (Проблематика и апология христианства)», написанном в 1927 году.

В отличие от большинства иностранных исследователей, предпочитающих термин «мистицизм», в работах русских философов используется понятие «мистика». Н. А. Бердяев возводит его к греческому слову «тайна», которая, по мнению философа, является основой любой религии и олицетворением самой «последней тайны» – то есть Бога. Цель религиозного опыта он видит в «непосредственном и живом соприкосновении» с тайной Бога. Философ был уверен, что удаление от этой тайны вызывает омертвление религиозной жизни, что все великие основоположники религий имели «мистические встречи лицом к лицу с Богом и божественным». Иными словами, мистика есть «питательная почва религии, и религия истощается, когда совершается отрыв от этой почвы» [1, с. 233].

Н. А. Бердяев писал о том, само слово «мистика» часто употребляется «в совершенно неопределенном, туманном и безответственном смысле», что искажает ее истинный смысл. Ее могут путать с магией, иррациональными душевными переживаниями, психологизмами, свойственными современной культуре. Но мистика не имеет ничего общего с подобными явлениями, поскольку у нее не душевная, а духовная природа. Вместе с тем, мистику нельзя отождествлять с духовной жизнью, поскольку духовная жизнь шире по своему объему. По мнению философа, «мистикой может быть названа лишь глубина и высота духовной жизни», в которых «человек прикасается к последней тайне» [1, с. 234-235].

Говоря о существенных, природных особенностях мистики, Н. А. Бердяев утверждает, что ее основная цель – «преодоление тварности». При этом человеческое не исчезает, а различие двух природ не уничтожается: «В мистическом опыте нет более непреодолимого дуализма сверхъестественного и естественного, божественного и тварного, в нем естественное становится сверхъестественным, тварное обоживается». Мистика является «учением о путях обожения человека и мира» [1, с. 237].

Именно в этом аспекте, по мнению философа, мистика отличается от религии. Религиозное благочестие всегда основано на дистанции, на переживании человеком «своей тварной ничтожности». То есть в отличие от мистики, «религия сохраняет трансцендентно-дуалистическое противоположение между Богом и человеком, Творцом и творением». Помимо этого религия существует для всех, а мистика только для избранных, то есть мистика всегда «аристократична» [1, с. 237, 242].

Н. А. Бердяев также подчеркивает парадоксальный и антиномичный характер мистики. Во-первых, «для мистики одинаково существуют и тождество между тварью и Творцом, и пропасть между ними». Во-вторых, мистика «глубоко индивидуальна», «интимно-сокровенна», но при этом она «преодолевает индивидуализм как грех». Человек в мистическом опыте «выходит из своего замкнутого душевного мира и приходит в соприкосновение с духовной первоосновой бытия».

Мистика всегда имеет другой язык, чем богословие, и выражает другой опыт [1, с. 234, 236]. Именно поэтому между мистикой и религией всегда были очень сложные отношения. Официальная церковь обычно проявляет враждебность мистике, опасаясь ее. Она во все времена пыталась подчинить своим нормам «вольную и часто буйную стихию мистики» [1, с. 234, 242].

В отличие от Н. А. Бердяева, В. Н. Лосский в «Очерке мистического богословия Восточной Церкви» (1944) не противопоставляет мистику и богословие. Он утверждает, что «нет христианской мистики без богословия и, что существеннее, нет богословия без мистики», «они поддерживают и дополняют друг друга». Отличием между ними является то, что «если мистический опыт есть личностное проявление общей веры, то богословие есть общее выражение того, что может быть опытно познано каждым». Если «богословие в конечном итоге только средство», «совокупность знаний», то конечной целью является мистика – «соединение с Богом или обожение» [7, с. 98]. Именно поэтому В. Н. Лосский говорит о «мистическом богословии» как синтезе мистики и богословия. Оно не ограничивается личным опытом различных учителей высокой духовности, но благодаря объединению всего накопленного опыта и всех богословских систем становится «основой христианской духовной жизни». В отличие от мистики, философ определяет мистицизм как «смесь истинного и ложного, реального и иллюзорного» [7, с. 98-99].

Л. П. Карсавин в своей работе «Католичество» (1918) подчеркивал, что в мистическом акте «сущность человеческого духа все же не становится Богом, а только уподобляется Ему» путем развития таких качеств как праведность, знание, блаженство, согласованность волевых проявлений. Воля человека сливается с волей Бога, однако остается и волей человека, не теряя при этом своей свободы. И это «очень тонкое, но принципиальное отличие твари от Бога», по мнению философа, сохраняет высоты мистики от пантеизма [4, с. 13, 15].

Типология мистических учений и их компаративный анализ

Вторым важным направлением исследованием мистики является сравнительный анализ мистических учений. И здесь в основном выделяются два основных типа мистики.

Н. А. Бердяев говорил о существовании двух смысловых значений мистики, которые способствуют формированию двух ее типов. Первый тип – путь совершенствования души и ее духовного восхождения к Богу, а второй – как мистика познания тайн бытия и божественных тайн. По мнению философа, в официально признанной церковной мистике всегда исключительно преобладает первый тип, который приобретает морально-аскетический характер. Он ориентирован на познание Бога и отрешенность от «мира», являющегося воплощением греха. Это преимущественно путь святости. В отличие от него, гностическая мистика является путем проникновения в тайны бытия. Н. А. Бердяев уверен, что «дар мистического гнозиса, дар мистического созерцания тайн бытия есть особый дар, совсем не тождественный со святостью», но он является даром Бога. И это делает Плотина, Экхарта, Я. Беме, Каббалу не менее значимыми явлениями мистической культуры по сравнению с выдающимися православными и католическими святыми [1, с. 244-245].

Философ подчеркивает, что путь аскетической мистики сопряжен с рядом опасностей. Поскольку мистика всегда является путем отрешенности от мира множественности и погружения в мир Единого, она может принять «формы не просветления, а угашения душевной жизни человека». Во-первых, может развиваться «бесстрастие, безразличие ко всему человеческому». В мистической практике существует опасность заменить любовь к конкретному человеку любовью к Богу, но это, по мнению Н. А. Бердяева, противоречит основам христианского учения как религии любви к ближнему, рожденной из любви к Богу [1, с. 252-254]. Во-вторых, аскетическая мистика может сконцентрироваться на теме зла и греха, на подвиге аскезы. Но преодоление тварности не является «угашением и уничтожением жизни космоса, жизни человечества», но только «ее просветлением и преображением». Делается вывод, что «монашески-аскетическое, безразличное и недоброжелательное отношение к миру и человеку должно быть преодолено как неспособность вместить полноту христианской истины, как неумение следовать самому Христу» [1, с. 255-256].

На основе прочитанных В. Н. Лосским в 1945-1953 гг. лекций в Институте Св. Дионисия в Париже был позднее создан труд «Догматическое богословие». Здесь богослов также выделяет два типа мистики, но дает им другие названия – имманентный и трансцендентно-имманентный. Различия между типами происходит из разного понимания сущности Абсолюта, к единению с которым стремятся мистики Запада и Востока. Если библейский Бог имманентный и трансцендентный одновременно, одновременно абсолютный и личный, то боги восточных религий всегда имманентны и безличны [6, с. 263, 266]. По его мнению, трансцендентно-имманентная мистика стремится к «обожению» и объединению человечества с Божеством, а имманентная мистика призывает «к

исчезновению и растворению в чистой самоуглубленности, в полной самотождественности» [6, с. 263, 265].

С. Н. Булгаков в своем знаменитом труде «Свет невечерний. Созерцания и умозрения» (1917) выделяет два типа религии, в которых формируется разное отношение к Абсолюту: Абсолют признается или трансцендентным или имманентным миру. Первый тип рассматривает Абсолют сверх-мировым, сверх-бытийным: между Ним и миром-бытием находится бездна. Это значит, что он не доступен человеческому познанию, потому что существует за границей мира естественного. Человек не способен своим разумом постичь совершенную сущность Бога. Только в мистическом акте преодолевается бездна между Богом и человеком. Так рождаются антиномическая трансцендентно-имманентная религия и мистика. Антиномическая религия предполагает, что трансцендентное познается в «акте веры», а «основной формой религиозного достижения καὶ ἐξοχήν является молитва». По мнению С. Н. Булгакова, путь трансцендентно-имманентной религии – это исключительно «путь чуда и благодати», а не какого-то «духовного знания» или «метода» [3].

Другим типом религии является не-антиномичная религия, утверждающая, что «и бог, и мир одинаково находятся *по сю* сторону Ничто». С. Н. Булгаков подчеркивал, что мистика Экхарта и учение об отрешенности, «сливающей мир и человека с Богом, приводит его к признанию не трансцендентности Бога, но максимальной Его имманентности: черта между Богом и тварью совершенно стирается, различие их преодолевается в превышающем его единстве» [3]. Такая религия и мистика может быть названа имманентной.

Православная и католическая мистика

Достаточно много внимания русские философы уделяли сравнению мистики православной и католической, которые на определенном этапе истории разошлись по нескольким ключевым вопросам. Основную причину их расхождения В. Н. Лосский определил как разное понимание христианского учения о Святом Духе как источнике святости. «Два различных догматических воззрения соответствуют двум опытам, двум путям святости, совершенно непохожим друг на друга». Западный опыт свидетельствует «о своей преданности Христу в одиночестве и оставленности Гефсиманской ночи», а восточный – стяжал «уверенность в своем соединении с Богом в свете Преображения» [7, с. 244-245].

Основным методом православной мистики становится внутренняя или духовная молитва, искусство которой, с его точки зрения, принадлежит аскетическому учению Восточной церкви и восходит к глубокой древности. Проводя сравнительный анализ католической и православной мистики, философ приходит к выводу, что учение Экхарта и немецких мистиков об отрешенности существенно отличается от учения Паламы и византийских исихастов об умно-сердечной молитве. Если первый призывал к отрешенности от всего «тварного», то второй считал целью мистической практики *преображение* человеческой личности с помощью любви и молитвы.

Умно-сердечная молитва является вершиной православного мистического опыта. Сердце сначала чувствует увлечение и мистический экстаз, а потом в него приходят долгожданные тишина и покой. Отныне уже ничто не отвлекает сознание от созерцания Бога и жизни в Боге. Мистик оставляет сферу психического: прекращается даже сама молитва и начинается «молчание ума». Это, по выражению В. Н. Лосского, – «молитвенное совершенство, духовная молитва, или созерцание» [7, с. 232]. Когда сердце встречается с умом, а молитва становится созерцанием, достигается конечная цель мистической практики – соединение с Абсолютом.

С. Н. Булгаков в работе «Православие. Очерки учения восточной церкви» охарактеризовал восточное христианство как направление отличное по своему духу от католицизма и протестантизма: «Мистика есть воздух Православия». В основе православной мистики лежит молитвенное делание, значение которого состоит в «стяжании Духа Св.». А сердцем молитвенного делания является Иисусова молитва. Концентрация на имени Бога нем приводит к тому, что молитва становится второй природой человека, состоянием сознательным и непрерывным, как дыхание или биение сердца. Исключительное значение этой молитвы признавали все подвижники – от древних пустынножителей и средневековых исихастов Афона до отца Иоанна Кронштадтского [2, с. 176, 178, 181].

В целом С. Н. Булгаков дал определение мистики православия как трансцендентно-имманентного учения, которое по своей сути является антиномическим. С одной стороны, утверждается надмирность и трансцендентность Абсолюта, но, с другой стороны, допускается возможность имманентной близости Творца и творения в акте мистической любви. С. Н. Булгаков отмечает, что учение Паламы явилось дальнейшим развитием идей отрицательного (апофатического) богословия, основы которого были заложены еще Платоном и Аристотелем [3].

Среди других отличий православной мистики от мистики католицизма С. Н. Булгаков выделяет такие как трезвение и отсутствие чувственности: «Вообще в мистике православия не только не поощряется, но всячески изгоняется воображение, которым человек старается чувственно представить и пережить духовное» [2, с. 177-178].

Исследуя наследие русских религиозных философов, можно сделать вывод, что в их творчестве исследование феномена мистики всегда играло важную роль. Можно выделить такие направления исследования как сущность мистики и мистицизма, типология мистических учений, компаративный анализ православной, католической и нехристианской мистики.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа (Проблематика и апология христианства) / Н. А. Бердяев // Диалектика божественного и человеческого. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. – С. 15–338.
2. Булгаков, С. Н. Православие. Очерки учения православной церкви / Н. А. Бердяев. – Киев: Лыбидь, 1991. – 236 с.
3. Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. – URL: http://royallib.com/book/s_n_bulgakov/svet_nevecherniy_sozertsaniya_i_umozreniya.html (дата обращения 03.01.2021)
4. Карсавин, Л. П. Католичество/ Л. П. Карсавин. – Брюссель: «Жизнь с Богом», 1974. – 152 с.
5. Коцюба, В. И. «Александровский мистицизм» и христианская антропология / В. И. Коцюба // Вопросы философии. – 2011. – № 3. – С. 90-100.
6. Лосский, Вл. Догматическое богословие // Мистическое богословие. – Киев: «Путь к истине», 1991. – С. 261–335.
7. Лосский Вл. Очерк мистического богословия Восточной церкви // Мистическое богословие. – Киев: «Путь к истине», 1991. – С. 95–260.
8. игумен Петр (Пиголь). Преподобный Григорий Синаит и его духовные преемники. – М.: «Макцентр», 1999. – 205 с.
9. Ellwood, Robert S. *Mysticism and Religion*. – San Francisco, Seven Bridges Press, 1999. – 194 p.
10. Jones Richard H. *Philosophy of Mysticism: Raids on the Ineffable*. – SUNY Press, 2016. – 440 p.
11. Underhill, Evelyn. *Mysticism: A Study in the Nature and Development of Man's Spiritual Consciousness*, Ed. by Anthony Uyl. – Woodstock, Ontario, Devoted Publishing, 1930. – 401 p.

Статья поступила в редакцию 21.06.2021

Zhirtueva N. S. *The Phenomenon of Mysticism in Russian Religious Philosophy*

The interest in the phenomenon of mysticism that arose at the beginning of the 20th century has not waned until our days. The American philosopher W. James was the first in this field (1903) followed by Russian religious philosophers, many of whom emigrated after the October Revolution in 1917. The most important of them are N. A. Berdyaev, S. N. Bulgakov, V. N. Lossky, L. P. Karsavin. The study of the phenomenon of mysticism is carried out in several directions: the essence of mysticism, the typology of mystical teachings, the comparative analysis of Eastern Orthodox, Catholic and non-Christian mysticism.

Although the concept of “mysticism” is used in the works of foreign researchers, concept of “mystic” is always the first choice in the domestic tradition. Mysticism in Russian religious philosophy has become the embodiment of occultism and esoteric, and mystic was defined as the doctrine of the transformation (deification) of the human person. It emphasizes the paradox and antinomic character of mystic: it simultaneously affirms both the identity between the creature and the Creator and the gap between them. The second important aspect of study is a comparative analysis of mystical teachings. There are two main kinds of mystic – transcendental-immanent and immanent. The first is the “religions of Revelation”, which is characterized by antinomy. The second is non-antinomic, distributed in the oriental religions. Russian religious philosophers also paid attention to the difference between the mystical experience of Catholicism and Orthodoxy.

Keywords: mystic, mysticism, transcendental-immanent, immanent, comparative analysis.

УДК 177.82(94)

В статье рассматриваются смысловые нюансы понятий, используемых при исследовании проблемы социального одиночества. Представлены исторические изменения содержательности понятий. Определяются причины дистанцирования между гражданином и социумом и особенности словоупотребления в определении ракурсов данного феномена.

Ключевые слова: социальное одиночество, взаимодействие гражданина и социума, ценностные расхождения, обособление, «внутренняя эмиграция», «социальное сиротство».

А. В. Миронов, доцент, д-р филос. наук,
Севастопольский государственный университет
E-mail: andreyvmironov@gmail.com

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА

Сложные общественные процессы, происходящие на протяжении XXI века, обращают исследователей к проблеме отчуждения гражданина от социальной общности, частью которой он является. Отсутствие консолидации при решении общезначимых задач оборачивается неэффективностью усилий, нереализованностью предложений, проектов, предлагаемых государством. Оптимальное разрешение исторических вызовов в области международной и внутренней политики во многом зависит от доверия и согласия внутри социума, обращенного к поиску баланса интересов между различными группами населения. В этом контексте социальные противоречия, перерастающие в устойчивую форму неприятия общественной деятельности, как не имеющую индивидуально ориентированных целей и смыслов, становятся препятствием не только для личностного роста, но и для перспектив общественного развития. Исследование ракурсов феномена социального одиночества призвано выявить актуализированные причины процесса взаимодействия между гражданином и системой, установившихся в обществе представлений о должном.

Задачи исследования: 1) выявить смысловые нюансы в словоупотреблениях в рамках проблемы социального одиночества; 2) соотнести контекст использования конкретных терминов с раскрытием содержания социальных феноменов; 3) выделить знаковые особенности исторического появления понятий данной тематики; 4) представить развернутый анализ категориального аппарата, используемый в современных исследованиях.

Методы исследования: в работе применяется метод историко-сравнительного анализа, позволяющий интерпретировать данную проблематику в контексте исторического развития, а также системный метод, встроенный в предлагаемую модель отношений гражданина и социума.

В процессе развития философского знания оформился понятийно-категориальный аппарат концепции социального одиночества. Теоретическое осмысление данного феномена нуждалось в предельно четких конструкциях, адекватно отвечающих общественной действительности, в рамках которой разворачивалось бытие человека. Философская терминология, как компонент реконструкции системы отношений индивида и социальной среды, должна была соответствовать следующим требованиям: 1) историческому характеру наполнения понятий, 2) соотношению с логической схемой философского направления, 3) преемственности в использовании понятий, исходя из заложенной традиции, 4) тождественности выбора объекта применения. Многообразие синонимов, смысловых оттенков, словоупотребления на различных уровнях социальной коннотации предписывают понятийный анализ терминов с учетом лексической специфики и акцентуации данного социального явления.

Употребление понятия «одиночество» в современных науках о человеке подразумевает выход на следующие уровни самоощущения и самосознания человека: 1) эмоциональный, 2) физический, 3) рациональный, 4) социальный, 5) нравственный. Каждый из них несет свою специфику значений, отождествление их недопустимо по причине взаимовлияния и трансформации одного в другой. Первоначально упор делался на отсутствие других, невозможности физического контакта с другими, отделенности в пространственном измерении от других, и, тем самым, неспособности индивида осуществлять социальную деятельность. Качественный объем понятия «одиночество» подчеркивает дистанцию по отношению к другим, возникшую как результат нарушения общественных связей. Оно включает следующие смысловые значения: 1) вынужденная изоляция, возникшая в результате отсутствия контактов со стороны окружающих, руководствующихся определенной позицией, в основе которой недовольство субъектом (его поведением, взглядами, внешним видом, несовпадением социальных стереотипов), 2) эмоциональное переживание, доминирующее над остальными

чувствами, констатирующее отдаленность от других как результат воздействия внешних и внутренних раздражителей, 3) сознательный выбор удаления от других как максимально соответствующий личностному ощущению социального бытия, 4) состояние покоя, позволяющее сосредоточиться на собственном внутреннем мире, 5) психическое расстройство, представляющее отклонение от общепризнанных и заданных стандартов поведения, вызванное детскими травмами, стрессами во взрослом возрасте, 6) утверждение себя в исторической традиции. Различные интерпретации включали как сугубо личный пласт существования, так и общественную ситуативность. В западной гуманитарной литературе нередко встречается подмена понятий, когда термин «одиночество» используется в других смысловых значениях. «В работах Мустакиса и других ученых в понятие одиночества включены самые разнообразные факторы, например, страх, депрессия, раздражение, отчуждение, комплекс вины. Эти элементы в некоторых случаях могут быть связаны с одиночеством, но они второстепенны» [1, с. 25].

Употребление данного понятийного оборота предполагает внимание к исторической полисемии – изменчивости смысловых объемов на протяжении времени: у Аристотеля одиночество – лишение дружбы и поддержки свободными согражданами, в средние века в него вносится другой контекст – утрата связи с Божественным, Новое время рассматривает одиночество – как нахождение вне взаимовыгодных социальных контактов, Новейшая история видоизменяет смысл использования понятия – пребывание с другими, но без внутреннего контакта, разделяющего общезначимые цели и действия в совместной деятельности. Таким образом, понятие «одиночество» на протяжении времени включает, вытесняет, адаптирует смыслы в соответствии с актуальностью требований эпохи.

Автор исследования предлагает вариант определения, пытаясь избежать крайностей психологического и социологического подходов. «Социальное одиночество – это мировоззренческая позиция, в которой проявляется осознанное или неосознанное ощущение разрыва с основными социальными институтами, определяющими общественный характер жизни человека, трансформирующееся в нейтральное или негативное отношение к совместной деятельности в границах существующего социального стандарта и направленной к общезначимым целям». В данной формулировке акцент сделан на ценностную ориентацию, представленную через понятие «мировоззрение», включающее совокупность убеждений, идеалов, принципов совместной деятельности. Объединение житейских и теоретических взглядов, характеризующих мировоззрение, расширяет диапазон рассмотрения проблемы социального одиночества. Важным аспектом определения является подчеркивание действия в «границах существующего социального стандарта», таким образом, выделяется исторический характер социального бытия, представляющий определенный набор способов социализации и вступивших в конфликт с представлениями человека о должном социальном порядке (шкала моральных требований, формы социальной справедливости, политическая реальность, идеалы общественного устройства). «Ощущение разрыва» используется в качестве понятия, вмещающего картину нарушения целостности внутренних и внешних связей индивида, препятствующую интеграции в социальное пространство и тем самым оставляющее личность вне пределов социального взаимодействия. Понятие «социальные институты» включает расширенное толкование: не только формы общественного сознания, но и персонифицированный набор регуляторов социальной деятельности, с которыми приходится сталкиваться индивиду в процессе контактов с общественной средой. Мировоззренческая компонента аккумулирует опыт негативных проявлений со стороны социума, переводя его в обобщающие схемы на уровне индивидуального сознания, в дальнейшем проявляющиеся в поведенческих стереотипах.

Господствующий характер представлений о мире вырабатывает конкретные цели, как у отдельно взятого индивида, так и у всей социальной системы, частью которой он является, однако расхождение в их понимании не позволяет добиться совмещения общественных перспектив и личных жизненных ожиданий, в результате чего формируется противоречие в понимании совместной деятельности. Наполнение мировоззренческим содержанием данного феномена допускает единство во взаимодействии различных сфер позиционирования человека в социальном контексте, что облегчает задачу установления причинно-следственных связей в осознании норм поведения, отношения к гражданским инициативам, требованиям государства и восприятию окружающего социального мира. Вопросы удовлетворенности материальным, идеологическим, правовым, нравственным состоянием общества перерастают в убеждения, определяемые совокупностью вариантов общественного предъявления, и становятся стимулом к выработке широких социальных обобщений, включающих осознание препятствий в осуществлении полноценных контактов гражданского характера. Соответственно, обозначение дисгармонии между индивидом и обществом, выраженное в мировоззренческом коде способствует расширению объема рассмотрения данного феномена, что позволяет определить уровни исследования проблемы социального одиночества,

установить баланс теоретических и практических сегментов выстраиваемой модели, последствия разрыва отношений гражданина с социальным миром.

Западная социология активно оперирует понятием «аномия», используя его в двух значениях: 1) как высшую стадию одиночества, результат продолжительного пребывания в состоянии разрыва социальных связей, 2) один из вариантов девиантного поведения, относящийся к понятию «одиночество» через неудовлетворенность общественным окружением, сконцентрированным в несоответствии личных ожиданий и предоставляемых условий самореализации. Принято считать, что аномия – это понятие, служащее для объяснения проявлений отклоняющегося поведения. Дюркгейм, который ввел его в научную социологию, делает акцент на разложении общественных связей, как следствии распада традиционных ценностей, отвечающих за сохранение существующего порядка в социуме. Причину возникновения данного явления можно определить через разрыв потребностей индивида и возможностей их удовлетворения, предоставляемых обществом. Понятие аномии не устраивает автора в силу явного социологизма и совпадения со смысловым объемом понятий «социальная индифферентность», «социальный цинизм», «социальное равнодушие», «социальная деструктивность», обозначающих дисбаланс общественных и личных взглядов в плане заинтересованности в осуществлении общезначимых целей.

В современной гуманитарной литературе встречается понятие «внутренняя эмиграция» по ряду признаков совпадающее с объемом понятия «социальное одиночество». Его подтекст содержит указание на невозможность реализации в пределах данного социума своих гражданских прав в том объеме, который закреплен в законах (участие в общественной деятельности, частный образ жизни, формирование собственных убеждений, исполнение профессиональных обязанностей). Обращение к признаку «внутренняя» раскрывает смысл: пребывание в прежней общности, но с ощущением оторванности от происходящего, нейтральная фиксация событий без эмоциональной реакции на них, в силу отсутствия точек совпадения с социальной средой, воспринимаемой как чуждая и враждебная. Уход во «внутреннюю эмиграцию» – вынужденная попытка отгородиться от сообщества, стимулирующая восприятие социальных проблем, как не имеющих отношения к личностно значимому.

Для обозначения явления социального одиночества используются следующими понятиями: «обособление», «отторжение», «отчуждение», «отталкивание», «дистанцирование», «отделение». Объединительными признаками смыслового объема данных понятий являются: 1) выделение субъекта из общего пространства социальных отношений, к которому он принадлежит по формальным критериям, 2) стремление, выраженное в готовности к изоляции, т.е. особому состоянию относительно других членов социума путем отрицания общепризнанных общественных принципов, 3) формулирование отличного от общепринятого смысла взаимного сосуществования граждан, 4) утрата чувства сопричастности с целым, выступающим как система социальных связей, призванная к решению задач общественного предназначения.

Стоит отдельно оговорить нюансы употребления понятий «дистанцирование» и «отчуждение». В первом случае делается акцент на возникший зазор, пустоту, незаполненность сегмента участия в общественном механизме, функционально отвечающего за поддержание контактов между индивидом и социумом. Подчеркивание расстояния между происходящим в обществе и собственным миром бытия указывает на нежелание нести личностную ответственность за набор событий, ситуаций, которые происходят вне участия индивидуального «Я» и по не его воле. Во втором случае – обыденное словоупотребление, обозначающее как прекращение отношений, предполагающих взаимную заинтересованность, а в расширенном толковании – как внутреннее неприятие, следствием чего является отделение от других. Оно пересекается с философской категорией «отчуждения», в которой основное содержание направлено на интерпретацию экономических отношений, трансформирующее результаты деятельности людей в некую независимую силу, которая существует независимо от своих творцов и подавляет их. Предложенное философией марксизма трактовка данного понятия видоизменилась в XX веке, смысловой акцент был перенесен с экономических отношений на экзистенциальное восприятие (М. Хайдеггер). В определенную историческую эпоху человек перестает быть хозяином своего бытия. В этом ракурсе использование понятия «отчуждение» в контексте темы социального одиночества приемлемо как движение к себе из чуждого мира. Совокупность понятий, представленных выше, позволяет применять их в синонимическом значении, так как превалирующим смыслом является действие человека, направленное на отделение его от социальной действительности по различным основаниям.

Понятия «автономность», «изоляция», «замкнутость», «закрытость» – интерпретируют особый смысл нахождения индивида в социальном измерении. Понятие «автономность» в философской традиции широко использовалось стоическими авторами (Л. А. Сенекой, М. Аврелием, Эпиктетом) с целью обозначения духовной независимости личности от общественных настроений во времена

кризиса Римской империи. В средние века оно трансформировалось в религиозную созерцательность (исихазм). В понятии «автономность» подчеркивается наличие сознательно выбранного отрыва от социальной практики, личностной самостоятельности в определении ценностей и идеалов, свободных от влияния авторитетов, доминирующих в обществе. Таким образом, раскрывается параллельность существования части и целого. Социальное одиночество выступает самоочевидным явлением в сложившейся общественной ситуации. Понятие «замкнутость» содержит указание на недопущение человеком других в пределы собственного внутреннего мира, как действие защитной реакции от угрозы разрушения. Сосредоточение на личных интересах служит барьером для контактов с социальной средой. В нем проявляется попытка осмысленного сохранения индивидуального «Я» путем пресечения нежелательных контактов, что является следствием разделения мира на «свой» и «чужой», где чуждое ассоциируется с социальным. Аспект психологических сложностей, возникающих в процессе общения, переходящий в замкнутость в данном контексте не учитывается. Понятие «закрытость» указывает на недоступность индивида к коммуникации, сознательное пресечение контактов по воле субъекта. «Закрытость» противоположна по смыслу открытости, публичности индивида, готовности к позиционированию в общественной сфере. «Закрытость» обозначает границу между личным миром, в котором существуют собственные установки и представления, задействованные по отношению к тем, кто получил доступ к этому миру, и окружающей социальной средой, в которой существуют те, кто признаются «другими» и не вызывают доверия. Понятие «изоляция» в тексте диссертационного исследования чаще употребляется в модификации, обращенной к поведенческому модусу – самоизоляции. Исходя из оценки системы, к которой принадлежит, предписан индивид, он лишает ее своего «Я» вместе с набором способностей, качеств, энергии, знаний, находящихся в его личном потенциале. Погружение в самоизоляцию связано с желанием минимизировать соприкосновения с социальной действительностью, употребление данного понятия не включает контекст вынужденной социальной изоляции, так как точкой отсчета можно считать только добровольность данного решения.

Смысловой нюанс нарушения жизненно важных связей человека с социумом представлен в следующей группе понятий: «покинутость», «оставленность», «социальное сиротство». Их объединяет аспект утраты социальной поддержки, внимания, защиты, заинтересованности в обустройстве индивидуального существования, а также – ощущение социального вакуума, отсутствия выходов на уровень общественной коммуникации. Причиной могут являться следующие факторы: сословность, изменение статуса в общественной иерархии, политические и идеологические перемены, неспособность адаптироваться к новым социальным условиям, противоречие между прежней и установившейся аксиологической шкалой. Одиночество становится следствием предоставления человека самому себе. Ощущение ненужности порождает растерянность, переходящую в апатию и равнодушие к социальным проблемам. Понятие «социальное сиротство» в правовой и педагогической литературе стало использоваться для обозначения особого состояния ребенка, потерявшего родителей или лишения их прав воспитания. Оно совпадает по своей смысловой наполненности с состоянием человека, лишенного покровительства, управления, помощи со стороны главенствующих общественных институтов, ответственных за жизнь, развитие, самореализацию индивида. В патриархальном обществе существует точка зрения, что родительские функции в преобразованном виде берет на себя государство, воспринимая граждан за детей, нуждающихся в постоянной опеке и наблюдении. В контексте данного исследования внимание направлено на изучение чувства одиночества, возникающего в результате потери направляющих целей, диктуемых государством и социальной системой.

Важным вопросом для понимания отношений между индивидом и социальной средой в плане негативного противостояния является рассмотрение вариантов диспропорции части и целого. В сбалансированной соотнесенности этих категорий проявляются следующие признаки: 1) общее развитие, 2) сумма общих характеристик, 3) общие закономерности, 4) общие причины. Взаимодействие части и целого (в социальных условиях – индивид и общество) обусловлено интеграцией свойств, направленных на поддержание взаимного благополучия. Позитивное влияние составляющих компонентов в процессе обмена материальными и духовными ценностями приводит к появлению новых положительных свойств, аккумулируемых целым, что позволяет совершенствоваться и возвращать приобретенное в виде апробированных социальных установок адекватных представлению об общественной гармонии. Разобщенность, которую можно понимать, как один из вариантов социального одиночества, имманентно препятствует развитию общественной системы и в тоже время является барьером к саморазвитию. Расчленение целого на атомарные единицы, не принимающие идею объединения под эгидой общей судьбы, общих ценностей, общей исторической перспективы есть предпосылка социальной катастрофы, стагнации.

В классической философии (в работах Г. Гегеля, К. Маркса) часть и целое не воспринимаются в разрыве отношений, и, следовательно, социальное одиночество представляется как функциональная дисгармония. Категория «целостность» выражает внутреннюю интеграцию составляющих компонентов, направленных на удержание доминирующих признаков в общественной системе. Объективация социального указывает на функциональность связей субъекта с себе подобными, концентрирующими сходные свойства. Детерминация связей между субъектом и объектом мотивирована взаимозависимостью отношений, реализующих общие цели. Нарушение целостности связано с появлением новых качеств в системе отношений, не позволяющих действовать в прежнем режиме, и в силу этого обстоятельства появляется необходимость в реконструкции социальных связей. Ослабление контактов в субъектно-объектных параметрах способствует появлению специфических феноменов (таким можно считать социальное одиночество), так как единство распадается и не в состоянии удержать участников процесса в прежних ракурсах социального взаимодействия. Социальное одиночество можно воспринимать в качестве антитезы целостности общества.

Ряд положений, раскрывающих противостояние между индивидом и социумом, характеризуется через противоположную по значению категории «единство» категорию «разобщение», понимаемую как отсутствие сплочения социальных элементов, находящихся в тесной взаимосвязи. Выход за пределы смыслового объема категории «единство» указывает на отличие специфик существования, находящихся внутри структуры субъектов. «Единство» в мировоззренческом контексте предполагает совпадение нравственных оснований поступков, взглядов, убеждений, позволяющих действовать в общем коде самопредставлений субъекта, «разобщенность» предполагает отличия от общего и, индивид использует их в стремлении к несовпадению, добиваясь свободы, претендующей на уникальность. Духовное поглощение личности в случае ложного общественного «единства» способствует формированию социального одиночества с целью сохранения собственной неповторимости. Автор не применяет в тексте категорию «всеединство», так как она имеет устоявшееся значение в качестве фундаментальной идеи русской религиозной философии (В. С. Соловьев, о. П. Флоренский, о. С. Булгаков, Н. О. Лосский). При этом сложившийся внутри категории смысл соответствует контексту исследования: объединение человека с Богом, государством, народом обозначает абсолютное начало, выход за пределы любой из трех составляющих, по определению, нарушает связь с другими и не позволяет чувствовать сопричастность с комплексом идей, выступающих в виде сверхсовершенной интеграции с социальным миром. Совокупность задействованных смыслов в поведенческих стандартах позволяет чувствовать себя частью целого и избегать опасности разъединения.

«Социальная фобия» понятие близкое по смыслу понятию «социальное одиночество» через критерий возникающего барьера между индивидом и обществом, но основное его значение заострено на страхе установления контактов на уровне официального предъявления человека, т. е. действий вне привычного круга личностной коммуникации. Опасение оказаться в положении непонятого, непризнанного, неудобного и тем самым понизить самооценку в глазах окружающих становится внутренней преградой для конструирования социальных связей и потенциально формирует маргинальный тип личности. «Социальная фобия» пересекается с «социальным одиночеством» в понятийном объеме, в признаках детерминации явления отчуждения индивида от общности, но качественная основа понятия наполнена в большей степени психологическими показателями.

Категориально-понятийный аппарат исследования представляет специфику употребляемых терминов в соответствии с поставленной задачей: определения смысловых границ использования философской лексики, выявления качественных отличий использования одноименных понятий в сопредельных науках о человеке, представление авторских формулировок, сложившихся в процессе исследования и претендующих на новую интерпретацию рассматриваемого явления.

Список литературы

1. Лабиринты одиночества / [У. А. Садлер, Т. Б. Джонсон, Б. Миюскович, М. Бубер и др.]; под ред. Н. Е. Покровского. – Москва: Прогресс, 1989. – 624 с.

Статья поступила в редакцию 12.06.2021

Mironov, A.V. The Conceptual Apparatus of the Study of the Social Loneliness Problem

The article discusses the semantic nuances of the concepts used in the study of the social loneliness problem and historical changes in the content of concepts. The author determines reasons for distancing between a citizen and society and features of word use in determining the angles of this phenomenon.

Keywords: social loneliness, interaction of a citizen and society, value differences, isolation, "internal emigration", "social orphanhood".

УДК 165.7

В статье рассматриваются методологические аспекты концепции научно-исследовательских программ Имре Лакатоса в контексте базовых положений парадигмы постпозитивизма и критического рационализма. Проводится исследование взаимосвязи эпистемологии с иными сферами современной науки. Кроме того, анализируются различные вопросы, связанные с проблемой соотношения теоретических установок и эмпирических данных в контексте развития и изменения научных теорий. Также проводятся сравнительный анализ взглядов различных философов-постпозитивистов в отношении проблемы фальсификации как основного критерия научности.

Ключевые слова: философия науки, парадигма, постпозитивизм, критика, фальсификация, кумулятивизм, эмпирика.

Р. В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: tkachenko.rv5150@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ ИМРЕ ЛАКАТОСА

Было бы наивно рассматривать историю науки в виде нескончаемой когорты видных личностей, которые путём экспериментов и теоретических вычислений преображали окружающий мир, освобождали человечество от груза ненаучных воззрений и тем самым приближали наступление новой эры – эры сциентистского, практически применимого и абсолютного знания. С течением времени становится ясно, что некоторые теории, долгие годы (а иногда и века), воспринимавшиеся в качестве неких незыблемых краеугольных камней науки (например, теория флогистона, теория эпициклов или геоцентрическая система мира) не являются отражением реально существующей картины мира и могут рассматриваться как устаревшие и нефункциональные. Однако, как демонстрирует анализ генезиса научных идей, данные воззрения вполне вписывались в смысловые установки своей эпохи и, исходя из своих основополагающих принципов, также стремились к глобальной интерпретации окружающего мира. Само собой, возникавшие в последствии теории и концепции также стремились к глобальному пересмотру сложившихся представлений, указывая на ошибочность предыдущих научных воззрений. Так, «развитие современной науки, заявившее о себе устами Галилея, его вольное обращение с понятиями, его «неэмпирические» процедуры нарушали профессиональную идеологию аристотелианцев и были для них примером начинающегося вырождения» [7, с. 208]. Понятно, что подобные концепции сменялись иными, рассматриваемыми как более достоверные и научно обоснованные, которые стремились к полному пересмотру понимания сущности мира.

Данный феномен, связанный со сменой доминирующих теорий и концепций, с неизбежностью повлиял как на восприятие функций науки в обществе, так и на формирование особого научного языка, привязанного к определённому теоретическому полю. Стоит отметить, что данный факт противоречит фундаментальному положению логического эмпиризма, согласно которому в науке функционирует некий глобальный язык наблюдения, абсолютный и не зависящий от многочисленных теорий, термины которого стремятся к ясности и однозначности. Например, Моррис Шлик в своей работе «Поворот в философии» указывал: «Если нам удастся выразить факты в протокольных предложениях, без какого-либо искажения, то они станут абсолютно несомненными отправными точками знания. Данные предложения образуют твёрдый базис, которому все наши познания обязаны присущей им степенью правильности» [10, с. 34].

Процесс формирования такого мощного философского течения как постпозитивизм, с неизменностью затронул вопрос о выработке различных моделей развития науки, анализа функции языка в научной среде и отысканию причин научных изменений. Позитивизм, пройдя через рассмотрение абсолютности эмпирического знания в первом позитивизме, проблему соотношения опыта и реальности в эмпириокритицизме и проблему логико-лингвистических конструкций в логическом позитивизме, пришёл к проблемам рациональной критики и исторической динамики науки. Поиск подобного алгоритма изменений с неизбежностью затронул как строго эпистемологический, так и аксиологический аспекты.

Причины подобных метаморфоз различались в зависимости от позиций исследователей. Некоторые учёные, систематизируя данный процесс, выделяли чередование глобальных смысловых блоков в истории науки (например, парадигмы в концепции Т. Куна или эпистемы как центральный элемент «археологии знаний» в работах М. Фуко [9]), другие рассматривали историю науки исключительно с точки зрения прогностической функциональности и сменяемости научно-исследовательских программ (И. Лакатос), третьи выводили в качестве основной движущей силы в науке ассистематику и противоречивость (эпистемологический анархизм П. Фейерабенда). Любопытно, что расхождения в толковании моделей развития науки, в полной мере отражают многовекторность и конкурирующую множественность теорий и концепций, характерную для современной сциентистской среды. Например, именно эта особенность (выработка и сосуществование множества теорий) выступает в качестве продуктивной среды для принципа пролиферации (максимального увеличения разнообразия теорий) в эпистемологическом анархизме Пола Фейерабенда: «Пролиферация теорий благотворна для науки, в то время как их единообразие ослабляет её критическую силу» [7, с.53].

Стоит отметить, что различие в подходах интерпретации и выявления движущих оснований развития науки, в целом, положительно влияют на генезис научной мысли, открывая благотворную среду для конструктивной критики. Именно благодаря множественности теорий и их конкуренции, выявляется жизнеспособность научных конструкций, вырабатываются новые научные принципы, разрабатываются новые методологические подходы к разрешению научной проблематики (например, синергетика или постмодернистская методология). В данной среде происходит отход от принципа существования единой глобальной всеобъясняющей теории (или, говоря в терминах постмодернистской теории «метанарративной концепции») к множественному пространству конкурирующих теорий и конструкций. Данный факт позволяет анализировать процесс развития науки с различных сторон, рассматривая в качестве детерминант научных изменений, различные основания. В качестве данных оснований могут выступать как рациональная критика (согласно концепции К. Поппера), так и изначально присутствующие в теориях скрытые ошибки и недостатки (фаллибилизм). Кроме того, в качестве подобных движущих причин указывается возможность научных концепций предсказывать появление новых, ещё неизвестных научных фактов (прогностическая функция, как индикатор жизнеспособности теорий), так и возможность заимствования и переработки старых научных теорий (некритическое отношение к наследию классики и модерна в парадигме постмодерна).

Следовательно, основной задачей постпозитивистского подхода служит проведение сравнительного анализа концепций развития науки с целью выявления причин, влекущих изменения, как при формировании научных теорий в целом, так и в некоторых отдельных аспектах современной науки (например, статус и функционирование языка науки, роль науки в обществе и т. д.).

Венгерский философ Имре Лакатос (1922 – 1974), без сомнения, является одним из ярчайших представителей философии науки XX века. Являясь одновременно и учеником, и критиком Карла Поппера, он разработал собственную методологическую концепцию, благодаря которой «критический рационализм» его учителя получил новые жизненные импульсы, обрёл своеобразное второе философское дыхание и остаётся актуальным по сегодняшний день. «Работы Лакатоса и сегодня учувствуют в живой дискуссии философов науки, а современные направления в этой области развиваются во многом благодаря тому, что отталкиваются от идей Лакатоса, спорят с ними и сами испытывают давление критицизма с их стороны» [3, с.9].

Во многих своих работах (например, в «Доказательствах и опровержениях» [3]), Лакатос отстаивает позицию о том, что развитие и изменение в науке ни в коей мере не основывается на принципе кумулятивизма, состоящим в постоянном накоплении и прибавлении знаний, а характеризуется драматическим процессом постоянных открытий и опровержений, острой критикой и проверкой жизнеспособности тех или иных теорий. В своих штудиях Лакатос с неизбежностью возвращается к одним из основных вопросов философии науки: на чём основывается научная рациональность? И возможна ли рациональная реконструкция генезиса научной мысли?

Конечно, подобная проблематика занимала видное место в творчестве не только Лакатоса, но и многих других философов. В частности, она содержательно анализировалась в работах Карла Поппера.

Поппер критически подошёл к позиции неопозитивистов, согласно которой окончательная проверка на истинность теорий является вполне возможной. Неопозитивисты при этом довольно широко использовали понятие верификации и представляли язык науки в качестве совокупности протокольных предложений. Язык здесь рассматривался исключительно как средство научной

рефлексии. Как указывал в своих работах один из родоначальников аналитической философии Готтлоб Фреге: «естественный язык искушает, ведёт к фальшивым аналогиям, философия должна освобождать себя от господства непрорефлексированного языка, но это требует использования адекватных средств и соответствующей системы знаков». [1, с. 125].

Теория считалась истинной, если она прошла проверку фактами. Однако подобная корреспондентность выступает своего рода аппроксимацией гносеологической методики. Рост знания, сменяемость теорий свидетельствуют о том, что не существует шкалы абсолютной истинности теорий – то, что вчера казалось абсолютно истинным, уже сегодня называют едва ли не ложным. Имея ввиду этот и другие аргументы, Поппер заключает: «не верифицируемость, а фальсифицируемость системы следует рассматривать в качестве критерия демаркации» [6, стр. 83].

Смысл введения Поппером в методологию науки понятия фальсификации состоит в строгом разграничении эмпирического научного знания от всякого другого. Эмпирия как фактуальный аспект науки способна: а) подтвердить или, как выражался Поппер, подкрепить теорию; б) фальсифицировать её. По своей сути, демаркация содержит оба критерия: как подтверждение, так и фальсификацию. Но в пылу полемики о демаркации Поппер на фоне возвышения фальсификации несколько принизил значение подтверждения. Так как, ненаучное знание в отличие от научного эмпирически не подтверждается, то подтверждение также является критерием демаркации.

Как и Поппер, Лакатос считает, что ответы на вопросы связанные с реконструкцией генезиса научной мысли нужно искать не в принципе прибавления новых фактов к устоявшимся теориям (как в случае с кумулятивизмом), а в области критического рационализма. Именно рациональная критика помогает выявить слабые места в теориях и способствует их совершенствованию. Кроме того, рациональная критика выступает неким методом, помогающим провести демаркационную линию между научным и ненаучным знанием, так как в сфере классической метафизики или религии рациональная критика невозможна. Однако Лакатос отходит от идеи фанатичной беспощадной фальсификации теорий. Согласно его позиции, только детальное изучение контрпримеров (фактов, объяснение которых возможно только при изменении теоретической основы той или иной концепции) и аномалий (задач, которые невозможно решить без изменений теоретического образца) может положительно повлиять на решение вопроса о причинах научных изменений.

Немаловажным компонентом в подходе Лакатоса выступает задача выявления «твёрдого ядра» и «подвижного слоя» любой научной теории. По сути дела, данные компоненты – это то, благодаря чему исследователи «то защищают ядро теории от разрушительных эффектов эмпирических опровержений, то безоглядно устремляются вперёд, оставляя за спиной неразрешённые эмпирические проблемы» [3, с. 21].

В своих работах Лакатос неоднократно утверждает, что научные теории изобретаются и аспект, связанный с прогрессивным сдвигом проблем, выражающимся в некоем «возрастании правдоподобия» теории (в приближении к истине, но не в её достижении), вводит определённые конструктивистские мотивы при селекции исследовательских программ. Так же, как и Поппер, он исходит из того, что истина существует, и научные теории и концепции к ней приближаются, опираясь на опыт развития научных идей, несмотря на отсутствие чётко выраженного критерия, свидетельствующего о подобном приближении.

Концепцию научно-исследовательских программ Имре Лакатоса можно рассматривать в качестве системы, в которой подвергся критическому осмыслению анализ развития науки, произведенный Карлом Поппером. Однако если последний рассматривал в качестве движущих основ науки проблему фальсификации и фаллибилизма, то Лакатос указывал на неспособность данных принципов объяснить относительную автономию теоретической науки [4, с.138]. Лакатос полагал, что теоретические построения на практике оказываются более устойчивы к динамическим изменениям и процессу проверки на истинность. Не всякая проверка на истинность (как и появления новых научных факторов) непременно приводит к уничтожению теории и объявлению её абсолютно не функциональной. Для обоснования данного утверждения Лакатос выстраивает собственную структуру научной теории, характеризующуюся многокомпонентностью и относительной подвижностью элементов. Она состоит как из фундирующих оснований («твёрдое ядро»), так и из динамических компонентов, которые могут видоизменяться в процессе научного развития (так называемый «защитный пояс» теории).

«Если рассмотреть наиболее значительные последовательности теорий, имевших место в истории науки, то видно, что они характеризуются непрерывностью, связывающей их элементы в единое целое. Эта непрерывность есть не что иное, как развитие некоторой исследовательской программы, начало которой может быть положено самыми абстрактными утверждениями» [4, с. 135].

Подобная поступательность выступает в качестве фундирующей основы при формировании «твёрдого ядра» теории. В качестве «твёрдого ядра» можно рассматривать основные постулаты научной конструкции, опровержение которых приводит и к опровержению теории. В случае рациональной критики, по Лакатосу, основной «удар» должен принимать на себя «защитный пояс» программы, включающий в себя подвижные и могущие изменяться детали. «Защитный пояс должен выдержать главный удар со стороны проверок. Он должен приспосабливаться, переделываться или даже полностью заменяться, если того требуют интересы обороны. Если это даёт прогрессивный сдвиг проблем, исследовательская программа может считаться успешной» [8, с. 473].

Безусловно, положительной стороной концепции Лакатоса можно считать выделение в структурах теорий как динамических, так и статических компонентов. Как показывает исторический опыт, опровержение научных теорий не является единовременным актом. Он не происходит в одну секунду. Даже после опровержения теории, некоторые её аспекты продолжают восприниматься в социуме (а, зачастую и в научном сообществе) наиболее консервативными кругами. Только когда, с течением времени, последние утверждения, входящие в структуру теоретического построения, отмирают как не соответствующие действительности и нефункциональные, только с данного момента можно говорить об «отмирании» теории.

Кроме того, согласно Лакатосу, в структуру научно-исследовательской программы включены особые «методологические установки», которые выступают детерминантами при изменениях «защитного пояса» программы. Данные методологические установки условно можно разделить на два больших блока. Первый из них – установки, обозначающие своеобразное запретное поле (отрицательная эвристика). Так, положения данных установок запрещают использование рассуждений от противного в отношении утверждений, включённых в основное «твёрдое ядро» научно-исследовательской программы. Напротив, они указывают на необходимость разработки новых своеобразных вспомогательных гипотез, которые бы помогли в укреплении «защитного пояса» научной теории.

Второй блок – это положения, указывающие на то, какие пути следует избрать, для укрепления положений научной теории (положительная эвристика). Положительная эвристика вынуждает исследователя постоянно совершенствовать «защитный пояс» научно-исследовательской программы, модифицировать методы, заниматься селекцией подтверждающих факторов. «То, какие проблемы подлежат рациональному выбору учёных, работающих в рамках мощных исследовательских программ, зависит в большей степени от положительной эвристики программ, чем от психологически неприятных, но технически неизбежных аномалий. Аномалии регистрируются, но затем о них стараются забыть, в надежде, что придёт время и они обратятся в подкрепление программы. Повышенная чувствительность к аномалиям свойственна только тем учёным, кто занимается упражнениями в духе проб и ошибок или работает в регрессивной фазе исследовательской программы, когда положительная эвристика исчерпала свои ресурсы» [4, с. 138].

Положительная эвристика включает в себя совокупность факторов (а также различных гипотетических представлений), на основе которых, можно произвести определённые видоизменения в «защитном поясе» научной теории.

Положительная эвристика диктует необходимость постоянного усовершенствования защитного поля научно-исследовательской программы. Она модифицируется, изменяется под воздействием новых факторов и методологии. Исходя из этого, можно утверждать, что центральным элементом при работе над исследовательской программой выступают интеллектуальные модели, фундирующие принципы которых встречаются в «позитивной части» научно-исследовательской программы. «Наши рассуждения показывают, что положительная эвристика играет первую скрипку в развитии исследовательской программы при почти полном игнорировании «опровержений». Таким образом, методология исследовательских программ объясняет относительную автономию теоретической науки» [8, с. 329].

В работах Лакатоса, так же идёт апелляция к тезису Куна и Фейерабенда [7] об отсутствии в науке неких финальных «решающих экспериментов», которые используются в качестве орудия окончательного выбора между теориями. «Нет ничего такого, что можно было бы назвать решающими экспериментами, по крайней мере, если понимать под ними такие эксперименты, которые способны немедленно опрокинуть исследовательскую программу» [8, с. 222]. Следовательно, Лакатос указывает на наличие в теории более или менее устойчивых элементов. Опровержение какой-либо теории, в этом случае, должно рассматриваться не в качестве разового, сиюминутного акта, а длительного процесса, элиминирующего все базовые компоненты. «Теория

считается опровергнутой лишь после того, как будет разбито её «последнее зеркало», но подступы к нему отстаиваются силой научного воображения» [1, с. 278].

В целом концепция Лакатоса при всей своей рациональности вполне укладывается в основные постулаты постпозитивизма. Здесь мы видим абсолютную недостижимость истинного знания, так как любая научно-исследовательская программа, при всей своей универсальности рассматривается как неокончательно сформированная система. Кроме того, по Лакатосу, существование окончательно сформированной теории просто невозможно, так как она постоянно испытывает «атаки» со стороны новых концепций и феноменов. Именно эти факты вынуждают исследователей видоизменять «защитный пояс» исследовательской программы, продляя ей жизнь и делая, тем самым, её более функциональной.

Кроме того, в работах Лакатоса, латентно присутствует своеобразный «футурологический» аспект, так как функциональность теории напрямую зависит от её прогностической функции. Здесь можно провести определённую параллель с функциональностью парадигм в концепции Т. Куна. Появление факторов, не укладывающихся в устоявшуюся систематику, свидетельствует о кризисе парадигмы, о её невозможности интерпретировать новые явления. В подобный период «наука изменяется не кумулятивно, т.е. поступательно-непрерывно, а прерывно, посредством катастроф, ставших малопродуктивными доктринальных построений интеллектуальной элиты» [2, с.280]. На нечто подобное указывает и Лакатос. Если в научной среде появляются новые факторы или совершаются открытия, которые если и не подтверждаются ядром исследовательской программы, то по крайней мере, ему не противоречат, мы можем говорить о функциональности и жизнеспособности данной программы. «Некоторые теоретики, работающие в рамках исследовательской программы, уделяют внимание «опровержениям». Они ведут дальновидную исследовательскую политику, позволяющую предвидеть возможные «опровержения» [3, с.364].

Возможность предугадать появление ещё неоткрытых феноменов и возможных противоречий, выработанным теоретическим установкам и выступает залогом жизнеспособности программы. Таким образом, можно утверждать, что «лакатовский рационализм настроен на учёт разнообразных обстоятельств, складывающихся в науке. Научные идеи надо уметь не только выдвигать, но и защищать, придавая им новую жизненную силу» [1, с. 279].

Список литературы

1. Канке, В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия / В. А. Канке. – М.: Логос, 2000. – 320 с.
2. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: АСТ, 2009. – 317 с.
3. Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки / И. Лакатос. – М.: Академический проект, 2008. – 475 с.
4. Лакатос, И. Методология научно-исследовательских программ // Вопросы философии. – 1995. – №4 – С. 135 – 154.
5. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
6. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
7. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. – М.: АСТ, 2007. – 413 с.
8. Философия науки / Под ред. А. И. Липкина. – М.: Эксмо, 2007. – 608 с.
9. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А – cad, 1994. – 407 с.
10. Шлик, М. Поворот в философии / Аналитическая философия. Избранные тексты. – М.: МГУ, 1993 – 256с.

Статья поступила в редакцию 21.06.2021

Tkachenko R.V. Methodological Analysis of the Concept of Imre Lakatos's Research Programmes

The article focuses on methodological aspects of Imre Lakatos's idea of research programmes in the light of the basic postulates of the post-positivist and critical rationalist paradigm. Research has been carried out on the interrelation of epistemology and other branches of modern science. The article offers a comparative analysis of various post-positivist theories regarding the problem of falsification as the key criterion of scientific knowledge.

Keywords: philosophy of science, paradigm, post-positivism, criticism, falsification, cumulativism, empiricism.

УДК 821.116Достоевский.06:17

Анализируются философские взгляды Достоевского на сущность войны. Политическая международная и отечественная войны рассматриваются как историческая необходимость. В необходимости усматривается нравственное содержание войны. Война, за исключением гражданской, несет в себе такие ценности, как великодушие и жертвенность в противовес праздности и стяжательству мирного времени. Война выступает двигателем наук и искусства, в мирное время переживающих застой. Совместно пролитая кровь на благо Отечества паллиативно устраняет неравенство и возвышает дух народа, его человеческое достоинство.

Ключевые слова: война, мир, Отечество, идеалы, самопожертвование, великодушие.

А. А. Чемшит, профессор, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: chemshit952@gmail.com

Д. А. Чемшит, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: chemshit79@gmail.com

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ: НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЙНЫ

Война в качестве высшего уровня конфликтного противоречия чаще всего определяется через формулу Клаузевица как «продолжение политики другими средствами» [4]. Это означает, что оценка самого феномена войны как такового осуществляется, исходя из политического критерия. Типичными примерами политических характеристик являются классификации войн на захватнические и оборонительные, победоносные и проигранные, спровоцированные и немотивированные, успешные и неудачные. Однако война как социальный феномен слишком сложное явление, чтобы его можно было сводить исключительно к политическим оценкам. С точки зрения военной науки Клаузевиц выделял войны политические оборонные (осуществляемые для отстаивания независимости) и стратегические оборонные (являющиеся борьбой с врагом на том театре военных действий, который противники подготовили для этой цели сами себе) [4].

В геополитике войны рассматриваются как несущие тому или иному государству значительные приобретения или причиняющие ему неприемлемый ущерб. Экономисты заняты тем, что определяют дивиденды от военных действий или подсчитывают убытки. Юристы свою связь с войной фиксируют понятиями «законы военного времени» и «военные преступления». Даже эстетика причастна к войне, характеризуя ее в целом как безобразное или уродливое явление, но все же в порядке исключения наделяет определенные военные кампании пафосными эпитетами: «великолепные победы», «блестящий успех» и т. п.

Не отрицая важность политических, геополитических, экономических, правовых, эстетических оценок феномена войны, сосредоточим внимание на самой важной оценке, а именно этической или морально-нравственной. При этом поставим перед собой, казалось бы, неблагодарную задачу увидеть в войне не только аморальную мерзость, но нравственные ее достоинства. Эти, на первый взгляд, несовместимые оценки диалектически соединимы при условии разграничения таких категорий, как сущность и явление. Последнее есть сам феномен, лежащий на поверхности и воспринимаемый всем нашим эмоциональным миром непосредственно и, вместе с тем, поверхностно. Сущность войны таится в глубине и вскрывается при помощи интеллектуальных усилий, а, следовательно, более достоверно.

Эту несложную диалектику лучше других оценок и полнее всего отразил Ф. М. Достоевский – православный мыслитель и философ-идеалист. Но отнюдь не пацифист и безбожный гуманист.

Первое, что приходит в голову из возражений против высказанной идеи – это вопрос: в чем состоит необходимость выступления одного народа против другого, ведь речь идет о том, что люди будут убивать людей? В чем же заключается необходимость этого, если в Святом писании сказано «Не убивай»?

Достоевский объявляет ложью утверждение, что люди отправляются на войну затем, чтобы совершать убийства. Он считает, что на первом плане должно стоять другое, а именно: на войну идут, чтобы жертвовать собственной жизнью. А это совсем другое. «Нет выше идеи, – пишет мыслитель, – как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество. Без великодушных идей человечество жить не может... человечество именно поэтому и любит войну, чтобы участвовать в великодушной идее. Тут потребность» [1, с. 142].

Касаясь участия русских добровольцев в балканской войне против османского ига, Достоевский усматривает в ней богоугодное дело, жертвенное и бескорыстное. «Спросите народ, спросите солдата, – предлагает философ, – для чего они поднимаются, для чего идут и чего желают в начавшейся войне, – и все скажут вам, как один человек, что идут, чтоб Христу послужить и освободить угнетенных братьев, и ни один из них не думает о захвате» [2, с. 115].

Война, особенно справедливая, способна взволновать человеческую душу, пробудить в человеке безумную отвагу и великое безрассудство, готовность «положить свой живот за други своя». Это необыкновенное великодушие отражено в народном фольклоре, стихотворной форме и печенной культуре. Например, «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...» или «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить. С нашим атаманом любо голову сложить...».

В эпоху «исторического материализма» христианская мотивация участия в военных действиях претерпела изменение чисто формальное, не затронувшее содержательного наполнения. Призыв «За Родину! За Сталина!» поднимал в атаку, а значит, на вероятную смерть сотни тысяч советских людей. Солдаты жертвовали своей жизнью за правое дело, ради других жизней.

Обыденное сознание в беззаботное мирное время не слишком расположено к тому, чтобы испытывать к войне симпатию и, тем более, возвышенные чувства. На это Федор Михайлович возражал по-своему. Он призывал не верить в то, что объявление войны вызывает в людях ощущение беды. Люди в таких случаях сокрушаются лишь ради приличия. Хвалить войну не решаются, дабы не прослыть ретроградом. На самом деле человечество любит войну. «Кто унывает во время войны? Напротив, все тотчас же ободряется, у всех поднят дух, и не слышно об обыкновенной апатии или скуке, как в мирное время, – подчеркивает философ. – А потом, когда война кончится, как любят вспоминать о ней, даже в случае поражения!» [1, с. 143].

Великодушные идеи, безусловно, идут на пользу человечества. В терминах Достоевского, великодушие очеловечивает. Но разве без войны не найдется места великодушным идеям? Казалось бы, в мирное время этим идеям еще удобнее развиваться.

Но нет, Достоевский так не думает. Он полагает совершенно обратное. «Великодушие гибнет в периоды долгого мира, а вместо него являются цинизм, равнодушие, скука и много-много что злобная насмешка, да и то почти для праздной забавы, а не для дела» [1, с. 143]. Достоевский, со свойственной его душе страстью, пронизательно изображает всю панораму продолжительного мира. «Долгий мир ожесточает людей. В долгий мир социальный перевес всегда переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого в человечестве, – главное к богатству и капиталу. Честь, человеколюбие, самопожертвование еще уважаются, еще ценятся, стоят высоко сейчас после войны, не чем дальше продолжается мир – все эти прекрасные великодушные вещи бледнеют, засыхают, мертвеют, а богатство, стяжание захватывают все. Остается под конец лишь одно лицемерие – лицемерие чести, самопожертвования, долга... их еще и будут продолжать уважать, несмотря на весь цинизм, но только лишь на красных словах для формы. Настоящей чести не будет, а останутся формулы. Формулы чести – это смерть чести. Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувства» [1, с. 143].

Складывается впечатление, что эти строки написаны не в 1876 г., а в наши дни, и они касаются и бездушного отношения общества и власти к ветеранам Великой Отечественной войны, которые, спустя 75 лет после ее окончания, все еще не все получили жилье, а многие умерли, так не дождавшись своей очереди. Это и безнравственно ничтожные суммы (1 тыс. рублей) поощрения героям войны. Это и неухоженные могилы павших, и беззубая реакция государства на вандализм в Европе по отношению к памятникам героев-освободителей.

Достоевский не ошибся в оценке морального несовершенства послевоенных поколений, не видящих ничего предосудительного в том, чтобы жарить яичницу на Вечном огне или, подобно волгоградскому десятикласснику, выражать сочувствие оккупантам, пришедшим в нашу страну ради

нашего порабощения и уничтожения. Это и тотальная переоценка ценностей в обществе, от великого ощущения славы победителей до морального банкротства и жажды наживы.

Продолжительный мир не способствует правильному воспитанию. «Наслаждения не утаиваются, а грубеют. Грубое богатство не может наслаждаться великодушием, а требует наслаждений более скромных, более близких к делу, то есть к прямейшему удовлетворению плоти. Наслаждения становятся плотоядными. Слостолюбие вызывает сладострастие, а сладострастие всегда жестокость... социальный перекося во время долгого мира всегда под конец переходит к грубому богатству» [1, с. 143].

К разряду великодушных идей, несомненно, относятся и те, вместилищем которых выступают наука и искусство, которым развиваться в военное время кажется несподручным. Этот аргумент Достоевский опровергает легко и просто. «Наука и искусство именно развиваются всегда в первый период после войны. Война их обновляет, освежает, вызывает, крепит мысли и дает толчок. Напротив, в долгий мир и наука гложет» [1, с. 144].

Мало что можно предложить в противовес этому тезису. Создание атомной и водородной бомбы потребовалось в кратчайшие сроки, и оно случилось. В обычных условиях для подобного рода научных открытий потребовалось бы времени на порядок больше, учитывая многотрудность реализации атомного процесса. В прямой связи с ним находился и проект освоения Космоса. И все прорывные деяния в этих сферах находились в прямой связи с Великой Отечественной войной. Не вдаваясь в подробности, ограничимся тем, что в последние десятилетия былых успехов в области фундаментальных достижений мы не наблюдаем.

Достоевский предсказывал, что в мирное время в науке появляется зависть, шарлатанство, погоня за эффектом, а сильнее всего утилитаризм, потому что захочется обогащения.

«В искусстве то же самое: такая же погоня за эффектом, за какой-нибудь утонченностью. Простые, ясные, великодушные и здравые идеи будут уже не в моде: понадобится искусственность страстей. Мало-помалу утратится чувство меры и гармонии; явятся искривления чувств и страстей, так называемые утонченные чувства, которые в сущности только их огрубелость. Вот этому-то всему подчиняется всегда искусство в конце долгого мира... Все лучшие идеи искусства даны войной, борьбой» [1, с. 144].

Если обратиться к советскому искусству как примеру для подражания, то мы увидим, что музыкальное искусство, литература, кинематограф достигли своего высшего подъема во время и после войны. «Вставай, страна огромная», «Ленинградская симфония», «Синий платочек», «Судьба человека», «Русский характер», «В шесть часов вечера после войны», «Весна на Заречной улице», «Летят журавли», «Дом, в котором я живу» – шедевры военной и послевоенной музыкальной культуры, литературы и кино стали возможными лишь в силу того трагического и триумфального времени.

Более авторитетной, чем наука и искусство, сферой человеческого бытия выступает религия, для нашего народа христианство. Согласно Достоевскому, христианство само признает факт войны. Иисус говорит: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч...» [3, с. 719]. В высшем, нравственном смысле оно отвергает войны и призывает к братолюбию. Достоевский говорит, что он возрадуется, когда мечи перекуют на орала. Но когда это случится? Вероятно, в отдаленном будущем. А теперь стоит ли перековывать мечи на орала? «Теперешний мир, – считает мыслитель, – всегда и везде хуже войны, до того хуже, что даже безнравственно становится под конец его поддерживать: нечего ценить, совсем нечего сохранять, совестно и пошло сохранять» [1, с. 144].

Из богатства и грубых наслаждений проистекают лень, трусливость, беспутство и бесчестность. Вовсе не парадоксом является, что со временем появляется жажда войны, любовь к власти, рассматриваемые как лидерство. Из войны рождается братолюбие и единение народов. Война побуждает народы к взаимному уважению. Война освежает людей. Человеколюбие всего больше развивается лишь на поле битвы. Это даже странный факт, что война менее обозляет, чем мир... после войны все как бы воскресает силами. Экономические силы страны возбуждаются в десять раз... Пострадавшим от войны сейчас же и все помогают, тогда как во время мира целые области могут вымирать с голоду, прежде чем почешемся или дадим три целковых» [1, с. 145].

Справедливости ради стоит сказать, что в войну народ неимущий страдает больше всех, испытывает разорения и тяготы несравненно большие, чем высшие слои общества. Все это

соответствует действительности, но временно. Народ выигрывает гораздо больше, чем теряет. Достоевский настаивает, что для народа война оставляет самые лучшие и высшие последствия. Дело в том, что неравенство людей в буржуазном обществе неустранимо, как ни старайся. Единственное лекарство – война. Это лекарство – паллиативное, временное, но отрадное для народа. «Война поднимает дух народа и его сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства – в жертве жизнью за общее дело, за всех, за отечество» [1, с. 146]. Во время войны наступает полное равенство героизма. Пролитая кровь – священна. Взаимный подвиг великодушия порождает самую твердую связь неравенств и сословий. Помещик и мужик, сражаясь вместе в 1812 году, были ближе друг к другу, чем у себя в деревне, в мирной усадьбе. «Война есть повод масс уважать себя, а потому народ и любит войну: он слагает про войну песни, он долго потом заслушивается легенд и рассказов о ней... пролитая кровь важная вещь! Нет, война в наше время необходима» [1, с. 146].

В последующей строке великого мыслителя заложена ключевая мысль. Фактор времени всегда является важнейшим для каких бы то ни было выводов и истин. Эксплицировав из эстетически уродливого явления войны ее нравственные достоинства, Достоевский проявил достаточно мудрости, чтобы отмежеваться от особого вида войны – войны гражданской, братоубийственной. Писатель назвал такую войну ненавистной, омертвляющей и разлагающей государство и на целые столетия озверевшей народ [1, с. 142].

Долгое время советских людей воспитывали на героизации гражданской войны. Чапаев и Щорс, Буденный и Котовский были любимыми героями для подрастающих поколений. Потребовалось время для переосмысления феномена гражданской войны и признания правоты Достоевского. Гражданская война была для нас трагедией, разделившей народ на «своих» и «чужих», принесшей стране неисчислимые бедствия, сформировавшей на несколько поколений вперед бинарное общественное сознание.

Мыслитель высказывал свои идеи в последней трети XIX века, и они, безусловно, соответствуют правде разума и правде сердца. Но историософские источники ограничены историческим временем. Достоевский, по известным причинам, не мог в свой анализ включить опыт Первой и Второй мировых войн XX века, положивших на алтарь жертв и мук десятки миллионов жизней. Возможность ядерной войны и тотальной гибели всего человечества также оказываются вне пределов его философской мысли. В теперешних условиях, в эпоху глобального постмодернизма, меркнут классические подходы и оценки, в том числе и таких гениев, как Федор Михайлович Достоевский. Возможно, он пересмотрел бы некоторые свои определения. Но в главном он все же навсегда останется прав: «не всегда надо проповедовать один только мир, и не в мире одном, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть» [2, с. 116].

Список литературы

1. Достоевский, Ф. М. Дневники писателя. 1876 год / Собр. Соч. в пятнадцати томах. Т.13. – Санкт-Петербург: «Наука», 1994. – 542 с.
2. Достоевский Ф.М. Дневники писателя. 1876 год / Собр. Соч. в пятнадцати томах. Т.14. – Санкт-Петербург: «Наука», 1995. – 783 с.
3. Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 34 // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. «Благая весть. – Дилленбург», 2002. – 921 с.
4. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М.: Эксмо, СПб.: Мидгарт, 2007. – 864 с.

Статья поступила в редакцию 25.05.2021

Chemshit, A. A., Chemshit, D. A. F. M. Dostoevsky: the Moral Dimension of War

The article deals with Dostoevsky's philosophical views on the essence of war. Political international and patriotic wars are viewed as a historical necessity. The moral content of the war is considered in its necessity. War, with the exception of civil war, carries values such as generosity and sacrifice as opposed to idleness and acquisitiveness in peacetime. War is the engine of the arts and sciences, which in peacetime experience stagnation. Blood shed together for the good of the Fatherland palliatively eliminates inequality and elevates the spirit of the people, their human dignity.

Keywords: war, peace, Fatherland, ideals, self-sacrifice, generosity.

УДК [141.5+322](470+570)(94)

Статья посвящена проблематике взаимодействия государства и церкви, которая занимала одно из центральных мест в развитии русской религиозно-философской мысли. Основное внимание уделено анализу различных подходов к решению данной проблемы в отечественной философии. Утверждается, что церковь является духовной основой развития государства, а отделение церкви от государства является ошибкой. Государство лишается при этом не только своей духовной основы, но и импульса к развитию и преобразованию

Ключевые слова: государство, церковь, власть, народ, Бог.

С. В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: serzh.chugunov.62@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ

Проблема взаимодействия государства и церкви, политической власти и религиозной веры являлась одной из центральных в развитии русской религиозно-философской мысли. Анализируя эту проблему, А. С. Хомяков отмечал, что личность в христианстве стремится к возвышению над миром физических предметов, наделена бессмертием и имеет в форме высшего смысла своего индивидуального бытия – бесконечный процесс нравственного самосовершенствования по закону любви. Отечественный философ указывал, что церковь, таким образом, является институтом нравственным, тогда как государство строится на формально-юридической основе. Деятельность государства не всегда способствует духовному развитию человека, его стремлению к проявлению нравственных норм поведения. Политические реформы правительства привели к разделению общества на антагонистические социальные группы, отрыву высших слоев власти от народа, ограничению свобод.

Свобода как внутреннее основополагающее свойство человека не имеет смысла для индивидуальной ценности. Человеческая личность, осуществляя деятельность, не всегда ощущает свою свободу, и только, будучи включенной в конкретные отношения, она может быть свободной или нет. Соборное единство может рассматриваться, как те конкретные отношения и взаимодействия, которые позволяют человеку осознать условия и границы своей личной свободы. Русский философ писал: «В Церкви, в ее целостности, является полнота свободы в Иисусе Христе; является свобода, сознающая себя всегда непогрешимой, в настоящем, как и в прошедшем, и уверенная всегда в себе самой и в дарах Духа Божия. В отдельном лице является смирение свободы христианина, который, будучи силен убеждением, что для Церкви заблуждение невозможно, приносит свою дань в общее дело, почитает себя всегда ниже своих братьев, покоряет им свое собственное мнение и просит у Бога только сподобить его послужить органом веры всех» [5, с. 225]. Человек, как составная часть церковного духовного единства, способен реализовать все «богатство» своего внутреннего мира. Философ подчеркивал, что вне церкви духовное творчество личности реализуется не полно.

История человечества не является примером противостояния веры и власти. Наоборот, вера рассматривалась как основа укрепления власти, а власть, как защитница веры. Церковь не должна рассматриваться как авторитет, она, скорее, выражает истинную цель индивидуальных духовных стремлений. Человек идет к истине, а путь к истине и есть его индивидуальная свободная жизнь. Хомяков подчеркивал, что церковь не требует и не может требовать принужденного единства или принужденного послушания. В вопросах веры принуждение рождает раболепие, а не истину. Принужденное послушание, как возможный результат ведет к страху перед наказанием, а не к любви к Богу. Отечественный философ указывал, что все признаки церкви, как внутренние, так и внешние, познаются только ее самой или теми, кто является ее членами. Для далеких от церкви людей, они являются непонятными, так как непосвященные не владеют знанием о единстве веры и божественной любви. Тот, кто отрекся от духа любви и лишил себя божественной благодати, не может иметь внутреннего знания, называемого философом, верой, поэтому он наделен только знанием внешним. «Внешнее знание» ограничено и не способствует постижению, как тайн божественного бытия, так и духовных обрядов и деяний церкви.

Православная церковь не стремилась к социально-политической власти, она является олицетворением духовного единства, а не социального разобщения. В своей личной жизни люди

совмещают обязанности двух обществ, неразрывно соединенных, и требующих подчинения. Поэтому, каждого человека, одновременно, можно назвать гражданином обоих обществ, совершенного небесного – церкви, и несовершенного земного – государства. Человеку, свойственно, совершать ошибки, но без возможности ошибки, нет стремления к нравственному и духовному поиску. Участь же общества гражданского зависит от того, какой духовный закон признаётся его членами и как высока нравственная степень их поведения и действий. Таким образом, философ подводил к идее высказанной Чаадаевым, конкретный человек не может быть изолированным от целого. Соборный человек преодолевает ради любви к Богу соблазн обособления. Полнота человеческой жизни заключается в двух путях его самореализации: с одной стороны, в мире физических предметов, с другой – в едином церковном соборном мире.

Критикуя западное христианство, Хомяков отмечал, что его характерными чертами являются стремление к подавлению человеческой индивидуальности, ограничение личной свободы, разрушение единства. Истинная вера не должна строиться на страхе перед божественным наказанием. Страх рождает недоверие и сомнение, а не любовь к Богу. Страх подавляет волю, как источник свободного выбора. Католицизм, признавая как основу принцип внешнего авторитета, разрушает единство. В свою очередь протестантизм, признавая индивидуальную свободу и выбор, также не способствует единству в вере.

Социальным выражением соборности отечественный философ считал общину. После петровских реформ в развитии государства, как указывал Хомяков, произошли негативные социальные изменения. Правительство, а вместе с ним и верхние социальные слои, отделились от народа, их пути разошлись, и прежнего доверия между ними нет. Отношения между государством и народной общиной стали более формальными и ограниченными. В государстве стало преобладать «отрицательное начало», разъединяющее людей, тогда как в общине всегда действовали созидательные силы, способствующие единству. Общинная деятельность не должна соединяться с задачами государства, чтобы сохранить свое назначение. Положительная сторона деятельности государства заключается лишь в том, что оно берет на себя весь груз решения политических вопросов, оставляя общество и общинные отношения вне этих проблем.

Как и Хомяков, Ю. Ф. Самарин подверг критике отношение к церкви как учреждению. По его мнению, такое отношение является не только не верным, но и пагубным, разрушающим представление о истинном значении церкви как духовного организма. Церковь не может определяться как учреждение по трем основным причинам. Во-первых, она не система; во-вторых, не является доктриной; в-третьих, церковь, выражающая истину и любовь, есть «живой организм».

В. С. Соловьев подчеркивал, что церковь и государство являются частью одной богочеловеческой организации, правда, имеют они разное предназначение. Церковь занимается духовной сферой жизни человека, а государство создает условия для его физического существования, основу для прямого соотношения человеческой воли с высшим началом. Деятельное проявление этой воли, как отмечал русский философ, возможно только благодаря государству, поэтому оно связано с божественным началом. Так как в христианском государстве нравственные принципы выступают как основа развития, и общественных отношений, и духовной стороны бытия человека, то должны различаться политическая и религиозная сферы и два их непосредственных мотива: жалость и благочестие. Церковь – это собирательно-организованное благочестие, а государство – собирательно-организованная жалость, поэтому, сделал вывод философ, церковь не может отрицать государство, ибо она не может отрицать жалость.

В христианском государстве правитель является выражением обязанностей общества перед церковью. В тоже время Соловьев предупреждал, что в процессе образования государственного строя возможны коллизии, когда новому порядку, приписывают абсолютное значение, и государственный закон ставят выше закона естественного, поэтому в христианском государстве правительство обязано верить в церковь, но не с юридической стороны, а с нравственной. От церкви христианское государство получает высшую цель и смысл своей деятельности. Интересы государства и церкви могут сближаться, если целью развития является распространение христианства в мире и сближение народов.

Отечественный философ отрицал идею полного разделения церкви и государства. Отделенное от церкви государство лишается нравственного обоснования своей деятельности, что, в конечном итоге, приводит к постепенной его духовной деградации. А церковь, в свою очередь, может лишиться стимула активного противостояния проявлениям социального насилия и ограничения духовной свободы людей.

Поставив вопрос о взаимодействии церкви и государства, Соловьев, обратился к определению принципов развития церковно-государственных отношений. Он писал: «Итак, нормальное отношение между Церковью и государством состоит в том, что государство признает за вселенскою Церковью принадлежащий ей высший духовный авторитет, обозначающий общее направление доброй воли человечества и окончательную цель ее исторического действия, а церковь предоставляет государству всю полноту власти для соглашения законных мирских интересов с этою высшею волей и для сообразования политических отношений и дел с требованиями этой окончательной цели, так чтобы у церкви не было никакой принудительной власти, а принудительная власть государства не имела никакого соприкосновения с областью религии» [2, с. 412]. Определив основные стороны взаимодействия церкви и государства, русский философ, указал на особенности существования христианского государства. Христианское государство строится на принципе христианского мира, поэтому войны, как проявление стремления к господству, в нем не допустимы. Христианская церковь не должна допускать любые формы проявления рабства и господства одного социального слоя населения над другим. Правовая система государства не может быть построена на принципе наказания из-за чувства мести.

Несмотря на теоретическую основу, католический путь веры Соловьев считал не верным. По его мнению, Римская церковь поддалась искушению религиозного властолюбия и стремилась покорить остальной нехристианский мир. Такой способ философ назвал путем скрытого неверия, стремлением средствами насилия привести к вере и любви к Богу. Протестантизм, основанный на принципе личного отношения к Богу, призывает признать критерием истинности веры – Священное писание. Но, как подчеркивал русский философ, любая книга требует понимания и размышления, таким образом деятельность разума становится критерием для веры, источником религиозной истины. Протестантская вера – это путь разума, а не сердца; рационализм, скорее отрицающий христианство, чем укрепляющий его основы.

Характерной чертой Православия является стремление к слиянию божественного и человеческого начал. Правда, человеческое начало, в восточном христианстве русский философ считал не развитым, так как в основном к вере люди приходили сознательным путем. Христианство, как богочеловеческая религия предполагает не только действие бога, но и активность людей. Духовный подъем не должен быть только внешним фактом. Для любого человека – это задача, которую необходимо решить. Быть активным для человека означает стремление проявлять свою свободную волю через созидание. Созидание невозможно без понимания истины, передаваемой из поколения в поколение. Этот процесс требует осознания необходимости единства. Поэтому личная свобода, как считал Соловьев – это процесс активного творчества на основе познания единства с Богом и другим людьми.

В отличие от Ф. М. Достоевского, видевшего свободу и зло равноправными, у Соловьева свобода не всегда сопровождается злым началом. Зло допущено богом, как преходящее условие свободы. Свобода каждого существа заключается в самоутверждении, которое реализует себя, с одной стороны, как стремление к независимости от всего окружающего, а, с другой стороны, как желание стать всем, привести свою волю в согласие со всем миром. Но последнее желание, по сути, означающее приведение мира в единство с собой, вообще говоря, и является правильной целью нашей свободы. Только в условиях мира, разделенного на отдельные элементы, эта цель реализуется через подчинение этих элементов мира себе, а это уже является злом. Отечественный философ, таким образом, сделал вывод, что зло связано с «неправильной» реализацией нашей свободы, и причина этой «неправильности» заключается в жестком разделении друг от друга существ обладающих свободой.

Идея Соловьева о возможности слияния церквей и построения единого теократического общества была связана с его увлечением иудаизмом. Иудаизм, с одной стороны, способствует развитию духовного начала в человеке, а, с другой стороны, постижению истины Христа. Реализация идеи, по его мнению, является возможной только при взаимодействии трех социальных сил: церкви, государства и народа. Церковь направляет, государство реализует, народ активно действует. Только в этом случае теократия будет охватывать все стороны социальной жизни. Препятствием для теократии является не только разобщение церквей, но и различие национальных интересов. Национальный эгоизм может быть преодолен путем соединения вселенского христианства с патриотизмом. В результате, не только народ, но и каждая личность обретает связь с Богом и становится носителем божественной благодати. Характеризуя идею Соловьева о вселенской теократии, Е. Н. Трубецкой писал: «Теократия, как таковая, была изобличена и развенчана; в этом пришлось убедиться самому Соловьеву» [3, с. 336].

Н. А. Бердяев определял государство как социальный организм, основанный на силе насилия. Сила необходима для поддержания и укрепления авторитета власти, без которого государство не смогло бы выполнять свои функции. Возрастание силы и мощи государства, по мнению русского философа, является проявлением его «демонической силы», которая может быть, как основой процветания, так и причиной гибели.

Идеальной формы государства не существует, оно не является формой проявления социального добра и справедливости. По своей природе, как подчеркивал философ, государство двойственно. С одной стороны, оно борется с проявлениями злой воли, противостоит стремлениям к проявлению внешнего насилия. С другой стороны, государство само может быть источником этого насилия, поэтому «заражено грехом». Философ подчеркивал: «Государство двойственно, оно и борется с последствиями греха, ставя внешние пределы проявлению злой воли, и само заражено грехом и отражает собой греховность» [1, с.173]. Критерием проявления греховности государства является степень его властолюбия. Демократическое государство, также как монархическое, по своей сути есть государство кесаря. Властолюбие и тирания, неуважение к личности и индивидуальной свободе может проявляться в обеих этих формах государственной власти. Стремление подавлять и властвовать над судьбой человека характерно для государства, но не связано с деятельностью церкви, которая опирается на отношения любви. Государство признает силу закона, а не божественной благодати.

Бердяев указывал, что социальная жизнь людей имеет два начала: любовь и стремление к преобразованию жизни, и свободу, с охраняющим ее основу правом. Государство не может рассматриваться как носитель социальной любви и, только отчасти связано со свободой и правом, постоянно их нарушая.

Отношения церкви и государства философ назвал парадоксальными. В историческом отношении церковь является частью государства, подчиняется его законам, выполняя функцию нравственно-духовной основы социальной жизни. В этом заключается историческая трагедия церкви. Являясь частью бесконечного проявления божественного мира, церковь вынуждена существовать в условиях проявления конкретных социальных отношений. Неслучайно в различные исторические эпохи предпринимались попытки «обожествления» государства и власти. Священному государству и божественному монарху приписывалось право управления душами людей и забота об их спасении, т. е., как указывал философ, на государство переносились функции, принадлежащие церкви.

В тоже время духовная церковь, как проявление вселенского духа не может в качестве части не включать в себя государство, как результат развития социальных взаимодействий между людьми. Государство не является творением Бога, а власть, дарованной божественной волей. Насилие и тирания не должны признаваться результатами божественных деяний. Никакое обоготворение власти монарха, класса, или народа, по мнению Бердяева, не может быть связано с положениями христианства. Единственный принцип, который поддерживается христианскими нормами, это признание прав и индивидуальных свобод человека.

Отношение к человеку, к его жизни и судьбе – это пример резкого отличия церкви от государства. Индивидуальная жизнь человека, его внутренний мир для государства не имеют значения. Оно не в состоянии признать уникальных индивидуальных прав личности. Тогда как для церкви в иерархии высших духовных ценностей, первое место принадлежит личности, а развитие ее духовного мира и свободной творческой деятельности – одной из главных задач.

С. Л. Франк выделил три определения церкви. Для верующих, церковь – это подлинная, богочеловеческая реальность, духовный организм, выражающий единство человеческих душ в Боге. В этом значении церковь проявляется в разнообразных формах вероисповедания, исключая различные религиозные общины и секты. Для неверующего человека церковь представляется, как простое социальное явление, союз верующих людей, одно из множества общественных объединений. Философ указывал, что эти два подхода не противоречат друг другу, так как являются различными сторонами одной и той же реальности.

Социально-философское определение, также не противоречит двум первым подходам. По мнению отечественного философа, в его основе лежит догматическое учение о двух церквях: видимой и «невидимой». «Невидимая» церковь включает в себя всех верующих, как живых, так и умерших, ветхозаветную церковь, богоизбранный народ Израиля, продолжением которого является новозаветная церковь. Социально-философский подход рассматривает церковь как наличие божественного начала в общественном объединении людей. Он объединяет в себе два первых подхода. Во-первых, это не просто союз верующих, а первичное единство. Во-вторых, не просто человеческое, а богочеловеческое единство, как утверждение человеческой жизни в Боге. В- третьих,

в значение этого понятия могут быть включены все религиозные организации вне зависимости от содержания их веры. Более того, как писал Франк: «И даже идолопоклонство как в буквальном смысле этого слова, так и в переносном, современное идолопоклонство – (всякого рода атеистическая и даже богоборческая вера) в известном смысле еще подходит под это формальное понятие церкви, ибо всякое единство людей в вере, всякое слияние душ в святыне, которой они живут, как бы обманчива ни была эта святыня, все же содержит в себе, кроме чистого человеческого начала, начало сверхчеловеческое – отблеск, хотя бы слабый, искаженный и даже совершенно извращенный, самого Божества в человеческих мыслях» [4, с. 191]. Такое понимание церкви, действительно позволяет говорить о ней, как силе связующей и духовно направляющей общественную жизнь.

Используя принцип всеединства, философ определял государство, как многоединство в проявлении общественной воли. Основу государства составляет власть, как особый вид социального органа, направленный на планомерное укрепление государства. Причиной возникновения государства является сознательное понимание возможной внешней опасности и стремление к защите. Источник – личная инициатива, которая проявляется в постепенном объединении разрозненных социальных сил в единое государство.

Свой авторитет государство укрепляет путем введения законодательства, распространяя его на все стороны общественной жизни. Благодаря праву, государство защищает свои интересы, и способствует духовно-творческой деятельности граждан. В тоже время отечественный философ отмечал, что деятельность государства не должна препятствовать свободному развитию духовно-творческой деятельности граждан, в том числе и религиозному.

Отделение церкви от государства является ошибкой. Государство лишается при этом не только своей духовной основы, но и импульса к развитию и преобразованию. Для политического изменения общества, как считал Франк, необходимыми условиями являются этическая культура и духовная свобода, т. е. те общественные основания, которые формирует церковь.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
2. Соловьев, В. С. Духовные основы жизни / В. С. Соловьев // Сочинения в 3-х томах. Т.3. – М.: Наука, 1992. – 455 с.
3. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – М.: Республика, 1994. – 432 с.
4. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – Нью-Йорк, 1988. – 316 с.
5. Хомяков, А. С. Избранные произведения в 2-х т. Т.1 / А. С. Хомяков. – М.: АСТ, 2010. – 445 с.

Статья поступила в редакцию 8.05.2021

Chugunov, S. V. *Russian Philosophy on the Interaction of State and Church.*

The article is devoted to the problems of interaction between state and church, which occupied one of the central places in the development of Russian religious and philosophical thought. The main attention is paid to the analysis of various approaches to solving this problem in Russian philosophy. It is argued that church is a spiritual basis for the development of state, and the separation of church from state is a mistake. Because state is deprived of not only its spiritual foundation, but also an impulse for development and transformation.

Keywords: state, church, power, people, God.

УДК [004.738.5:81'42]:[614.4:578.834.1]

Актуальность результатов представленного исследования состоит в выявлении тенденций информационной повестки о процессе вакцинирования, выработке коллективного иммунитета в интернет-аудиториях федеральных центров страны. В статье представлены результаты авторского медиа-аналитического исследования социальных медиа федеральных центров – Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя – в декабре 2020 года по поисковым объектам «коронавирус / covid-19» и «вакцина / Спутник V / Sputnik V» с общим объемом загрузки порядка пятиста тысяч онлайн-сообщений. Исследование позволило определить динамику активности, описать особенности трансформации тональности упоминаний, выявить доминантные информационные поводы, их специфику в федеральных центрах. Проведённый авторами киберметрический анализ социальных медиа с использованием системы мониторинга и анализа социальных сетей «Медialogия», интеллектуального анализа больших данных позволил проследить образование медийных и коммуникативных трендов, связанных с неоднозначностью информационной оценки интернет-аудиторией старта массовой вакцинации. Результаты исследования показали динамику реакций, связанную с началом вакцинации, обсуждением тем вакцинирования, дистанционной работы и т.д. Зафиксирована региональность интернет-дискурса: наиболее региональным является севастопольский интернет-сегмент с усиленной концентрацией местного контента, московская и петербургская аудитории в большей степени находятся в федеральном дискурсе.

Ключевые слова: социальные медиа, большие данные, цифровая среда, вакцинация, вакцина Спутник V, Sputnik V, COVID-19

О. В. Ярмак, доцент, канд. социол. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: olga_yarmak@inbox.ru

Д. И. Воронова, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: voronova99_99@bk.ru

Д. М. Евдокимова, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: evdokimovadm@gmail.com

А. Г. Комар, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: komar-anastasija@mail.ru

А. А. Черкесс, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: cherkess0611@gmail.com

ВАКЦИННЫЙ КЕЙС: СОЦИАЛЬНОЕ МЕДИААНАЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-АУДИТОРИЙ МОСКВЫ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И СЕВАСТОПОЛЯ)

Введение. В 2020 году современный мир столкнулся со вспышкой новой коронавирусной инфекции COVID-19. Первые инфицированные были выявлены в декабре 2019 года в городе Ухань провинции Хубэй Китайской Народной Республики. Затем COVID-19 начал стремительно распространяться по всему миру, что привело к тому, что уже 30 января 2020 года Чрезвычайный комитет ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения) объявил глобальную чрезвычайную ситуацию в области здравоохранения [19].

Ситуация, сложившаяся в пандемию новой коронавирусной инфекции, осложнялась еще тем, что не было достаточно достоверной информации как о происхождении вируса, так и о патогенезе заболевания, вызванного COVID-19. Исследования по этой теме позволили выделить некоторые особенности, связанные с эпидемиологией данной вирусной инфекции: было установлено, что вирус

COVID-19 чаще всего поражает пожилых людей, чаще болеют мужчины. Это может быть обусловлено тем, что у этих лиц отмечается более высокий уровень экспрессии ACE2 [1].

Быстрота распространения инфекции, отсутствие эффективного лечения и способов профилактики, вынудили весь мир задуматься о создании эффективной вакцины от данного заболевания. Первой страной, которой удалось произвести и доказать эффективность разработанной вакцины от COVID-19, стала Российская Федерация.

11 августа 2020 года Минздрав РФ зарегистрировал первую в мире вакцину от COVID-19, которая получила название Гам-КОВИД-Вак (лат. «Gam-COVID-Vak») или Спутник V. Данная вакцина была разработана Национальным исследовательским центром эпидемиологии и микробиологии имени академика Н. Ф. Гамалеи. В Российской Федерации вакцинация от коронавируса является бесплатной и исключительно добровольной, что подтверждает Конституция РФ. Кроме того, Президент РФ В. В. Путин на Совете с членами Правительства 11 августа 2020 года подчеркнул, что вакцинация на территории Российской Федерации является исключительно добровольной.

Актуальность данного исследования состоит в выявлении тенденций в информационной повестке о процессе вакцинирования, выработке коллективного иммунитета и противодействия распространению коронавирусной инфекции в интернет-аудиториях федеральных центров страны. Определение динамики активности, описание особенностей трансформации тональности упоминаний, выявление доминантных информационных поводов, отражающихся в медиа-дискурсах, их специфики в регионах и федеральных центрах. Анализ данных характеристик поможет понять, как пользователи интернет-сети реагируют на ту или иную новостную повестку, изучить сходства и различия в реакциях, понять, присутствует ли в них региональность.

Теоретическая основа исследования. При проведении данного исследования мы ориентировались на работы Д. Белла [2], Ж. Бодрийяра [4], Г. Вайнштейна [7, с. 16–27.], Э. Гидденса [9], М. Кастельса [11], М. Маклюэна [13], Э. Тоффлера [17, 18]. Для осуществления анализа информационных потоков Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя авторы обращались к работам отечественных исследователей Е. В. Бродовской [5], О. В. Ярмач [20], А. И. Ракитова [14], Г. Л. Смоляна [16, с. 32–44.].

Анализируя потоки интернет-сети как нового коммуникативного пространства, авторы обращались к сетевым теориям, методология которых была заложена М. Грановеттером [22, с. 25 – 56], М. Кастельсом [10] и П. Лазарсфельдом [25]. Кроме того, считаем необходимым применить идеи П. Бурдьё, который считал, что современный интернет оказывает информационно-психологическое воздействие как на индивидуальное, так и массовое сознание [6]. Рассуждения М. Маклюэна о специфике коммуникации в киберпространстве, в том числе политической, важны в ракурсе анализа интернет-контента на коронавирусную тематику [13].

В исследовании были использованы системно-деятельный подход, изучающий интернет-пространство как продукт социальной среды, и сравнительный анализ, с помощью которого был сопоставлен контент интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя. Методами исследования стали контент-анализ, давший возможность оценить настроения московской, питерской и севастопольской интернет-аудиторий; киберметрический анализ и мониторинг социальных медиа, осуществленный с использованием системы мониторинга анализа социальных сетей «Медиадиагностика»; интеллектуальный анализ больших данных.

Представленные данные получены на основании загрузки из автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей в режиме онлайн «Медиадиагностика» по поисковым запросам «коронавирус / covid» и «вакцина / Спутник V / Sputnik V». Обращение к данной автоматической системе мониторинга и анализа СМИ и социальных медиа обусловлено тем, что она предоставляет данные в режиме реального времени, являясь российским лидером в мониторинге и анализе медиа- и интернет-пространства, что обуславливает качественную загрузку именно из Рунета. Подобные данные можно трактовать как «большие социальные данные», позволяющие анализировать взаимодействие человека с коммуникационной средой, его поведение в интернет-сети, что даёт возможность говорить о формировании новой парадигмы общественных наук на теоретико-методологической базе, согласно которой реальность человека не соответствует идеальной упорядоченности, а встроена в информационные и коммуникативные сети.

Но, всё же, большим социальным данным присущ ряд недостатков: во-первых, остаётся открытым вопрос достоверности персональных параметров данных аудитории; во-вторых, присутствует ограниченность аудитории (исследователь работает только с той аудиторией, которая находится в сети); в-третьих, до конца не решена техническая проблема построения механизма

работы алгоритма формирования и выгрузки данных. В связи с этим считаем, что для комплексного решения исследовательской задачи данные анализа социальных медиа должны сопровождаться традиционными социологическими методами.

Понятие коллективного иммунитета и проблема недоверия россиян к коллективной вакцинации. Точный порог уровня вакцинации еще не известен, но, похоже, что странам необходимо будет вакцинировать более 70% для достижения «коллективного иммунитета» против коронавируса [23, 28]. Исследователи утверждают, что сегодня для успешного решения глобальной проблемы широкомасштабной иммунизации против коронавируса крайне важно доверие населения к научным достижениям и к программам вакцинации.

Разработка вакцин является, несомненно, эффективной медицинской технологией. Но для достижения коллективного иммунитета недостаточно только медицинской составляющей, здесь активных политических, социальных, исторических, национальных, религиозных, культурных факторы. В частности, сама категория коллективного иммунитета – эпидемиологическая, означающая выработку эффекта сопротивления распространению инфекции в обществе, где люди уже имеют к данной инфекции личный иммунитет. В процессе выработки коллективного иммунитета немаловажной является коммуникативная составляющая: населению необходимо донести свое мнение до правительства и органов здравоохранения, получить на них реакцию, необходимо осуществить мониторинг социальных сетей, способствующий «выслушиванию» населения [27, 21]. И ключевым в этом процессе является метод социальной медиааналитики и киберметрический анализ [30].

2 февраля 2021 года в журнале «The Lancet» были опубликованы промежуточные результаты исследования фазы III, согласно которым эффективность вакцины «Спутник V» составила 91,6 %, а эффективность вакцины против средней или тяжелой степени COVID-19 – 100 % [26, 24]. Однако, несмотря на признание российской вакцины во всем мире, российские граждане не спешат массово вакцинироваться.

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), о том, как россияне относятся к вакцине от коронавируса и планируют ли пройти вакцинацию на 23 декабря 2020 года, россияне были хорошо проинформированы о начале масштабной вакцинации от коронавируса вакциной российского производства – в той или иной степени об этом слышали 97%, причем более половины сообщили о высокой степени информированности (58%). Тем не менее, собирались сделать прививку вакциной от коронавируса 38% опрошенных в возрасте от 45 до 59 лет (44%) и 60+ лет (49%). Не желали делать прививку 52% респондентов в основном молодые россияне 25-34 лет (70%) [15].

Если бы для вакцинации были предложены на выбор российская или иностранная вакцина, 84% среди тех, кто собирался сделать или уже сделал прививку, отдали бы предпочтение отечественной, а 7% – иностранной (чаще россияне в возрасте 18-24 лет – 23%).

Среди тех, кто планировал пройти вакцинацию, треть рассчитывали сделать прививку в 2020 году и треть до марта 2021 года, то есть в ближайшем будущем. Те, кто не собирался вакцинироваться, руководствовались в первую очередь тем, что вакцина не до конца изучена, нужно посмотреть, как она будет работать (23%), общим недоверием и страхом перед вакцинацией (16%), наличием противопоказаний (13%) [15].

Совершенно иная картина в результатах исследования ВЦИОМ от 29 апреля 2021 года. Положительно отнеслось к массовой вакцинации абсолютное большинство россиян (65%). Подавляющее большинство респондентов (70%) убеждены, что массовая вакцинация позволит предотвратить распространение коронавируса и новые вспышки эпидемии. О готовности привиться российской вакциной от коронавируса заявили 46% опрошенных, но все же 39% не стали бы этого делать. К концу апреля уже сделали прививку 11% опрошенных. Наибольший интерес к российской вакцине у людей старшего возраста (от 60 лет и старше), 19% респондентов в этой возрастной группе уже привились и 52% намерены это сделать [8].

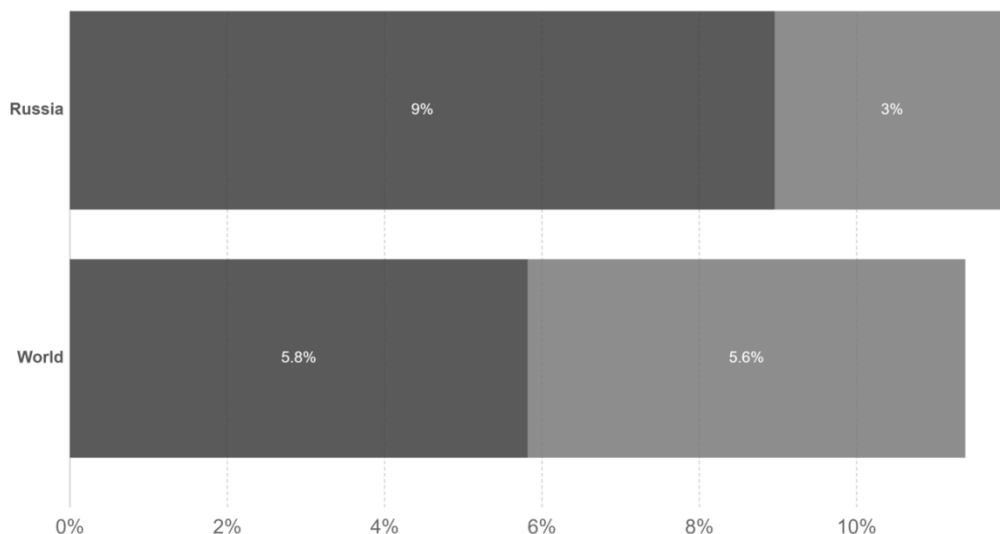
Несмотря на рост интереса у населения к вакцинированию, по официальным данным Our World in Data на 4 июня 2021 года, процентное количество россиян, получивших обе дозы препарата против коронавирусной инфекции, не достигает и 10% от общего количества жителей страны (рис. 1) [29].

Share of people vaccinated against COVID-19, Jun 4, 2021

This data is only available for countries which report the breakdown of doses administered by first and second doses.

Our World
in Data

■ Share of people fully vaccinated against COVID-19 ■ Share of people only partly vaccinated against COVID-19



Source: Official data collated by Our World in Data

CC BY

Рис. 1. Доля людей в РФ и мире, вакцинированных против COVID-19 на 4 июня 2021 г.

Характеристика исследования. В процессе анализа интернет пространства социальных медиа Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя в период с 01.12.2020 по 23.12.2020 г. по поисковым объектам «коронавирус / covid-19» и «вакцина / Спутник V / Sputnik V». Общий объем выгрузки составил 411 476 онлайн-сообщений, из них:

- в интернет-сегменте Москвы – 193558 онлайн-сообщений по поисковым объектам «вакцина / Спутник V / Sputnik V»);
- в интернет-сегменте Санкт-Петербурга – 150943 онлайн-сообщений (109199 по поисковым объектам «коронавирус / covid-19» и 41744 по поисковым объектам «вакцина / Спутник V / Sputnik V»);
- в интернет-сегменте Севастополя – 66975 онлайн-сообщений (63 870 по поисковым объектам «коронавирус / covid-19» и 3105 сообщений по поисковым объектам «вакцина / Спутник V / Sputnik V»).

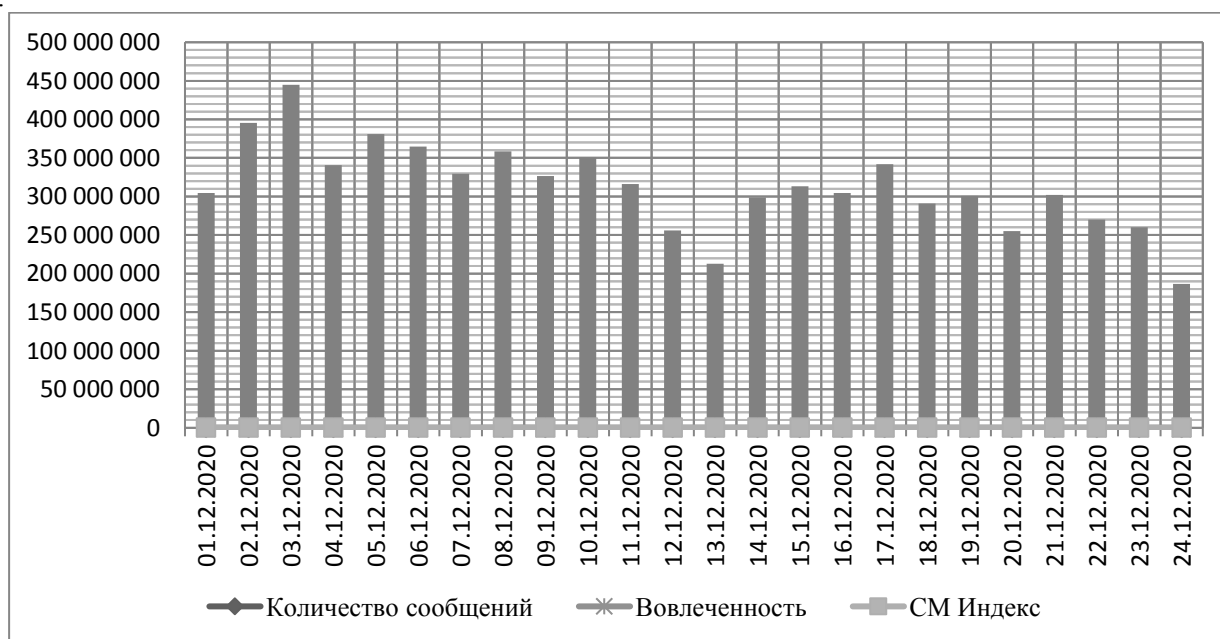


Рис. 2. Ключевые показатели по поисковому запросу «вакцина / Спутник V / Sputnik V» (интернет-сегмент Москвы, за период 01.12.2020 – 24.12.2020 г.)

Реакция на вакцинацию в интернет-сегменте Москвы. 2 декабря 2020 года президент РФ Владимир Путин поручил начать массовую вакцинацию. И уже на следующий день мэр города Москвы Сергей Собянин объявил о том, что с 4 декабря в столице станет доступна электронная запись на вакцинацию от COVID-19 отечественным препаратом «Спутник V», а 5 декабря откроются прививочные пункты. По рис. 2 видно, что данные информационные поводы вызвали резкий информационный скачек.

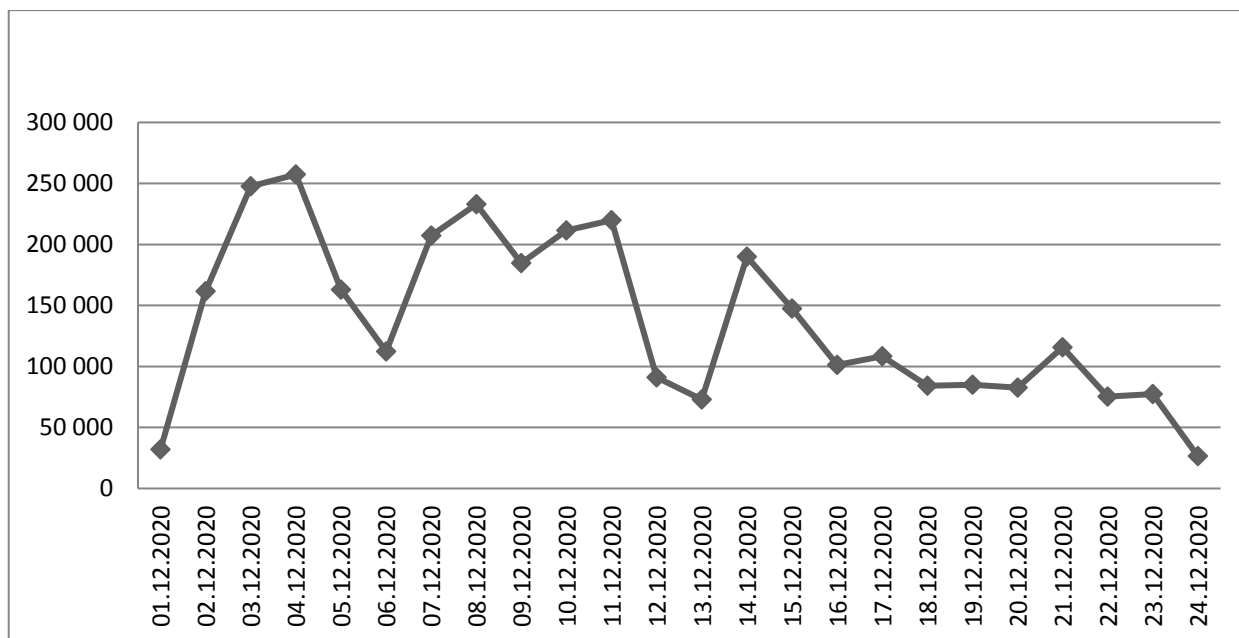


Рис. 3. Динамика упоминаний по поисковому запросу «вакцина / Спутник V / Sputnik V») (интернет-сегмент Москвы, за период 01.12.2020 – 24.12.2020 г.)

Информационные пики декабря прошлого года связаны с началом массовой вакцинации в столице и скором начале вакцинации в регионах. Далее заметен спад, связанный с постепенным привыканием к новостям о вакцинировании.

Обсуждение вакцинации в Москве проходило преимущественно в социальных сетях (порядка 60% информационного пространства), 30% сообщений было размещено в СМИ (рис. 4).

Вакцинный дискурс москвичей присутствовал, в первую очередь, в социальной сети «ВКонтакте», которая популярна у молодых людей до 40 лет, затем – в сетях «Одноклассники» и «Facebook».

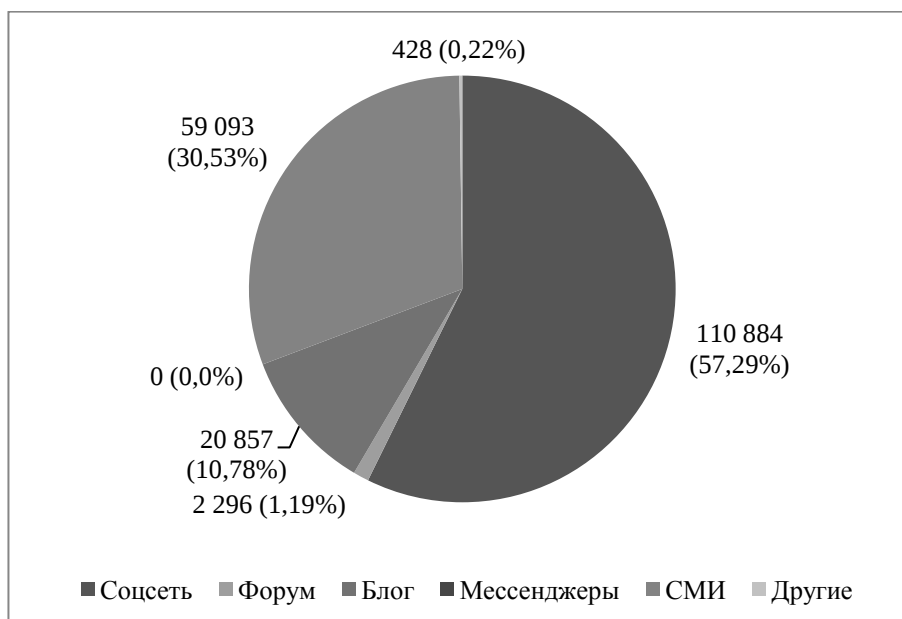


Рис. 4. Количество сообщений и типы медийных площадок по поисковому запросу «вакцина / Спутник V / Sputnik V») (интернет-сегмент Москвы, за период 01.12.2020 – 24.12.2020 г.)

Основными площадками вакцинного дискурса в Москве в начале вакцинации стали, кроме агрегаторов новостей (по типу Seldon.News), ИА Regnum, Россия 24, Рамблер, Дождь, РБК (рис. 5).

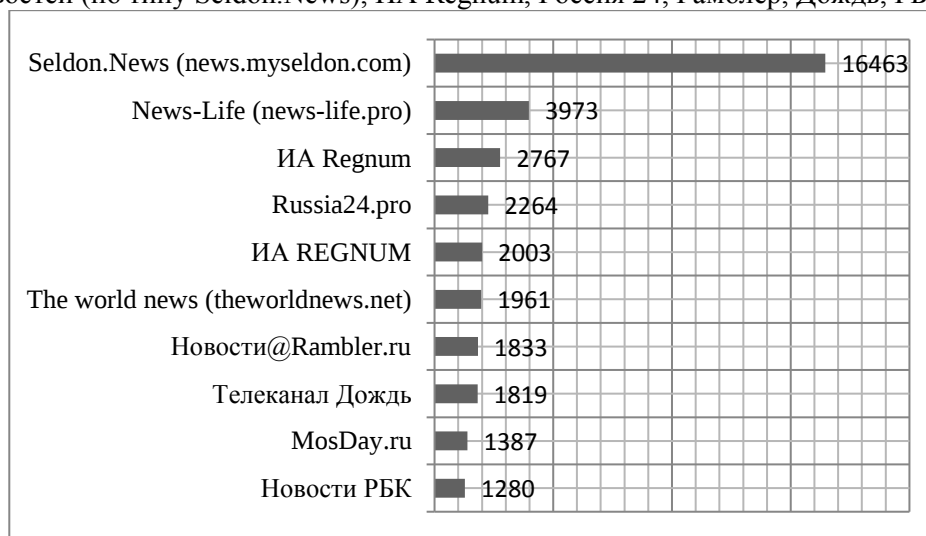


Рис. 5. Медийные площадки СМИ по поисковому запросу «вакцина / Спутник V / Sputnik V») (интернет-сегмент Москвы, за период 01.12.2020 – 24.12.2020 г.)

В тональности интернет-контента наибольший негативный всплеск произошел 9 декабря, когда присутствовало три темы:

- возможность употребления алкоголя в период вакцинации;
- утечка персональных данных пациентов с COVID-19 в Москве;
- причины резкого увеличения смертности в России (рис. 6).

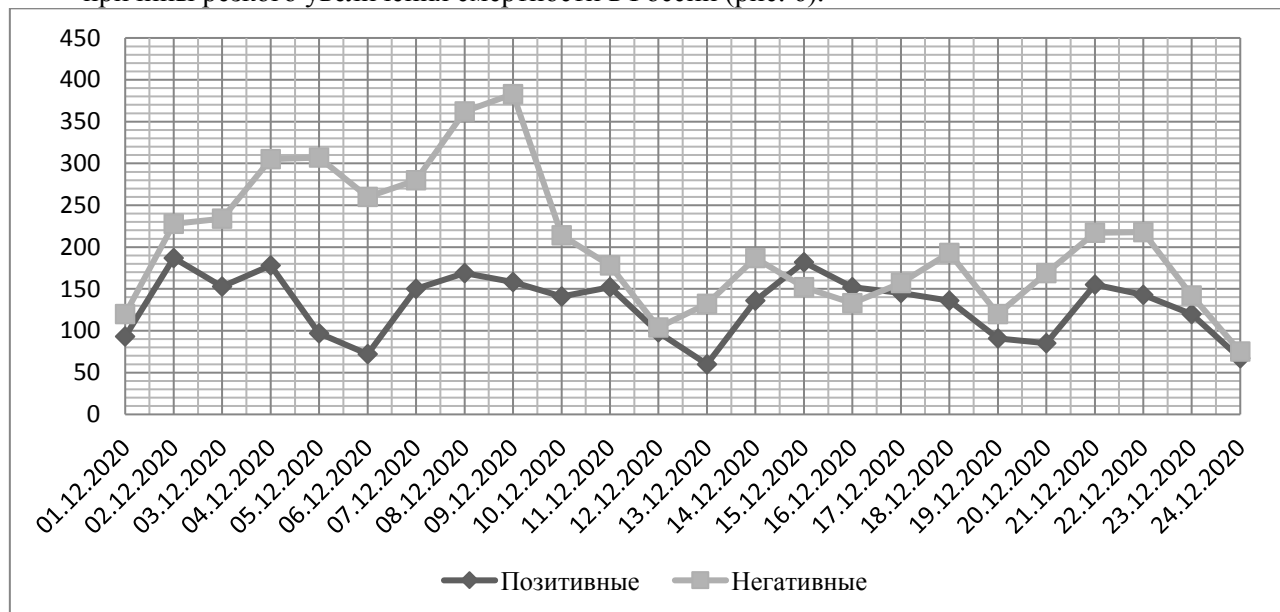


Рис. 6. Тональность упоминаний по поисковому запросу «вакцина / Спутник V / Sputnik V») (интернет-сегмент Москвы, за период 01.12.2020 – 24.12.2020 г.)

Что касается гендерной составляющей вакцинного кейса интернет-аудитории Москвы, то мужчины (53%) и женщины (47%) почти в равной степени обсуждают тему вакцинации.

Реакция на вакцинацию в интернет-сегменте Санкт-Петербурга. Объем интернет-сообщений Санкт-Петербурга по поисковым объектам «коронавирус / covid-19», «вакцина / Спутник V / Sputnik V») в период с 01.12.2020 по 23.12.2020 составил 150 943 сообщений. Темой вакцинации чаще интересуются, в отличие от Москвы, женщины (57%), чем мужчины (43%).

В Санкт-Петербурге более интересуются процедурой вакцинирования люди от 40 и старше. Интерес у питерской молодежи темой коронавируса и вакцинации

незначителен, что опять-таки отличает питерскую и московскую интернет-аудитории (рис. 7).

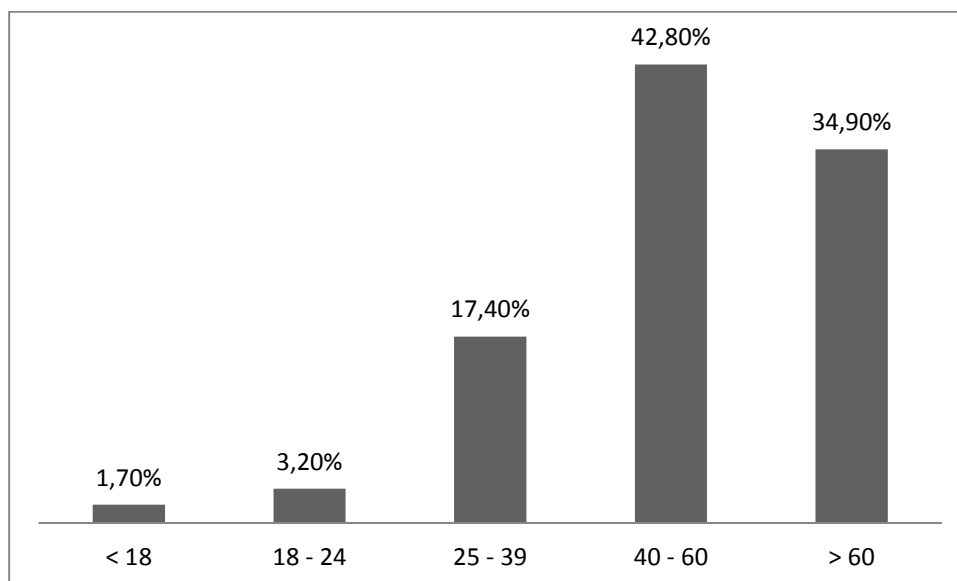


Рис. 7. Возрастное распределение по поисковому запросу «вакцина / Спутник V / Sputnik V» (интернет-сегмент Санкт-Петербурга, за период 01.12.2020 – 24.12.2020 г.)

Динамика информационного поля вакцинного кейса Санкт-Петербурга показала негативные пики 5 и 8 декабря, что связано с заявлением Владимира Путина о начале масштабной вакцинации учителей от коронавируса, а также с выпуском 2 млн. доз вакцины (рис. 8).

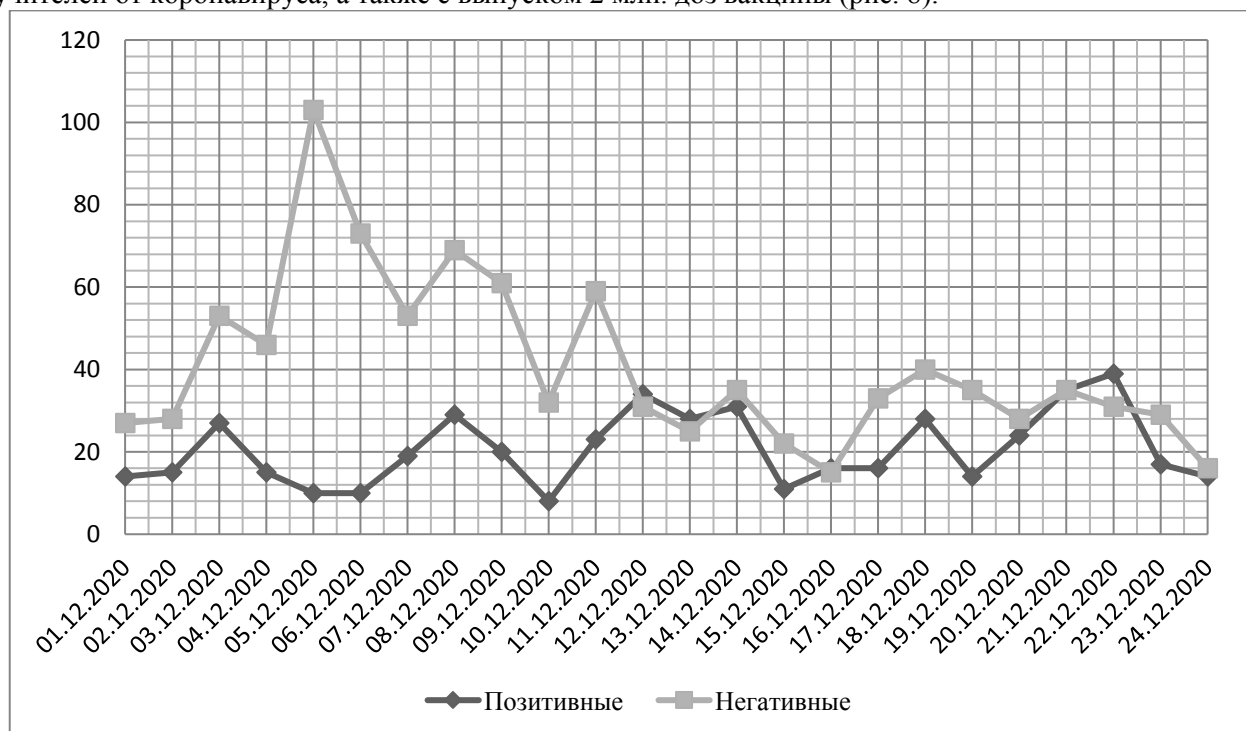


Рис. 8. Динамика позитивных и негативных сообщений по поисковому запросу «вакцина / Спутник V / Sputnik V» (интернет-сегмент Санкт-Петербурга, за период 01.12.2020 – 24.12.2020 г.)

Основными средствами интернет-коммуникации в Санкт-Петербурге, как и в Москве, стали социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Facebook», а также «Twitter».

Анализ интернет-сегмента социальных медиа Санкт-Петербурга отразил информационные тренды, свидетельствующие о повышенном интересе взрослой аудитории к теме ковида и начале вакцинации; о заинтересованности в большей степени у женской части интернет-аудитории; о расширении информационного поля посредством увеличения онлайн-сообщений на тему вакцинирования после заявления президента РФ.

Реакция на вакцинацию в интернет-сегменте Севастополя. Общее количество сообщений по поисковым объектам «коронавирус / covid-19» и «вакцина / Спутник V / Sputnik V») составило 66975 онлайн-сообщений. Как и в Санкт-Петербурге, более заинтересованными в теме вакцинации и коронавируса оказались женщины (66%) – почти в два раза больше, чем мужчины (34%).

70% севастопольской интернет-аудитории ковидного и вакцинного дискурсов составляют люди старше 40 лет (от 40 до 60 лет – 42%, старше 60 лет – 33%). Значимую долю севастопольской интернет-аудитории, как и питерской, составляют люди старшего возраста, что, с одной стороны, отражает возрастную структуру населения города, а с другой, свидетельствует о дисциплинированности советского поколения и повышенного интереса среди людей старшего и пожилого возраста темой вакцинации в связи со смертностью (рис. 9).

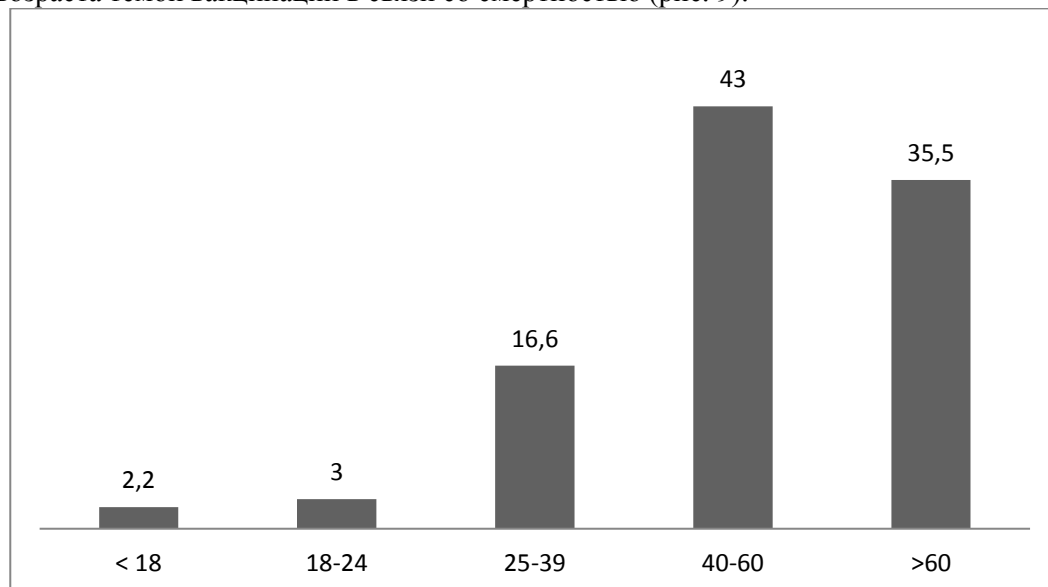


Рис. 9. Возрастное распределение поисковому запросу «вакцина / Спутник V / Sputnik V») (интернет-сегмент Севастополя, за период 01.12.2020 – 24.12.2020 г.)

В начале декабря 2020 года наблюдалась повышенная медиаактивность, связанная с ухудшением эпидемиологической ситуации в городе, разработкой вакцины от коронавируса, грядущей массовой вакцинацией. Информационные пики были связаны с как с региональными информационными поводами (разработка вакцины против коронавируса крымскими учеными; в Севастополе нехватка «скорых»; 2 декабря Севастопольский госуниверситет перешел в дистанционное обучение), так и с федеральными (30 октября в России впервые было выявлено более 18 тысяч новых случаев коронавируса; 4 декабря Президент поручил начать масштабную вакцинацию от коронавируса) (рис. 10).

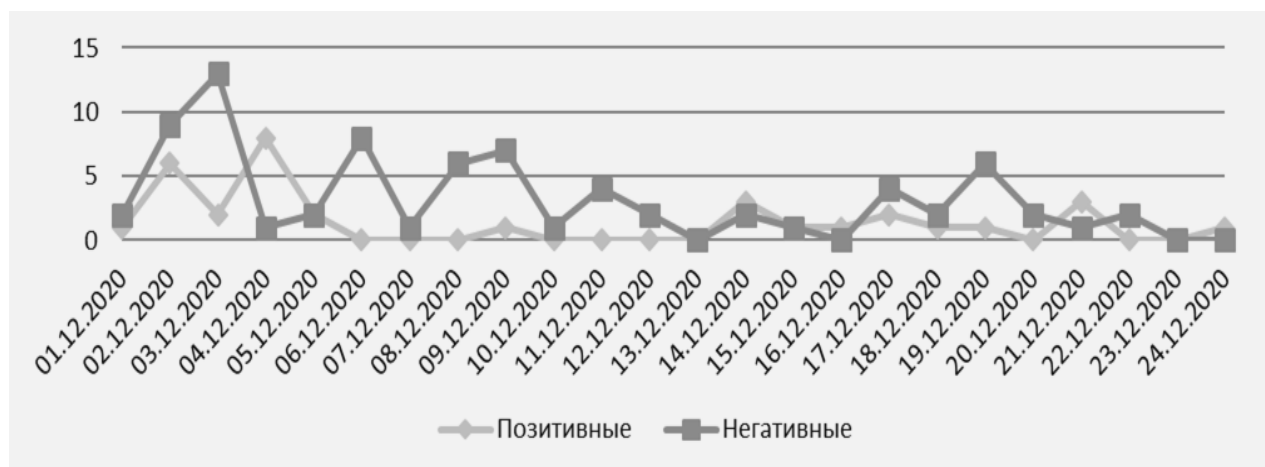


Рис. 10. Динамика позитивных и негативных сообщений по поисковому запросу «вакцина / Спутник V / Sputnik V») (интернет-сегмент Севастополя, за период 01.12.2020 – 24.12.2020 г.)

Самыми популярными севастопольскими интернет-площадками, где обсуждались темы коронавируса и вакцинации, стали социальные сети, региональные форумы и СМИ (рис. 11). На

севастопольских форумах sevpolitforum.ru и forum.sevastopol.info активно обсуждаются все составляющие вакцинного кейса: политическая, экономическая, культурная, историческая и социальная.

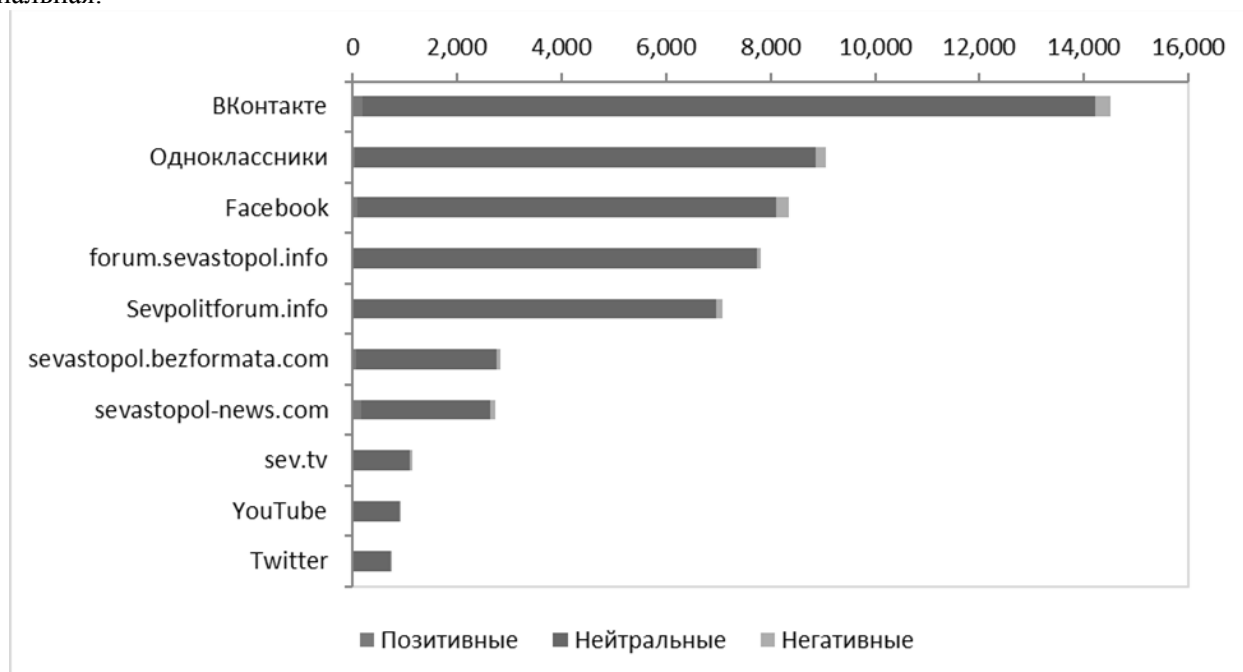


Рис. 11. Топ медийных площадок по поисковому запросу «вакцина / Спутник V / Sputnik V») (интернет-сегмент Севастополя, за период 01.12.2020 – 24.12.2020 г.)

В интернет-сегменте Севастополя исследуемого тематического поля «коронавирус / вакцинация» специфика интернет-аудитории состоит в ее региональности – превалировании региональной медиаповестки над федеральной (освещается работа органов местной власти по борьбе с пандемией, присутствуют конструкты с отсылкой к исторической памяти севастопольцев о прошлых победах, трагедиях и страданиях, объединяющих горожан).

Заключение. Пандемия формирует новую повседневность – меняет основные координаты человеческой жизни: устройство, качество и смыслы. Привычное устройство ломается, качество измеряется новыми критериями, смыслы получают новое наполнение.

В реакциях интернет-аудиторий трёх федеральных городов России – Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, продолжающуюся пандемию коронавируса и грядущую вакцинацию, прослеживаются как сходства, так и различия. Схожесть состоит в динамике реакций на тему вакцинации: сначала всплеск медиаактивности, а затем – спад. Везде всплески связаны с началом вакцинации, объявленной Президентом. Такая же ситуация и с гендерным распределением в городах, в каждом случае женщины выражали большую заинтересованность в освещении и обсуждении тем вакцинирования, дистанционной работы, условий пандемии и т. д.

Говоря о возрастной структуре аудиторий, то более старшие аудитории в Санкт-Петербурге и Севастополе, что говорит об озадаченности вакцинным кейсом и усилением заболеваемости людей старшего поколения.

Отличия состоят в степени региональности интернет-дискурса. Наиболее региональным является севастопольский интернет-сегмент с усиленной концентрацией региональных новостей, критикой местной власти. Московская и петербургская аудитории в большей степени находятся в федеральном дискурсе по вакцинации, обсуждая процесс разработки Спутника V, ее характеристики, побочные эффекты, противопоказания.

Медиаплощадки региональных аудиторий отразили их предпочтения не только по вакцинному кейсу, а в целом. Так, московскую аудиторию получает информацию на интернет-площадках, имеющих скорее отличную от официальной точки зрения (Дождь, РБК), что в том числе и определяет повышенное недоверие москвичей к вакцинации.

Проанализированные нами данные дали социальную возможность определить не только эффективность разработанной вакцины, но этого недостаточно, необходимо исследовать приобретение «коллективного иммунитета» населением и в этом процессе существенную роль играет коммуникативное взаимодействие общества и власти.

Динамика проанализированных сообщений отражает корреляцию с информационными поводами, отражающими значимость сообщений. Ключевым событием, определившим дальнейший вектор развития событий в целом и в стране, стала массовая вакцинация от коронавируса.

Список литературы

1. Абатуров, А.Е. Патогенез COVID-19 / А. Е. Абатуров, Е. А. Агафонова, Е. Л. Кривуша, А. А. Никулина // Здоровье ребенка. – 2020. – Т. 15. – №2. – С. 133-144.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia. – 1999. – 956 с.
3. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – М.: Академический Проект. – 2007. – 335 с.
4. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция, Республика – 2006. – 269 с.
5. Бродовская, Е. В. Изменение стратегий онлайн-поведения российской интернет-аудитории: результаты сравнительного кластерного анализа (2012–2014 гг.) / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, И. С. Иванов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. – 2016. – С. 173–188.
6. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё. – Пер. с франц. М.–СПб.: Институт экспериментальной социологии – Алетейя. – 2007. – 288 с.
7. Вайнштейн, Г. Интернет как фактор общественных трансформаций / Г. Вайнштейн // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – №7. – С. 16–27.
8. Всероссийский центр изучения общественного мнения : – сайт. – URL: <https://old.wciom.ru/>, (дата обращения: 23.04.2021).
9. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС. – 1999. – 704 с.
10. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс ; [пер. с англ. Н.М. Тылевич ; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики"]. – 2-е изд., доп. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. – 590 с.
11. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Пер. с англ. Шкаратан О. И., ред. – М.: ГУ ВШЭ. – 2000. – 608 с.
12. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. – Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». – 2003. – 464 с.
13. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. – Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». – 2003. – 464 с.
14. Ракитов, А. И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях / А.И. Ракитов. – М.: Директ-Медиа. – 2014. – 105 с. : – сайт. – // URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=230128> (Дата посещения: 01.06.2020).
15. Романов, Б. К. Коронавирусная инфекция COVID-2019 / Б. К. Романов. // Безопасность и риск фармакотерапии. – 2020. – Т. 8-№1. – С. 3-8.
16. Смолян, Г. Л. Информационная среда и информационная деятельность / Г. Л. Смолян, Г. Н. Солнцева // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. – Т. 38. – 2018. – С. 32–44.
17. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: АСТ. – 2004. – 557 с.
18. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ. – 2004. – 781 с.
19. Хронология действий // Всемирная организация здравоохранения : – сайт. – URL: <https://www.who.int/news/item/27-04-2020-who-timeline---covid-19> (дата обращения: 14.04.2021).
20. Ярмач, О. В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) / О. В. Ярмач, Е. В. Страшко, Т. В. Шкайдерова. // Вестник Института социологии, 2020. – Т. 11. № 3. С. 121–142.
21. Freifeld CC, Brownstein JS, Menone CM, Bao W, Filice R, Kass-Hout T et al. Digital drug safety surveillance: 41 monitoring pharmaceutical products in Twitter. Drug Saf. 2014; 37(5):343–50.
22. Granovetter, M. Problems of Explanation in Economic Sociology". In Nitin Nohria and Robert Eccles, Editors, Networks and Organizations: Structure, Form, Action – Boston: Harvard Business School Press. – 1992. – pp. 25–56.

23. Heesterbeek, H. COVID-19 will probably become endemic – here's what that means. The Conversation. – URL: <https://theconversation.com/covid-19-will-probably-become-endemic-heres-what-that-means-146435> (дата обращения: 25.04.2021).

24. Lancet опубликовал результаты третьей фазы исследований "Спутника V". – РИА «Новости». – сайт. – // URL: <https://ria.ru/20210202/vaktsina-1595668444.html> (дата обращения: 18.04.2021).

25. Lazarsfeld, P. F. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. / P. F. Lazarsfeld, B. Berelson, H. Gaudet. – Columbia University Press, – 1948. – 214 p.

26. Logunov DY, Dolzhikova IV, Shcheblyakov DV, Tukhvatulin AI, Zubkova OV, Dzharullaeva AS, Safety and efficacy of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine: an interim analysis of a randomised controlled phase 3 trial in Russia". – The Lancet. – 2021. – Feb 20. – // URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33545094/> (дата обращения 04.06.2021).

27. Patrick Sturgis, Ian Brunton-Smith, Jonathan Jackson - Trust in science, social consensus and vaccine confidence. – 2021. DOI: 10.1038/s41562-021-01115-7.

28. Randolph, H. E. & Barreiro, L. B. Herd immunity: understanding COVID-19 – 2020. – Immunity 52, – P. 737–741.

29. Statistics and Research Coronavirus (COVID-19) Vaccinations. – URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL (дата обращения 04.06.2021).

30. Wendling C, Radisch J, Jacobzone S. The use of social media in risk and crisis communication. Paris: OECD Publishing; 2013. doi: <http://dx.doi.org/10.1787/5k3v01fskp9s-en> (дата обращения 04.06.2021).

Статья поступила в редакцию 21.06.2021

Yarmak, O. V., Voronova D. I., Evdokimova D. M., Komar A. G., Cherkess A. A. Vaccine Case: Social Media Analytic Dimension (Results of a Study of Internet Audiences in Moscow, St. Petersburg and Sevastopol)

The relevance of the results of the presented study consists in identifying trends in the information agenda about the vaccination process, the development of herd immunity in the Internet audiences of the federal centers of the country. The article presents the results of the authors' media analytical research of social media of federal centers - Moscow, St. Petersburg and Sevastopol - in December 2020 for the search objects "coronavirus / covid-19" and "vaccine / Sputnik V / Sputnik V" with the total volume of unloading about five hundred thousand online messages. The study made it possible to determine the dynamics of activity, describe the peculiarities of the transformation of the sentiment of references, and identify dominant news stories and their specificity in federal centers. The cybermetric analysis of social media carried out by the authors using the Medialogia monitoring and analysis system for social networks and the mining of big data made it possible to trace the formation of media and communication trends associated with the ambiguity of the informational assessment of the start of mass vaccination by the Internet audience. The results of the study showed the dynamics of reactions associated with the initiation of vaccination, discussion of vaccination topics, telecommuting, etc. The regionality of the Internet discourse is fixed: the most regional is the Sevastopol Internet segment with an increased concentration of local content, the Moscow and St. Petersburg audiences are to a greater extent in the federal discourse.

Keywords: social media, big data, digital environment, vaccination, vaccine Sputnik V, COVID-19

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 21-22
2021

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 01.07.2021. Формат 60×84/8. Заказ №
15/20-21. Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 13. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7